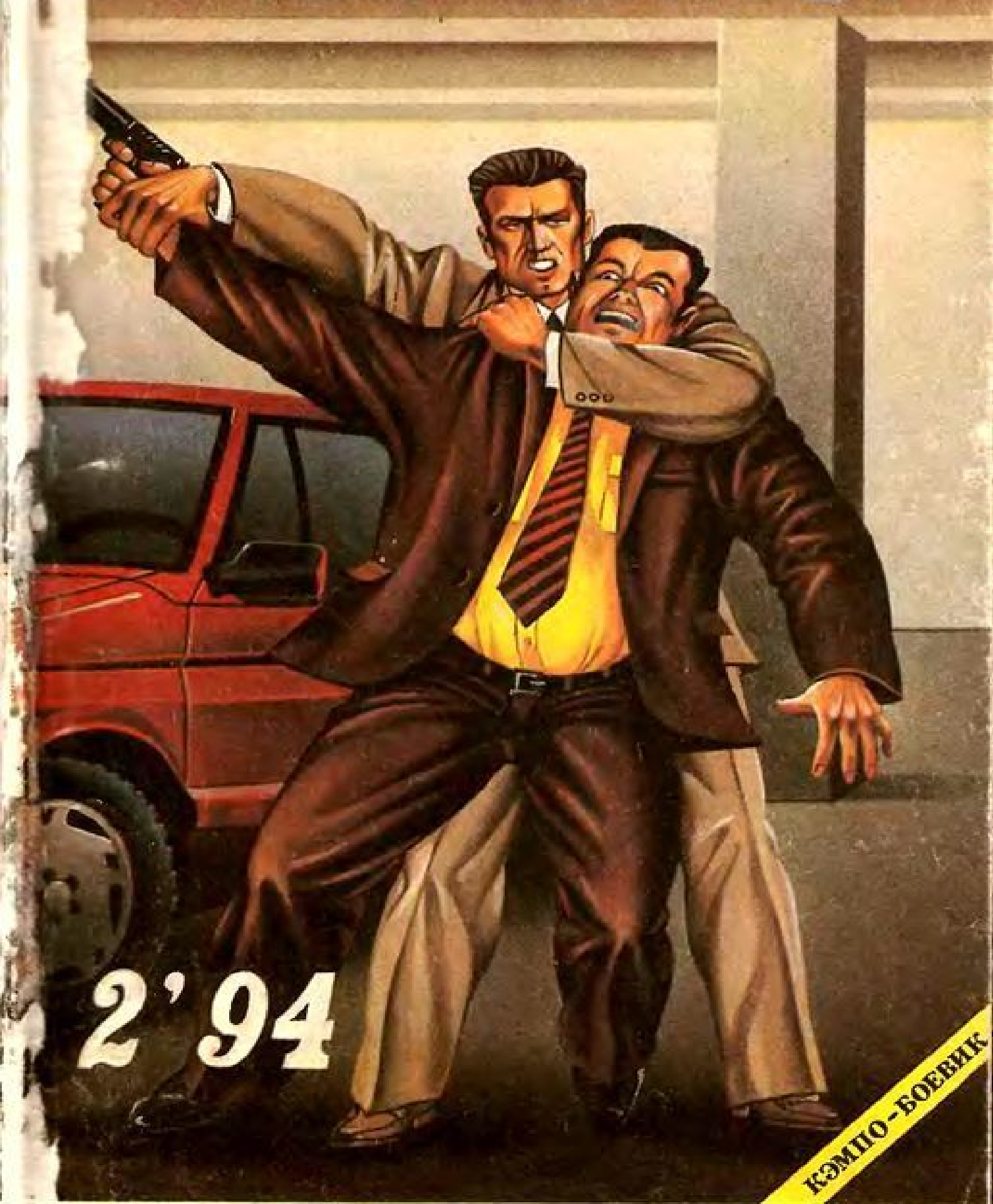

ПЕРУТОЙ СЮЖЕТ

2'94

КОМПО-БОЕВИК

Annotation

- [Ришар Сафир](#)
 - [Ришар Сафир, Уоррен Мэрфи](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Юрий Гаврюченков](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

- 6
- 7
- 8

**Ришар Сафир
Уоррен Мэрфи
Юрий Гаврюченков
КРУТОЙ СЮЖЕТ
1994, № 02**

Ришар Сафир, Уоррен Мэрфи
БЕСПОЩАДНЫЙ

Глава 1

Каждый знал, почему Ремо Уильямс должен был умереть. Шеф департамента полиции сказал своим близким друзьям, что Уильямс стал жертвоприношением группам, защищающим гражданские права. «Кто-нибудь слышал о полицейском, приговоренном к электрическому стулу за убийство торговца наркотиками? Может быть, отстранение... может быть, увольнение... но чтобы стул? Если бы тот подонок был белым, такого бы не случилось».

Для прессы шеф сказал: «Это трагическая случайность. Уильямс всегда был хорошим полицейским». Но репортеров не удалось одурачить. Они знали, почему Уильямс должен умереть. «Он был сумасшедшим. Как он вообще попал в полицию? Зверски избить человека, оставить его умирать на улице, потерять свой значок, а потом ждать, что все сойдет ему с рук? Чертов идиот».

Адвокат знал, почему его клиент обречен. «Этот проклятый значок. Мы не можем обойти улику. Почему он не признался, что избил чернокожего? Тогда суд не приговорил бы его к электрическому стулу». Судья точно знал, почему приговорил Уильямса к смерти. Все было очень просто. Ему так сказали. Правда, он не знал, почему ему так сказали. В определенных кругах не стоит задавать лишних вопросов.

Только один человек не имел понятия, почему приговор оказался таким суровым. Его удивлению наступит конец в 23.35 этой ночью.

Ремо Уильямс сидел на койке в своей камере и курил сигарету. Его светло-каштановые волосы были выбриты вокруг висков, куда охранники присоединят электроды. Он молчал. Что он мог сказать? И кому? Что ты делаешь свою работу, продвигаешься по служебной лестнице, а однажды ночью находят на улице труп торговца наркотиками с твоим значком в руке, и вместо того, чтобы наградить медалью, приговаривают тебя к электрическому стулу.

Вдруг Уильямс почувствовал отвращение к мятному аромату. Он оторвал фильтр и бросил его на пол. Потом

зажал оторванный край сигареты в зубах и глубоко затянулся. Откинувшись на койку, он выпустил струйку дыма в цементный потолок, который был таким же серым, как пол, стены и мысли охранников, стоявших в коридоре.

У Ремо были волевые, ясные, глубоко посаженные глаза с морщинками в уголках, но не от смеха. Он редко смеялся. Его тело было мускулистым, а грудь широкой. Он был лучшим полицейским в академии и на спортивной площадке. Но теперь это не имело никакого значения.

* * *

Начальник тюрьмы пытался сосредоточиться на вечерней газете. Он развернул ее рядом с нетронутым ужином на своем столе. Начальник тюрьмы должен был присутствовать при казни. Это была его работа. Почему, черт возьми, не звонит телефон?

Он посмотрел на часы. Осталось всего двадцать пять минут. Он снова вернулся к вечерним новостям. Кривая преступлений росла, как предупреждала статья на первой странице. «Ну и что, — подумал он. — Она растет из года в год. Зачем писать об этом на первой странице. Кроме того, у нас есть выход для разрешения проблем преступности: мы собираемся казнить всех полицейских». Он вспомнил о Ремо Уильямсе, сидевшем в камере смертников.

Сколько их было за семнадцать лет? Семеро. Сегодня ночью будет восьмой. Джонсон помнил каждого из них. Почему не звонит телефон? Почему комендант не вызывает? Ремо Уильямс не головорез. Он был полицейским, черт возьми, полицейским.

Почему его приговорили к смерти? Неужели испугались этих групп по защите гражданских прав? Неужели они не знают, что каждое жертвоприношение ведет к еще большему? Казнить полицейского за убийство подонка? Неужели от этого станет больше порядка?

Прошло три года с последней казни. Он думал, что все переменялось. Но последовал быстрый приговор, быстрый

отказ в обжаловании, и вот бедный Уильямс сидит в камере смертников. Черт возьми, может, бросить эту работу? Джонсон посмотрел на фотографию в рамке, стоявшую на его массивном дубовом столе. Мэри и дети. Где еще он сможет заработать двадцать четыре тысячи долларов в год?

Кнопка внутреннего телефона загорелась. На широком лице Джонсона появилось выражение облегчения. Он поднял трубку.

— Джонсон слушает.

— Рад, что застал тебя, Мэтт, — раздался в трубке знакомый голос.

«Где же мне еще быть, черт возьми», — подумал Джонсон. Вслух он сказал:

— Рад слышать тебя, комендант.

— Я хочу просить тебя об одолжении, Мэтт.

— Конечно, комендант, конечно, — сказал Джонсон.

— Через несколько минут монах со своей свитой будет в тюрьме. Может быть, они уже направляются в твой кабинет. Пусть он поговорит с этим, как его, Уильямсом, который должен умереть. И пусть другие наблюдают за казнью с контрольной панели.

— Но оттуда очень плохая видимость, — сказал Джонсон.

— Какая, к черту, разница. Он никуда не денется.

— Это против правил...

— Мэтт, брось! Мы уже не дети. Пусть все будет так. — Комендант уже не просил, он требовал. — И еще одно. Этот наблюдатель из какого-то частного госпиталя. Главный Департамент разрешил им забрать тело Уильямса. Они будут проводить исследования мозга преступника. Они приедут на скорой. Пусть их пропустят в ворота. У них будет записка от меня.

— О'кей, комендант. Я прослежу.

— Хорошо, Мэтт. Как Мэри и дети?

— Прекрасно, комендант, прекрасно.

Секретарша тихо вошла в кабинет.

— Пришел священник и еще один человек, — сказала она. — Мне пригласить их?

— Нет, — ответил Джонсон. — Пусть священник идет к заключенному Уильямсу. Другого проводите к месту экзекуции. Я не хочу видеть их.

— А как же наш священник? Разве это не странно?..

Джонсон перебил ее:

— Мисс Сканлон, делайте, что я сказал.

Он повернул кресло к кондиционеру, нагнетающему прохладный, свежий и чистый воздух в его кабинет.

Глава 2

Ремо лежал на спине, закрыв глаза и барабанил пальцами по животу. На что похожа смерть? На сон? Он любил поспать. Многие люди любили поспать. Тогда почему все боятся смерти?

Если он откроет глаза, то увидит потолок. Но в своем персональном мраке он был свободен на какое-то время, от тюрьмы и людей, которые убьют его, свободен от серых решеток и тусклого света лампочки. Темнота была миролюбивой.

Он услышал негромкий шум приближающихся по коридору шагов, которые становились все громче и громче. Потом они замерли. Раздались голоса, шорох одежды, звон ключей и дверь со скрипом открылась. Ремо заморгал от яркого света. Священник в коричневой рясе, с серебряным распятием в руке, стоял в камере. Темный капюшон закрывал его глаза. В правой руке он держал распятие, левая была спрятана в полах рясы.

Ремо сел на койке, прислонившись к стене и вытянув вперед ноги. Монах стоял неподвижно.

— У вас только пять минут, отец, — сказал охранник. Ключ снова клацнул в замке.

Священник кивнул. Ремо показал на свободное место на своей койке.

— Спасибо, — сказал святой отец. Держа распятие, как лабораторную колбу, которую боялся разбить, он сел. Выражение его лица было твердым и волевым. Голубые глаза смотрели на Ремо скорее осуждающе, чем благостно.

— Ты хочешь быть спасен, сын мой? — спросил он.

— Конечно, — сказал Ремо. — Кто же не хочет?

— Хорошо. Ты знаешь, как просветить свое сознание и покаяться?

— Смутно, отец. Я...

— Я знаю, сын мой. Бог поможет тебе.

— Да, — сказал Ремо без энтузиазма. Если быстро покончить с этим, может быть, он успеет выкурить еще одну сигарету.

— В чем твой грех?

— Я не знаю.

— Мы можем начать с нарушения Божьей заповеди «не убий».

— Я не мог не убивать.

— Скольких ты убил?

— Включая Вьетнам?

— Нет. Вьетнам не считается.

— Разве это не было убийством?

— Во время войны убийство не считается грехом.

— А когда тебя обвиняют в том, чего ты не делал? Как насчет этого?

— Ты говоришь о приговоре?

— Да. — Ремо посмотрел на свои колени.

Потом он взглянул на колени священника. У него не было времени износить серые штаны, выглядевшие только что купленными. Ряса священника тоже была совершенно новой. И еще эта странная улыбка...

— Ты покушался на чье-нибудь имущество?

— Нет.

— Совершал грабеж?

— Нет.

— Секс?

— Да.

— Богохульство, гнев, гордость, зависть?

— Нет, — сказал Ремо довольно громко.

Священник подался вперед. Легкий запах дорогого лосьона ударил в ноздри.

— Ты не священник, — сказал Ремо.

— Говори тише. Ты хочешь спасти свою душу и задницу?

Ремо посмотрел на серебряное распятие с черной кнопкой на ногах Иисуса.

Черная кнопка?

— Слушай. У нас мало времени, — сказал человек в сутане. — Ты хочешь жить?

— Конечно!

— Встань на колени.

Ремо соскользнул на пол одним движением. Койка была на уровне груди, а колени «священника», скрытые рясой, чуть ли не упирались ему в подбородок.

Распятие поднялось к его голове. Он посмотрел на серебряные ноги Иисуса, пробитые серебряным гвоздем. Рука незнакомца в рясе держала Иисуса за живот.

— Сделай вид, что целуешь его ноги. Ближе. Видишь черную пиллюлю? Вытащи ее зубами. Давай, только не урони.

Ремо открыл рот и схватил зубами черную кнопку под ногами Иисуса. Он увидел взметнувшиеся полы рясы, когда незнакомец встал, чтобы закрыть Ремо от охранников. Пиллюля осталась у Ремо в зубах. Она была твердой, вероятно из пластика.

— Не ломай скорлупу. Не ломай скорлупу, — зашипел незнакомец. — Спрячь пиллюлю во рту. Когда они застегнут шлем на твоей голове, проглоти пиллюлю целиком. Но не раньше. Ты слышишь?

Ремо сунул пиллюлю под язык. Почему столько разом обрушилось на него, когда нет времени подумать? Он потрогал пиллюлю языком.

Яд? Нет смысла.

Проглотить ее сейчас? Что тогда?

Ремо попробовал пилюлю на вкус, не ломая скорлупы. Никакого вкуса. «Священник» нагнулся к нему. Ремо сунул пилюлю под язык и сказал быстро, с мольбой в голосе:

— О'кей, я понял...

— Время, — раздался голос охранника.

— Бог простит тебя, сын мой, — громко сказал «монах», перекрестив Ремо распятием. Потом сказал шепотом:

— Увидимся позже.

Он вышел из камеры, склонив голову и держа перед собой распятие. В его левой руке что-то блеснуло. Сталь? Вместо кисти руки у незнакомца был крюк.

Ремо оперся правой рукой о койку и встал на ноги. Полость рта заполнилась слюной. Ему хотелось сглотнуть ее. Сначала нужно убрать пилюлю. Под язык. Вот так. О'кей, теперь можно осторожно проглотить слюну.

— Ну, Ремо, — сказал охранник. — Пора.

Дверь в камеру была открыта, по обе ее стороны стояли охранники. Ремо снова осторожно проглотил слюну, держа пилюлю под языком, и вышел им навстречу.

* * *

Гейнс уже видел на своем стуле четверых. Уильямс будет пятым. Он сядет на стул слишком ошеломленным, чтобы говорить или молить о пощаде, потом он посмотрит вокруг. Только смелые делали это, те, кто не боялся открыть глаза.

И Гарольд Гейнс даст ему время. Он не включит напряжение, пока начальник тюрьмы не посмотрит на него злобно. Тогда Гарольд Гейнс убьет Уильямса.

— Что-нибудь случилось? — раздался голос.

Гейнс быстро обернулся.

Невысокий мужчина с темными волосами, в черном костюме, с серым металлическим дипломатом в руке, стоял за его спиной.

— Что-нибудь случилось? — тихо повторил незнакомец. — Судя по вашей бледности, вы возбуждены.

— Нет, — резко ответил Гейнс. — Кто вы и что вам нужно?

Незнакомец улыбнулся, не обратив внимания на резкий тон Гейнса.

— Начальник тюрьмы должен был предупредить вас.

Гейнс быстро кивнул.

— Да, да, он предупреждал. — Он повернулся к контрольной панели, чтобы провести окончательную проверку. — Он сам будет здесь с минуты на минуту, — сказал Гейнс, глядя на вольтметр. — Отсюда не так хорошо видно, но если вы подойдете к окошку, то все увидите.

— Спасибо, — сказал темноволосый незнакомец, но не двинулся с места. Он подождал, пока Гейнс не включил свою смертельную игрушку, а потом посмотрел на стальные заклепки на панели, закрывающей генераторы. Он считал про себя: «Один, два, три, четыре... Вот она».

Он осторожно поставил дипломат на основание панели возле пятой заклепки. Эта заклепка была более светлого цвета, чем остальные, и на то была причина. Она была не из стали, а из магния.

Незнакомец внимательно осмотрел комнату, Гейнса, потолок, стеклянное окошко и сфокусировал свое внимание на электрическом стуле. Его правая нога незаметно пододвинула дипломат к пятой заклепке на дюйм.

Раздался слабый щелчок. Незнакомец подошел к стеклянному окошку.

Гейнс не слышал щелчка. Он поднял глаза от цифр на панели.

— Вы из Департамента? — спросил он.

— Да, — ответил незнакомец, разглядывая электрический стул.

В другой комнате здания тюрьмы доктор Марлоу Филлипс налил в стакан скотч, потом убрал бутылку с виски обратно в белый медицинский шкаф. Минутой раньше он повесил трубку телефона. Он разговаривал с начальником тюрьмы. Начальник тюрьмы сказал ему, что не он будет проводить вскрытие трупа Уильямса.

— Какая-то исследовательская группа займется его телом. Не задавайте мне вопросов. Будь я проклят, если сам что-нибудь понимаю. И я не думаю, что вы имеете какое-нибудь представление об этом.

Глава 3

Ремо сел на электрический стул. Он никогда не думал, что ему придется это делать.

Двое охранников взяли его руки, положили их на подлокотники стула и пристегнули металлическими зажимами. Ремо удивило, что он даже не сопротивлялся, как будто сам хотел помочь им. Он хотел закричать, но не смог и позволил им пристегнуть свои ноги к ножкам стула.

Потом он закрыл глаза и перекатил пилюлю под левый задний зуб, чтобы было легче раскусить ее.

Он позволил им надеть на себя небольшой металлический шлем с торчащими от него проводами. Он почувствовал затылком холодный металл шлема.

И тогда Ремо Уильямс так сильно сжал челюсти, что могли треснуть его зубы. Какая-то теплая жидкость заполнила его рот, перемешиваясь со слюной. Он проглотил ее вместе с остатка ми скорлупы пилюли.

Он почувствовал умиротворение и сонливость. Ремо открыл глаза и увидел их: охранников, начальника тюрьмы и кого-то похожего на священника. Нет, он не был похож на монаха. А, может, был. Может быть, они поступали так с каждым приговоренным, чтобы ему было все безразлично.

— У вас есть последнее желание? — Неужели это был голос начальника тюрьмы? Ремо попытался покачать головой, но она была прикреплена к стулу. Он не мог двигаться. Что держало его, пилюля или зажимы? Неожиданно этот вопрос стал ему безразличен. Когда мягкая, теплая темнота обволокла его, Ремо решил подумать над этим вопросом позже. Сначала он поспит до завтра.

Гарольд Гейнс, забыв про незнакомца, смотрел через стеклянное окошко, ожидая гневного взгляда начальника тюрьмы. Репортеры не были допущены на эту казнь, и несколько стульев в комнате оставались пустыми. В завтрашних газетах казни будет отведено всего лишь несколько строк, и имя Гарольда Гейнса не будет упомянуто.

Если бы здесь присутствовали репортеры, они несомненно раздули бы целую историю о человеке, который включал генераторы, о Гарольде Гейнсе.

Начальник тюрьмы не двигался. Уильямс тоже. Он казался расслабленным. Может, он без сознания? Его глаза закрыты. Его руки неподвижны. Этот ублюдок был слишком спокоен.

Хорошо, Гейнс разбудит его. Ток будет медленно нарастать до полной мощности.

Гейнс тяжело дышал, думая о том, что его собственная рука сейчас отправит этого Уильямса на небеса. Он даже чувствовал тепло своего дыхания, когда начальник тюрьмы отошел от электрического стула и кивнул в его сторону. Гейнс медленно повернул реостат. Генераторы загудели. Тело Уильямса содрогнулось. Гейнс медленно повернул реостат в обратную сторону. Он почти чувствовал жженный запах мяса, щекотавший ноздри тех, кто находился внутри комнаты.

Начальник тюрьмы кивнул снова. Гейнс также медленно повернул реостат. Тело содрогнулось снова и затихло. Гейнс почувствовал облегчение, отключил питание, и генераторы замолчали. Все было кончено. Он заметил, что незнакомец исчез. Отключая выключатели панели, он почувствовал злость на дурные манеры незнакомца и неважную работу генераторов. Что-то было неисправно. Завтра, обещал он себе, он осмотрит контрольную панель.

Тело Ремо Уильямса неподвижно сидело в кресле. Когда охранники сняли шлем, его голова упала на грудь. Доктор Филлипс зашел в комнату, приложил стетоскоп к груди Уильямса, объявил его мертвым и ушел.

Сопровождающие из исследовательского центра тут же получили разрешение начальника тюрьмы забрать тело. Они положили труп на носилки, закрыв его простыней. Охранники удивились спешке сопровождающих, словно мертвец не мог ждать. Машина скорой помощи ждала их с раскрытыми дверями. Сопровождающие втащили носилки в машину и закрыли двери с затемненными окнами. Темноволосый

мужчина, который стоял рядом с Гейнсом во время казни, сдернул простыню с тела Уильямса.

В правой руке он держал шприц. Левой рукой он включил верхний свет, нагнулся над телом и расстегнул тюремную рубашку. Он осторожно нащупал пятое ребро и воткнул длинную иглу в сердце Ремо. Он опускал поршень шприца, пока вся жидкость из него не влилась в тело. Вытащив иглу, темноволосый отшвырнул шприц в угол, потянулся к потолку и достал кислородную маску. Он мог слышать шипение кислорода, который начал подаваться в маску. Темноволосый накрыл маской бледное лицо Ремо и посмотрел на часы. Через минуту он приложил ухо к груди Ремо. Лицо его медленно расплылось в улыбке.

Он выпрямился, убрал маску на место и постучал в окошко водителя. Мотор загудел, машина выехала со двора тюрьмы. В пятнадцати милях от тюрьмы она остановилась на боковой дороге. Один из сопровождающих, сменивший белый халат на строгий костюм, вылез из машины и подошел к припаркованному на обочине другому автомобилю, возле которого стоял мужчина с крюком вместо левой руки.

Однорукий бросил сопровождающему ключи, выкинул сигарету и подошел к скорой. Он постучал в заднюю дверцу и назвал свое имя:

— Мак Клири.

Дверь распахнулась, он прыгнул в машину одним ловким движением. Темноволосый закрыл дверь. Мак Клири сел возле неподвижного тела, повернулся к темноволосому и спросил:

— Все в порядке?

— Мы выиграли, Кони, — сказал темноволосый. — Я думаю, мы выиграли.

* * *

Мак Клири посмотрел на человека, лежащего на носилках, чья широкая грудь медленно вздымалась. Это был

тот человек.

— Включи свет, — сказал он.

— Ты уверен, Кони? Мне запрещено это делать.

— Свет, — повторил Мак Клири. — На минуту.

Темноволосый протянул руку, салон осветился желтым светом. Мак Клири моргнул и посмотрел на лицо лежащего на носилках. Высокие скулы, закрытые глаза с темными овалами вокруг, гладкая белая кожа с небольшим шрамом на подбородке.

Если это дышащее тело заработает, то заработает многое другое; люди будут спокойнее жить на земле, которую они любят. И все это будет зависеть от человека с закрытыми веками и светлой кожей, которая была неестественного цвета в ярком желтом свете ламп. Эти веки. Мак Клири видел их раньше, тогда их тоже освещал яркий свет. Это был солнечный свет, яркое солнце Вьетнама, а этот морской пехотинец спал под серым безлиственным деревом.

Тогда Мак Клири работал в ЦРУ. Одетый в армейскую форму майора, он шел по холмам в сопровождении двух морских пехотинцев. В небольшой деревне, вдали от фронта, находился штаб вьетконговцев. Объектом ЦРУ были явки, пароли и списки симпатизирующих вьетконговцам в Сайгоне. Если бы американский десант атаковал штаб в открытую, коммунисты сожгли бы списки. ЦРУ нужны были эти списки.

Мак Клири разработал мгновенную атаку морских пехотинцев на штаб, но это было похоже на атаку камикадзе. Мак Клири надеялся провести ее так быстро, что у коммунистов не будет времени уничтожить списки. Морские пехотинцы должны были ему помочь. Но когда он прибыл к ним в штаб, капитан кивнул на какую-то грудку, накрытую брезентом, на которой сидели два морских пехотинца с автоматами в руках.

— Что это? — спросил Мак Клири.

— Ваши списки, — небрежно сказал капитан. Это был невысокий худощавый мужчина, чья форма была тщательно отглажена.

— Но как же атака? Вы не должны были ее начинать до моего прибытия.

— Вы нам не понадобились, — сказал капитан. — Забирайте ваши бумажки и убирайтесь отсюда. Мы сделали свою работу.

Мак Клири хотел что-то сказать, но передумал и подошел к брезенту. Через двадцать минут изучения иероглифов Мак Клири улыбнулся и кивнул капитану морских пехотинцев.

— Я составлю соответствующий рапорт в ЦРУ, — сказал он.

— Делайте, что хотите, — произнес капитан угрюмо.

Мак Клири осмотрел дом, служивший прежде штабом вьетконговцев. На его стенах не было следов пуль.

— Как вам это удалось? Вы действовали одними штыками?

Капитан снял свою каску и пригладил волосы на висках.

— И да, и нет.

— Что это значит?

— У нас есть парень. Он мастер по таким штучкам.

— Каким штучкам?

— Бесшумно убивать.

— Что?

— Он вошел в этот дом и убил всех вьетконговцев. Мы часто используем его в ночных вылазках. Он настоящий профессионал. Это гораздо проще, чем брать штаб штурмом.

— Как он это делает?

Капитан пожал плечами.

— Я не знаю. Никогда не спрашивал.

— Я думаю, он получит правительственную награду, — сказал Мак Клири.

— За что? — спросил капитан. Он выглядел удивленным.

— За эти документы и за убийство... скольких людей?

— Кажется, их было пятеро. — Капитан по-прежнему был удивлен.

— За документы и уничтожение пятерых вьетконговцев.

Капитан пожал плечами.

— Уильямс делает это все время. Не вижу ничего особенного в этот раз. Он не любит медалей. Лучшая награда — отправка домой.

Мак Клири посмотрел на капитана, думая, что тот шутит. Но он был серьезен.

— Где он? — спросил Мак Клири.

Капитан кивнул в сторону.

— Под тем деревом.

Мак Клири увидел под деревом морского пехотинца, лежавшего на земле. Он посмотрел на бывший штаб вьетконговцев, на скучного капитана и снова на человека под деревом.

— Не спускайте глаз со списков, — сказал он, медленно направляясь к дереву.

Он ткнул ногой каску морского пехотинца.

Тот заморгал и лениво открыл глаза.

— Как тебя зовут? — спросил Мак Клири.

— Меня зовут Ремо Уильямс, майор, — ответил он, поднимаясь.

— Лежи, — сказал Мак Клири. — Это ты захватил документы?

— Да, сэр. Что-нибудь не так?

— Нет. Ты думал о карьере военного?

— Нет, сэр. Мой срок заканчивается через два месяца.

— Что ты собираешься делать потом?

— Поступить на службу в полицейский департамент Неварка.

— Это достойный выбор.

— Да, сэр.

— Это Неварка в Нью-Джерси? — спросил Мак Клири.

— Да, сэр.

— Хорошей работы.

— Спасибо, сэр, сказал морской пехотинец и снова закрыл глаза.

Тогда-то Мак Клири и увидел эти закрытые веки.

* * *

Уильямс мирно спал под воздействием наркотика. Мак Клири кивнул темноволосому.

— Выключай свет.

Неожиданный мрак был более ослепляющим, чем яркий свет.

— Дорогой он, сукин сын, а? — спросил Мак Клири. — Ты проделал хорошую работу.

— Спасибо.

— Хочешь сигарету?

— Разве вы их носите с собой?

— Только ради тебя, — сказал Мак Клири.

Оба рассмеялись. Ремо Уильямс издал стон.

— Мы победили, — снова сказал темноволосый.

— Да, — согласился Мак Клири. — Он начинает чувствовать боль.

Они снова рассмеялись. Потом Мак Клири закурил, глядя на мерцающий огонек сигареты. Через несколько минут скорая свернула на Нью-Джерси Тернпайк, заполненную

потоком машин. Скорая неслась сквозь ночь. Мак Клири выкурил еще пять сигарет, прежде чем водитель замедлил скорость и постучал в окошко салона.

— Да? — спросил Мак Клири.

— До Фолкрафта осталось всего несколько миль.

— О'кей, едем дальше, — сказал Мак Клири. Слишком большие шишки дожидались их прибытия в Фолкрафте.

Через полчаса скорая свернула с асфальта и ее колеса зашуршали по гравию. Машина остановилась, из кабины выскочил второй сопровождающий, быстро осмотрелся. Никого. Он подошел к огромным железным воротам в высокой кирпичной стене. На воротах висела бронзовая табличка: Фолкрафт.

А в тюрьме Гарольд Гейнс понял, что было не так во время казни. Свет не замигал, когда умер Ремо Уильямс.

В этот момент «труп» Ремо Уильямса проезжал в скорой через ворота Фолкрафта. Конрад Мак Клири посмотрел на табличку на воротах и подумал про себя: «Нам нужно было еще добавить: „Оставь надежду, всяк сюда входящий“».

Глава 4

— Он уже в палате? — спросил человек с желтым лицом, сидящий за столом со стеклянным верхом, на котором стоял компьютер.

— Нет, я оставил умирать его на газоне. Так мы сможем завершить работу палача, — пробормотал Мак Клири. Он был измотан и опустошен напряжением.

Это напряжение продолжалось уже четыре месяца с тех пор, как он убил того негра на улице Неварка. И теперь его шеф, Гарольд Смит, второй человек в Фолкрафте, который знал, на кого они действительно работали, этот сукин сын со своими бумажками и компьютером, спрашивал его, беспокоился ли он о Ремо Уильямсе.

— Не надо так нервничать, Мак Клири. Мы все на пределе, — сказал Смит. — Но еще ничего не кончилось. Мы даже не знаем, согласится ли наш новый гость работать на нас. Он означает для нас совершенно новую тактику.

Смит имел дурную привычку подробно объяснять то, что было очевидно. Он делал это с таким старанием и искренностью, что Мак Клири хотелось вырвать внутренности компьютера крюком и размазать их по седой голове Смита. Тем не менее, Мак Клири только кивнул и сказал:

— Должен ли я сказать ему, что это будет продолжаться только пять лет?

Пять лет. Такова была договоренность. Никаких других дел в течение пяти лет. Так сказал ему Смит пять лет назад, когда они были переведены из ЦРУ.

Смит и тогда носил этот проклятый серый костюм. Он запомнился ему еще тогда, когда они завтракали вдвоем в ресторане по дороге в Аннаполис.

— Через пять лет мы свернемся, — сказал Смит. — Это нужно для безопасности нации. Если все будет успешно, нация никогда не узнает, что мы существовали, и конституционное правительство будет в безопасности. Я не

знаю, имеет ли к этому отношение президент. Я контактирую только с теми, кому положено знать. Ты будешь контактировать со мной. Больше ни с кем. Ко всем остальным ты глух, нем и слеп.

— Ближе к делу, — сказал Мак Клири. Он никогда не видел Смита таким возбужденным.

— Я выбрал тебя потому, что тебя ничто не связывает с обществом. Ты разведен. У тебя нет семьи. Нет и видов на ближайшую женитьбу, кроме того, несмотря на скверный характер, ты довольно компетентный агент.

— Хватит ходить вокруг да около. Что нужно делать?

Смит посмотрел на волны океана, простирающегося за окном.

— Эта страна в опасности, — сказал он.

— Мы всегда в какой-нибудь опасности, — произнес Мак Клири.

Смит проигнорировал его слова.

— Мы не можем сдержать рост преступности. Это нетрудно понять. Если мы будем действовать в рамках конституции, мы потерпим поражение в противоборстве с преступностью, по крайней мере, с организованной. Закон бессилен. Подонки одерживают верх над ним.

— При чем здесь мы?

— Мы должны остановить этих подонков. В другом случае нас ждет либо полицейский террор, либо полный крах. Мы с тобой — единственная надежда Америки.

Мы с тобой вступаем в организацию «Кью» — «Лекарство против зла», которая действует под прикрытием психологических исследований. Мы будем действовать вне закона, чтобы остановить организованную преступность. Мы будем выполнять для этого все нужные операции, А потом организация прекратит свое существование.

— Пять лет? — спросил Мак Клири.

— Пять.

Прошло больше пяти лет. «Кью» обнаружил, что преступный мир гораздо сильнее и организованнее, чем могли предположить в Вашингтоне.

Целые промышленные отрасли, профсоюзы, полицейские департаменты и даже законодательные власти штатов контролировались преступными синдикатами. Политические компании стоили денег и преступность платила их. Сверху пришло указание: «Кью» продолжать работу.

Фолкрафт подготовил сотни агентов, каждый из которых знал только свою работу, не зная о целях. Они работали по всей стране. В качестве агентов ФБР, агентов или инспекторов из департамента налогов они собирали необходимую информацию.

Специальное подразделение организовало сеть агентов, которые подслушивали случайные слова, произнесенные в баре или ресторанчике, где собирались представители преступного мира. Агенты использовали пятидолларовые банкноты и большие взятки. Шулеры, сводники, проститутки и служащие баров работали на «Кью», получая небольшие подачки от какого-нибудь случайного парня или представительной дамы. Несколько слов за несколько долларов.

Букинист из Канзаса думал, что имеет дело с соперничающим синдикатом, когда продал за тридцать тысяч долларов своих боссов.

Торговец наркотиками из Сан-Диего, который никогда не попадал в суд, несмотря на многочисленные аресты, всегда носил с собой полный карман мелочи для уличных телефонных разговоров из телефонных автоматов.

Блестящий молодой адвокат, купленный профсоюзом Нью-Орлеана, постоянно выигрывал дела, пока однажды ФБР не получило таинственный рапорт на трехстах страницах, который давал возможность Департаменту Верховного Судьи арестовать всех лидеров профсоюза. Блестящий молодой адвокат вдруг стал очень неуклюжим в суде. У осужденных

преступников из профсоюза не было шансов на помилование. В конце концов молодой адвокат покинул штат и исчез.

Высокий полицейский чиновник из Бостона занялся слежкой. Один богатый фермер одолжил ему сорок тысяч долларов. Этот фермер хотел знать, на кого работает такой-то полицейский.

И за всем этим стоял «Кью». Информация, в том числе бесполезная, стекалась в Фолкрафт. Она была предназначена для людей, которых нигде не было, для организации, которая не существовала на бумаге, для агентов правительства, которые не имели к правительству никакого отношения.

В Фолкрафте целая армия служащих, большинство которых считало, что работает на Внутренний Департамент Налогов и Сборов, обрабатывала информацию, связанную с налогами, мошенничеством, наркотиками и всем, что касалось преступной деятельности. Дальше информация поступала в компьютерную сеть, занимавшую большую часть Фолкрафта. Компьютеры делали то, чего не могли сделать люди. Они разделяли информацию на полезную и бесполезную, рисуя в целом картину преступности в Америке. Дальше принимались не санкционированные законом меры.

ФБР, Департамент Налогов и даже ЦРУ получали специальные рапорты и доклады. «Кью» действовал там, где закон был бессилён. Король преступного мира из Тускалусы вдруг получал документальные доказательства того, что его коллега в Алабаме собирается выдать его властям. В свою очередь король из Алабамы получал таинственное донесение о том, что его собираются убить. В итоге обе группировки затевали между собой войну, которая вела их к обоюдному уничтожению.

Нечистый на руку политический деятель из Нью-Джерси вдруг терял огромные деньги, потраченные на предвыборную кампанию, когда его соперникам становились известны щепетильные подробности его карьеры. В результате ему приходилось бежать на Ямайку.

Но в целом операция проходила медленно, чудовищно медленно. «Кью» наносило удары по гигантским синдикатам,

но они снова поднимались и тянули свои щупальца по всей Америке. Внедрение агентов в определенные сферы — особенно в районы Нью-Йорка, где Коза Ностра действовала более гладко и эффективно, чем другие синдикаты, — было похоже на ныряние в бассейн, полный акул. Информаторы исчезали. Глава специального подразделения информаторов был убит. Его тело так и не нашли.

— Ты тратишь кучу денег, — говорил Смит, — у тебя достаточно людей и оборудования. Мы тратим больше магнитофонных лент, чем армия — патронов. А твои новобранцы так и не могут сделать свою работу.

Мак Клири обычно отвечал:

— Наши руки связаны. Мы не можем использовать силу.

Смит упорствовал.

— В Европе, где, как ты помнишь, мы удачно выступили против Германии, мы тоже не использовали силу. ЦРУ тоже не использует силу против России, однако делает все успешно. Тебе же подавай пушки против хулиганов.

— Вы очень хорошо знаете, сэр, что мы имеем дело не с хулиганами. — Мак Клири начал кипятиться. — И вы знаете, черт возьми, что в Европе за нами стояли целые армии, а за действиями ЦРУ стоит весь военный арсенал Америки. Нам же приходится воевать только этими компьютерами.

Смит выпрямился за столом и почти закричал:

— В хороших руках компьютеры тоже оружие!

Потом он подал рапорт наверх, что одних компьютеров недостаточно.

Глава 5

На протяжении пяти лет все продолжалось по-старому до одного весеннего дня, когда Мак Клири решил вздремнуть, а Смит постучал в его дверь в своем обычном сером костюме.

— Меня нет, — закричал Мак Клири, — кто бы ты ни был.

Дверь медленно открылась, и чья-то рука потянулась к выключателю. Мак Клири сидел в шортах на большой розовой подушке, держа между ног бутылку.

— А, это ты, — сказал он Смит, который оделся словно на парад, в белую рубашку, полосатый галстук и серый костюм.

— Сколько у тебя серых костюмов, Смит?

— Семь. Просыпайся, это важно.

— Для тебя все важно. Всякие бумажки, отчеты, счета. — Он посмотрел на Смита, который переводил взгляд с порнографических фотографий на стене на буфет, заставленный бутылками, потом на подушки, валяющиеся на полу и, наконец, на оранжевые шорты Мак Клири.

— Как ты знаешь, у нас есть проблемы в Нью-Йорке. Мы потеряли семерых, но не обнаружили ни одного тела. Как ты знаешь, у нас есть проблема с человеком по имени Максвелл, к которому у нас нет даже выхода.

— Разве?

— Мы приостановили деятельность в Нью-Йорке, пока не подготовим новую единицу.

— Очередное пушечное мясо.

— На этот раз нет. — Смит закрыл за собой дверь. — Мы получили разрешение, очень скользкое, но все же разрешение на использование силы. Мы получили лицензию на убийство.

Мак Клири выпрямился. Он поставил бутылку на стол.

— Давно пора. Всего пять человек. Это все, что мне надо. Сначала мы найдем этого Максвелла, а потом разберемся по всей стране.

— Это будет только один человек. Ты найдешь его за эту неделю и организуешь его подготовку за тридцать дней.

— Ты выжил из ума. — Мак Клири вскочил с подушки и заходил по комнате. — Ты выжил из своего вонючего ума, — кричал он. — Один человек?

— Да.

— Как ты на это согласился?

— Ты знаешь, что у нас никогда не было подобного человека. Наверху боятся. Но они считают, что один человек не сможет нанести большого вреда, а в случае чего его легко убрать.

— Они правы, что он не сможет нанести много вреда. Но он не сможет сделать и много хорошего. Ему не прожить долго. А что будем делать, когда его убьют?

— Найдешь другого.

— Ты знаешь, что из пятидесяти человек едва найдешь одного более-менее компетентного агента для такой работы? Одного из пятидесяти! А я должен найти только одного из одного.

— Уверен, что ты найдешь лучшего, — спокойно ответил Смит.

— Лучшего? О, он должен быть лучшим. Он должен быть жемчужиной.

— Ты должен как следует подготовить его. Твой бюджет не ограничен. Ты можешь привлечь к этому пять... шесть инструкторов.

Мак Клири плюхнулся в кресло.

— Понадобится не меньше двадцати.

— Десять.

— Одиннадцать, — настаивал Мак Клири. — Борьба, движения, замки, вооружение, окружающая среда, шифры, язык, психология. Понадобится по крайней мере одиннадцать инструкторов и шесть месяцев.

— Одиннадцать инструкторов и три месяца.

— Пять месяцев.

— Хорошо, одиннадцать инструкторов и пять месяцев, — согласился Смит. — Ты знаешь подходящего агента? Может, кто-нибудь из ЦРУ?

— Среди них нет суперменов.

— Сколько тебе понадобится времени, чтобы найти его?

— Может, я вообще не смогу найти его, — сказал Мак Клири, звеня бутылками в баре. — Убийцами не становятся, ими рождаются.

— Чепуха. Даже клерки и лавочники становились убийцами во время войны.

— Они не становились убийцами, Смит. Они только узнавали, что были убийцами. Они такими родились. Раньше они не знали этого потому, что не носили оружия. Иногда лучшие из них испытывают неприязнь к насилию. Они избегают его. В своих сердцах они знают, кто они, как знает алкоголик, держа в руках бутылку. Он знает, что будет, если он выпьет. То же самое с убийством.

Мак Клири растянулся на кушетке и начал открывать новую бутылку. Он махнул ею Смиту, как будто хотел успокоить его.

— Ладно, я постараюсь.

На следующее утро Смит запивал третью таблетку аспирина, когда в кабинет вошел Мак Клири. Он подошел к окну и посмотрел наружу.

— Что ты хочешь? — проворчал Смит.

— Кажется, я найду нашего человека.

— Кто он? Чем занимается?

— Я не знаю. Я видел его только раз во Вьетнаме.

— Найди его, — сказал Смит. — И убирайся отсюда, — добавил он, бросая в рот очередную таблетку аспирина. Он небрежно бросил вслед Мак Клири, который направился к двери: — Да, кстати. Наверху хотят еще кое-что от нашего человека. Он не должен существовать.

Усмешка Мак Клири превратилась в удивление.

— Он не должен существовать, — повторил Смит. — Он не должен оставлять следов. Он не должен существовать, как не существует его работа, как не существует наша организация.

Он поднял глаза.

— Есть вопросы?

Мак Клири хотел сказать что-то, но передумал, развернулся и вышел из кабинета.

На это ушло четыре месяца. И теперь у «Кью» был человек, который не существовал. Он умер на электрическом стуле.

Глава 6

Первое, что увидел Ремо Уильямс, было ухмыляющееся лицо монаха, которое смотрело на него. Над лицом горел яркий белый свет. Ремо заморгал. Лицо осталось на месте и по-прежнему ухмылялось..

— Похоже, наш малыш проснулся, — сказала лицо монаха.

Ремо застонал. Его тело онемело, словно он проспал тысячу лет. Его запястья и лодыжки пылали от боли там, где электрические зажимы обожгли плоть. Во рту пересохло, язык стал словно губка. Тошнота поднималась из живота и окутывала мозг. Ему казалось, что его голова была прибита к столу, и он только что вырвал часть черепа. Он медленно повернул голову в первоначальное положение. Что-то кричало в его мозгу. Виски готовы были взорваться.

Бум. Бум. Бум. Он закрыл глаза и застонал. Он дышал. Он был жив.

— Мы дадим ему успокаивающее, чтобы ослабить эффект, — раздался голос. — Он будет как новенький через несколько дней.

— А если без успокаивающего? — спросил монах.

— Через пять-шесть часов. Но тогда у него будет агония. С успокаивающим он сможет...

— Никакого успокаивающего.

Сильная боль терзала его голову, словно острыми когтями. Гремели барабаны. Бум. Бум. Бум. Казалось, это продолжалось годы. Но сиделка сказала ему, что прошло всего шесть часов, как он пришел в сознание. Его дыхание было спокойным. В руках и ногах он чувствовал тепло. Боль в висках, запястьях и лодыжках стала тупой. Он лежал на мягкой кровати в белой комнате. Полуденное солнце светило через большое окно справа. Снаружи легкий бриз качал деревья с желто-красной осенней листвой. Ремо был голоден. Он был жив, и он был голоден.

Он потер свои запястья, повернулся к неподвижной сиделке, сидящей на стуле в ногах кровати, и сказал:

— Я могу поесть?

— Только через сорок пять минут.

Сиделке было около сорока с небольшим лет. Ее лицо было грубым, словно вырезанным из камня. На ее почти мужских руках не было обручального кольца. Ее ноги, согнутые в коленях, могли принадлежать шестидесятилетней.

Ремо застегнул свою белую пижаму и сел на кровати. Он пошевелил плечами. Это была обычная больничная палата с кроватью, сиделкой, тумбочкой и окном. Только на сиделке не было шапочки с названием госпиталя, а второе стекло в окне было испещрено стальными прожилками. Он протянул правую руку за спину и задрал пижаму через голову. На ней не было никаких надписей. Он снова лег в постель и стал ждать еды. Он закрыл глаза. Как хорошо быть живым. Быть живым, слышать, дышать, чувствовать, видеть. В жизни была только одна цель: жить.

Его разбудил шум голосов. В палате находились монах с крюком вместо руки, сиделка и два доктора.

— Я снимаю с себя ответственность за здоровье этого человека, если он не будет питаться в течение двух дней умеренной пищей, — сказал один из докторов. Другой врач и сиделка кивнули в знак согласия с коллегой.

На монахе уже не было сутаны. На нем был свитер персикового цвета и коричневые брюки. Он положил свой крюк на металлическую спинку кровати.

— А я и не прошу вас отвечать за него. Я отвечаю. Он будет есть все, что ест нормальный человек.

— В таком случае я отправляюсь к начальнику, доктору Смиту, — сказал первый врач.

— Я пойду с ним, — сказал второй.

Монах сказал:

— Хорошо, идите. Прямо сейчас. — Он показал им на дверь. — Передайте Смиту мой привет.

Когда они ушли, он запер дверь. Потом подкатил сервировочный столик к кровати. Он сел на стул сиделки и снял крышку с одной из серебряных посуды на подносе. В ней были устрицы с маслом и красным перцем.

— Меня зовут Кони Мак Клири, — представился он, положив устриц на тарелку и и протянув их Ремо.

Ремо сел на кровати и взял тарелку. Он подцепил большой кусок белого мяса и проглотил его не разжевывая. Он запил мясо глотком золотистого пива из стакана, тут же протянутого ему. Потом снова начал поглощать устриц.

— Вероятно, вы удивлены тем, что находитесь здесь? — услышал Ремо голос Мак Клири.

Ремо подцепил очередной кусок мяса вилкой и отправил его в рот. Пылающий от перца рот он заливал золотистым тягучим пивом. Он кивнул Мак Клири, потом поднял вилку и отправил мясо моллюска в рот.

Мак Клири начал говорить. Он говорил, пока Ремо ел устриц и пил пиво, он продолжал говорить, когда поднос опустел, а солнце в окне опустилось за горизонт и пришлось включить свет.

Он рассказывал о Вьетнаме, где молодой морской пехотинец ворвался в штаб вьетконговцев и убил пятерых. Он говорил о жизни и смерти. Он говорил о какой-то «Кью».

— Я не могу сказать тебе, кто этим руководит, — сказал Мак Клири.

Ремо сделал глоток бренди. Он предпочитал менее крепкое спиртное.

— Но я твой босс. Ты не сможешь по-настоящему любить, но в твоём распоряжении будет много женщин. Деньги? Нет вопросов. Только одна опасность: если ты проговоришься, ты не сможешь выйти из игры. Но если ты будешь следить за своим языком, неприятностей не будет. Ты будешь жить в достатке до конца своей жизни.

Мак Клири подался вперед.

— Ты получишь даже пенсию, — сказал он, глядя на Ремо, который изучал поднос в поисках еще какой-нибудь еды.

— Кофе? — спросил Ремо.

— Мак Клири открыл высокий термос с горячим кофе.

— Но я должен предупредить тебя, что это грязная и вонючая работа, — сказал Мак Клири, наливая кофе в чашку. — Настоящая опасность в том, что эта работа будет уничтожать тебя изнутри. Если у тебя будет бессонная ночь, твой мозг будет разрываться от мыслей. О'кей... байки про пенсию это все чепуха. Никому из нас не надо беспокоиться о старости, потому что нам не суждено до нее дожить.

Он посмотрел в серые холодные глаза Ремо и сказал:

— Я обещаю тебе ужас за завтраком, озноб в обед, напряжение за ужином и ухудшение перед сном. Каждые две минуты тебе придется оглядываться через плечо, чтобы убедиться, что никто не стоит за спиной. У тебя не будет и пяти минут, чтобы ты не думал о том, как убить кого-то, или как не быть убитым самому.

Но я тебе обещаю... — Мак Клири понизил голос. Он встал и потер свой крюк. — Я обещаю, что однажды Америке не понадобится «Кью», благодаря тому, что мы сделаем. Может, настанет день, когда дети смогут появляться на любой улице в любое время, не боясь подонков. Однажды Нью-Йорк не будет переполнен четырнадцатилетними хулиганами, мечтающими об игле, и несовершеннолетними девчонками, которых гоняют, как скот, из одного публичного дома в другой.

И может быть, честные судьи будут вести уголовные дела, не беря взятки от мошенников и аферистов. Мы будем бороться с тем, с чем не хотят бороться американцы, которые, может быть, даже не хотят выиграть в этой войне.

Мак Клири отвернулся от Ремо и подошел к окну.

— Если ты проживешь шесть месяцев, это будет удивительно. Если ты будешь жить через год, это будет фантастика. Это все, что я могу тебе предложить.

Ремо налил в кофе молоко, сделав его светлым.

— Да, конечно, конечно, — сказал Ремо, глотая кофе. — Ты можешь рассчитывать на меня.

Кажется, этот ответ удовлетворил Мак Клири.

— Это вы подставили меня? — спросил Ремо.

— Да, — ответил Мак Клири без эмоций.

— Ты убил этого парня?

— Да.

— Хорошая работа, — сказал Ремо. А потом он спокойно спросил Мак Клири, как ему понравится электрический стул, на который он может отправиться однажды, лишившись всех друзей.

Глава 7

— Что теперь? — спросил Ремо безразличным голосом. Он прислонился к брускам в большом, светлом гимнастическом зале. На нем было белое кимоно с белым поясом. Он играл концами пояса и смотрел на Мак Клири, который стоял у открытой двери в дальнем конце гимнастического зала. Полицейский револьвер 38-го калибра висел на его крюке.

— Еще одна минута, — крикнул Мак Клири.

— Я не могу ждать, — пробормотал Ремо, послав свой плетеный сандаль по отполированному полу. С шуршанием он прокатился по полу, оставив царапину.

Ремо тихо засвистел и уставился на высокий широкий потолок с массивными металлическими балками. Что будет сейчас? Опять тренировка в стрельбе? За две недели инструкторы показали ему все, от ружей Маузера до духовых. Его обучали разбирать их, смазывать и настраивать. Потом его обучали позициям для стрельбы. Его учили быстро хватать оружие и стрелять. Прикидываться неподвижным и не выдавать себя движениями тела. Это было болезненно. Каждый раз ему приходилось напрягаться, чтобы правильно выполнить последующие действия.

— Это полезное занятие, — говорил, улыбаясь, инструктор. — Ты пока не можешь контролировать свои мышцы, а мы научим тебя этому. Твои мышцы научатся этому, даже если ты сам не научишься.

И мышцы научились.

Потом приветствие. Целыми часами его обучали обычному приветствию, а потом стрельбе из пистолета, когда инструктор протягивал ему руку для пожатия.

Снова и снова те же слова:

— Подпусти ближе. Ближе, ты, идиот, ближе! Ты не телеграмму посылаешь. Двигай рукой, как будто собираешься ответить на приветствие. Нет, нет! Так заметен револьвер. Ты

должен выстрелить трижды, пока поймут, что ты враг. Попробуй еще раз. Нет. С улыбкой. Еще раз. Отведи глаза от своей руки. Да, хорошо. Еще.

Он становился автоматом. Однажды он попробовал это на Мак Клири в классе. Ремо вошел с приветствием, но когда он поднял пистолет, его глаза ослепила вспышка. Он не понимал, что случилось, пока Мак Клири, смеясь, не поднял его с пола.

— Ты научишься, — сказал Мак Клири.

— Может быть. Как ты заметил?

— Это не я, а мои мышцы. Ты научишься этому. Твои рефлексy будут быстрее твоего мозга.

— Да, — сказал Ремо. — Я не могу ждать. — Он протер свои глаза. — Чем ты меня ударил?

— Пальцами.

— Чем?

— Пальцами. — Он вытянул свою руку. — Видишь, я...

— Неважно, — сказал Ремо, и они приступили к занятию. Когда оно было закончено, Мак Клири спросил:

— Тебе одиноко?

— Нет, это похоже на бал, — усмехнулся Ремо. — В классе все время только я и инструктор. Я отправляюсь спать, охранник будит меня утром. Я встаю, мне приносят завтрак. Они не разговаривают со мной. Я ем один. Сплю один. Живу один. Иногда мне кажется, что «стул» был бы лучше.

— Ты жесток к себе. Ты уже побывал раз на электрическом стуле. Тебе понравилось?

— Нет. Как вы меня вытащили?

— Это было просто. Пилуля содержала наркотик, который заставил выглядеть тебя мертвым. Мы вмешались в электрическую систему. Один из наших парней снизил напряжение до безопасного уровня. Когда мы ушли, электрическая система снова была приведена в порядок, и следов не осталось. Это было легко.

— Да, легко для вас, но не для меня.

— Все позади, — улыбка Мак Клири исчезла. — Но, может быть, ты прав. Может быть, «стул» был лучше. По крайней мере, тебе не было бы одиноко.

— Это точно, — засмеялся Ремо. — Послушай, мне же когда-то придется выйти на задание. Почему бы мне не прогуляться в город сегодня?

— Потому что, если ты выйдешь за ворота, ты никогда не вернешься.

— Это не объяснение.

— Тебя не должны видеть поблизости. Ты знаешь, что мы вынуждены будем сделать.

Ремо пожалел о том, что пистолет в его руке не был настоящим. Только одна ночь в городе, несколько глотков виски. У каждого свои слабости. Что они сделают ему? Убьют? Они слишком много вложили в него. Но кто знает, на что они способны?

Сейчас он хотел наконец получить задание. Нет, его не привлекала работа. Он просто хотел выйти из Фолкрафта, выйти из этой маленькой тюрьмы.

Он пустил по полу второй сандаль.

— Ну так что? — крикнул он Мак Клири.

— Одну минуту. Вот он идет.

Когда Ремо поднял глаза, то чуть не рассмеялся. Но фигура вошедшего в зал была слишком трогательной, чтобы смеяться над ней. Он был не выше 160 см. Белое кимоно с красным поясом болталось на его щуплых плечах. Несколько седых клочков волос свисали над тощим восточным лицом. Морщинистая кожа была похожа на старый желтый пергамент.

На нем были такие же шлепанцы, а под мышкой он держал две толстые доски.

Мак Клири почтительно поклонился вошедшему старику. Они подошли к Ремо.

— Чжиун, это Ремо Уильямс, твой новый ученик.

Глава 8

Чжиун поклонился. Ремо просто посмотрел на него.

— Чему он будет обучать меня?

— Убивать, — сказал Мак Клири. — Быть неуязвимой и почти невидимой машиной убийств.

Ремо запрокинул голову и тяжело вздохнул.

— Хватит, Кони. Перестань. Кто он?

— Убийца, — спокойно сказал Мак Клири. — Если он захочет, ты умрешь раньше, чем успеешь моргнуть.

В воздухе сильно пахло хризантемами. Этот запах исходил от Чжиуна. Убийца? Он выглядел пациентом из дома для престарелых.

— Хочешь попробовать застрелить его?

— Зачем? Ему и так осталось недолго жить.

Чжиун оставался невозмутимым, как будто он не понимал разговора. На больших руках, сжимавших доски, набухли толстые вены. Лицо с узкими карими глазами не выражало ничего, кроме абсолютного спокойствия. Его спокойствие было даже необычным. Ремо посмотрел на револьвер Мак Клири. Потом он снова посмотрел в глаза Чжиуна. В них ничего не было.

— Дай-ка мне револьвер. — Он снял оружие с крюка Мак Клири. Сознание Ремо автоматически определяло характеристики револьвера, которые вбили в него за время занятий. Радиус действия, точность, процент попадания и промахов, воздействие. Чжиун будет мертвецом.

— Чан собирается спрятаться за что-нибудь или как? — спросил Ремо. Он откинул ствол. Барабан был полностью заряжен.

— Он Чжиун. Он не будет прятаться, а останется прямо перед тобой.

Мак Клири дотронулся крюком до его бедра. Это был знак, что у него в запасе есть шутка. Ремо уже видел этот жест несколько раз раньше. Его обучили обращать внимание на действия, предшествующие действию. У каждого они есть, как сказал инструктор, нужно только увидеть их. Этот жест принадлежал Мак Клири.

— Если я прикончу его, ты отпустишь меня на недельку отсюда?

— На ночь, — ответил Мак Клири.

— Значит, я все-таки могу это сделать? — Нет. Я просто подогреваю тебя.

— Значит, ночь?

— Ночь.

— Конечно, — сказал Ремо, — я убью его. — Он держал револьвер у своей груди, что, как его учили, способствовало более точной стрельбе и затрудняло выбивание револьвера из рук неожиданной атакой.

Он нацелил дуло на тщедушную грудь Чжиуна. Старик стоял неподвижно. Слабая улыбка появилась на его лице.

— Сейчас? — спросил Ремо.

— Дай себе шанс, — сказал Мак Клири. — Пусть он отойдет в другой конец зала. Так он убьет тебя раньше, чем ты нажмешь на курок.

— Разве долго нажать курок? У меня есть преимущество.

— У тебя его нет. Чжиун двинется раньше, чем твой мозг даст команду выстрелить, а твой палец нажмет курок.

Ремо попятился на один шаг. Его палец лежал на курке.

Полицейский револьвер имел плавный спусковой механизм. Он перевел взгляд от глаз Чжиуна на его грудь. Может быть, Чжиун обладал гипнозом, который замедлит его движения. Один инструктор говорил, что это возможно.

— Это не гипноз, Ремо, — сказал Мак Клири. — Ты можешь смотреть ему в глаза. Чжиун, положи доски. С ними займется позже.

Чжиун положил доски на пол. Он делал это медленно, его ноги оставались неподвижными, когда корпус наклонялся к полу. Доски даже не произвели шума, коснувшись деревянного пола. Чжиун выпрямился и пошел в дальний конец зала, стены которого были завешаны белыми матами. Пока Чжиун шел, Ремо дал руке отдохнуть. Теперь ее не надо прижимать к груди, ожидая атаки.

Белое кимоно старика было светлее матов. Это исключало слияние цветов. Кроме того, выделялся красный пояс. Ремо прицелился чуть выше его. Он ранит его в живот, а когда Чжиун будет истекать кровью на полу, подойдет и прикончит его выстрелом в голову.

— Готов? — закричал Мак Клири, отойдя на безопасное расстояние.

— Готов, — крикнул Ремо. Мак Клири не побеспокоился спросить о готовности старика. Может, это была обычная проверка. Может, этот старик, не понимающий ни слова по-английски, был жертвой проверки Ремо на способность убивать. Кучка ублюдков.

Ремо целился дулом, а не через прорезь прицела. Так он мог заметить оружие в руках другого человека. Расстояние было около тридцати пяти метров.

— Начинай, — закричал Мак Клири, и Ремо дважды нажал курок. Куски матов отлетели в стороны в том месте, где стоял Чжиун. Но старик быстро приближался, виляя по залу, как танцор со странным зудом в теле, маленький смешной человечек. Теперь ему конец.

В зале прогремел третий выстрел. Маленький смешной человечек приближался, он согнулся и почти полз, но все-таки приближался. Снова выстрел. Он приближался. Осталось пятнадцать метров. Подожди до семи. Сейчас. Прогремели еще два выстрела, и старик вдруг совсем замедлил шаги, шаркая по полу как тогда, когда он вошел в зал. Он не был ранен.

Ремо яростно швырнул револьвер в голову Чжиуна. Старик поймал его на лету, словно бабочку. Ремо даже не

видел движения его рук. В воздухе снова сильно запахло хризантемами, когда старик протянул револьвер Ремо.

Ремо взял его и протянул Мак Клири. Когда крюк приблизился, Ремо бросил револьвер на пол. Он упал с грохотом, прокатившимся по залу.

— Подними, — сказал Мак Клири.

— Засунь его себе в задницу.

Мак Клири кивнул старику. В следующий момент Ремо лежал, уткнувшись лицом в деревянный пол гимнастического зала. Он так быстро оказался на полу, что не успел понять, как это случилось.

— Ну как, Чжиун? — услышал Ремо голос Мак Клири.

На правильном, почти совершенном английском Чжиун ответил:

— Он мне нравится. — Голос был мягким и энергичным. В нем слышался легкий восточный акцент. — Он не убивает понапрасну. У него нет патриотизма и идеалов, но есть мышление. Он согласился убить меня только за ночную прогулку. Это хорошая причина. Мне он нравится.

Ремо встал на ноги, подняв револьвер. Он даже не знал, куда получил удар, пока не попытался поклониться Чжиуну. — О-о-х, — вскрикнул Ремо.

— Задержи дыхание. Нагнись, — приказал Чжиун.

Ремо повиновался. Боль прошла.

— Все мышцы зависят от крови, а значит от кислорода, — объяснил Чжиун. — Сначала тебе нужно научиться дышать.

— Да, — сказал Ремо, протягивая револьвер Мак Клири. — Послушай, Кони, зачем я нужен вам, когда у вас есть он? Мне кажется, вам больше никто не нужен.

— Из-за его кожи, Ремо. Ты хочешь, чтобы все свидетели говорили о том, что видели желтое привидение в местах, где мы будем выполнять задания? Газеты разнесут весть о Восточном Привидении. Кроме того, Ремо, — Мак Клири понизил голос, — мы не существуем. Ни ты, ни я, ни Чжиун,

ни Фолкрафт. Как не существуют наши задачи, наши жизни, наша организация.

Ремо посмотрел на Чжиуна. Старик улыбался, но его лицо оставалось непроницаемым.

— Зачем эти доски? — спросил Ремо.

Мак Клири хмыкнул, повернулся и направился к двери. Его синие ботинки шаркали по полу, как сандалии Чжиуна. Он не пожал руки и не сказал «до свидания».

Глава 9

Гарольд Смит завтракал в кабинете, когда зазвонил специальный телефон. Он мало чем отличался от других телефонов на большом столе персикового цвета, за исключением небольшой белой точки на трубке.

Смит положил ложечку с йогуртом обратно на белое фарфоровое блюдечко, вытер рот салфеткой и поднял трубку.

— Смит, 7-4-4, — сказал он.

— Ну? — раздался до боли знакомый голос.

— Что, сэр?

— Как дела в Нью-Йорке?

— Боюсь, что неважно, сэр. Мы не можем выйти на этого Максвелла. — Смит бросил салфетку на поднос и начал ковырять ложечкой в недоеденном йогурте. Он так устал от этих разносков сверху.

— Что насчет нового человека?

— Мы его готовим, сэр.

— Сейчас? — голос стал громче. — Готовите его? Сенат скоро будет в Нью-Йорке, а этот Максвелл все еще действует. Слишком много свидетелей исчезает. Мы должны собрать нужное количество голосов, и если этот Максвелл мешает, вы должны остановить его.

Смит сказал:

— Мы только сейчас нашли инструктора, опытного в этих делах...

— Сейчас, черт возьми. Чем вы там, черт возьми, занимаетесь?

— Если мы пошлем нашего инструктора, у нас останется только ученик.

— Значит, пошлите ученика.

— У него не будет ни одного шанса.

— Пошлите кого-нибудь другого. Меня не волнует, как вы это сделаете.

— Нам нужно еще три месяца. Наш человек будет готов к этому времени.

— Вы уничтожите Максвелла в течение месяца. Это приказ.

— Да, сэр, — сказал Смит и повесил трубку. Он бросил ложечку, которая начала медленно погружаться в йогурт.

Мак Клири или Уильямс. Один уже прошел тренировку, а другой еще сырой. Может быть, Уильямс справится с этим. Но если он не сможет, времени больше не будет. Смит перевел взгляд с помеченного телефона на внутренний телефон Фолкрафта.

Он поднял трубку.

* * *

Ремо обнаружил, что апартаменты Чжиуна гораздо больше его собственных, но цвета здесь были такими яркими, что квартира напоминала переполненный магазин. Старик усадил Ремо на тонкий мат. В квартире не было стульев, а ели они со стола, который был высотой по лодыжки. Чжиун сказал, что скрещенные ноги развиваются лучше, чем ноги, свисающие со стула.

Целую неделю Чжиун только говорил. Он не давал никаких прямых инструкций. Чжиун проводил исследование, а Ремо уклонялся. Чжиун задавал вопросы, а Ремо отвечал вопросом на вопрос.

Хирурги выпрямили горбинку на носу Ремо и убрали кожу на щеках, чтобы сделать скулы выше. Электролиз помог его волосам зачесываться назад.

Его лицо было еще в бинтах, когда за обедом он спросил Чжиуна:

— Ты ел когда-нибудь хот-дог?

— Никогда, — ответил Чжиун. — Поэтому я и живу так долго. — Он продолжал: — Я надеюсь, что ты никогда больше не будешь есть хот-дог и все остальные помои, которые пихают в свои животы белые.

Ремо пожал плечами и оттолкнул от себя черную чашу с белыми полупрозрачными кусочками рыбы. Он знал, что закажет ночью настоящую еду.

— Мак Клири тоже пьет.

Лицо Чжиуна засияло, когда он подцепил пальцами белый кусок рыбы.

— А, Мак Клири. Он особенный человек. Совсем особенный.

— Ты тренировал его?

— Нет, не я. Но у него был хороший учитель. И он выполнил прекрасную работу, учитывая, что ему приходилось работать с таким идеалистом, как Мак Клири. Это очень трудно. К счастью, с тобой не будет таких проблем.

Ремо пожевал рис, который стоял в другой чаше и не вонял рыбой. Станный свет просачивался через оранжевые шторы.

— Наверное, мне не нужно это спрашивать, но как тебе удалось избежать идеализма?

— Тебе не нужно было это спрашивать, — сказал Ремо.

Чжиун кивнул.

— Прости, но я должен знать своего ученика.

— Послушай, прошло уже шесть дней, а мы только разговариваем. Этим мы и должны заниматься? Я знаю, что у восточных людей много терпения. Но его мало у меня.

— Всеу свое время. Ну, так как тебе удалось избавиться от идеализма?

Чжиун начал жевать рыбу, и Ремо знал, что это будет продолжаться по меньшей мере три минуты.

— Значит, ты догадался, что я когда-то был идеалистом.

Чжиун кивнул, продолжая жевать.

— О'кей, — тихо сказал Ремо. — Всю свою жизнь я был в команде, но это привело меня к электрическому стулу. Они собирались поджарить меня. Когда я очнулся, то почувствовал себя в аду. Только в аду заставляют есть рыбу. Вот так. О'кей?

Когда Чжиун наконец прожевал рыбу, он сказал:

— Я понимаю, я понимаю. Но горький опыт не убивает мысли. Они остаются. Настало время учить тебя. Однако, если эти мысли вернуться, будь осторожен.

Чжиун слегка поклонился и сказал:

— Убери еду. Мы начнем.

Пока Ремо относил чашки в раковину, украшенную розовыми и зелеными цветочками, Чжиун что-то бормотал. Он закрыл глаза и поднял голову, словно устремляя мысли в небеса.

— Я должен научить тебя убивать. Это очень легко, если ты можешь подойти к жертве и просто убить ее. Но так бывает не всегда. Ты увидишь, что это трудно и сложно, а значит, твои тренировки тоже будут трудными и сложными.

К сожалению, чтобы стать мастером, нужны многие годы. А у меня нет этого времени. Однажды мне прислали человека из вашего ЦРУ и попросили подготовить его за две недели к выполнению задания в Европе. Я говорил им, что этого времени слишком мало, что он не готов. Они не послушали меня; И он прожил всего две недели. Жаль, что у вашего ЦРУ так мало мозгов. Они обещали, однако, дать больше времени на твою подготовку. Сколько — никто из нас не знает. Мы постараемся научиться как можно большему за эти первые несколько недель, а потом сможем вернуться к началу и изучить все подробно.

Прежде, чем мы начнем, ты должен знать, что ты изучаешь. Все боевые искусства это религия Дзэн.

Ремо улыбнулся.

— Ты знаешь Дзэн?

— Конечно. Борода, барабаны и крепкий чай.

Чжиун нахмурился.

— Это не Дзэн. Это чепуха.

— Ты поймешь это, — продолжал он. — Все боевые искусства... дзюдо, каратэ, кун фу, айкидо... основаны на мгновенном действии, когда это действие требуется. Но такое действие может быть только инстинктивным, а не заученным. Оно должно исходить из человека, из его глубин. Это не пальто, которое можно снять, это твоя кожа, которую снять нельзя. Самое важное во всех тренировках, это дыхание.

— Если ты не научишься правильно дышать, то ничему не научишься. Это самое важное, и ты должен тренировать дыхание, пока оно не станет инстинктивным. Остальные тренировки подождут. Иначе я не смогу тебя тренировать.

Он встал и подошел к черному полированному шкафу, из которого достал черный металлический метроном. Он поставил его на стол между собой и Ремо. Для Ремо это был самый скучный день в его жизни. Чжиун объяснял ему различные способы дыхания и его задержки. Ремо учился этому целый день под звуки метронома и голоса Чжиуна. Он понимал только часть из того, что говорил ему старик: Дыхание души, связь дыхания со Вселенной, чтобы сила Вселенной стала твоей силой.

— Контролируй дыхание, — увещевал Чжиун. — Опusti его в глотку, где сложная нервная система контролирует твои эмоции... глубже, глубже, глубже. Успокой нервы. Холодные нервы делают человека холодным, такой человек не испытывает страха. Размышляй, когда дышишь. Очищай свой мозг от посторонних мыслей. Твой мозг должен быть поглощен только твоим заданием.

Он продолжал и продолжал до самого вечера. Потом он сказал Ремо:

— Ты делаешь все очень хорошо. Ты научился дышать. Но есть еще кое-что. Об этом ты узнаешь завтра.

На следующее утро Чжиун объяснил разницу между боевыми искусствами: разницу между «до» — способом, и

«дзюцу» — техникой.

— Ты научился дзюдо в армии?

Ремо кивнул. Чжиун нахмурился.

— Тогда придется разучиваться. Тебя учили падать?

Ремо кивнул, вспоминая занятия по технике падения, когда его учили смягчать силу удара.

— Забудь это, — сказал Чжиун. — Вместо падения как чучело, мы научимся падать, как кухонное полотенце.

Они подошли к матам на полу гимнастического зала.

— Это айкидо, Уильямс, — сказал Чжиун. — Это чистое и простое военное искусство. Это искусство учит избегать травм и возвращаться к борьбе. Дзюдо это система прямых линий; в айкидо преобладают плавные движения. Брось меня через плечо, Уильямс.

Ремо подошел к Чжиуну, схватил его за руку и бросил крошечного человечка через плечо. Следуя технике дзюдо, Чжиун должен был смягчить удар, подставив руки, и перекатиться. Вместо этого он ударился о мат, как мяч, перевернулся и оказался на ногах прямо перед Ремо.

— Этому ты должен научиться, — сказал Чжиун. — Теперь схвати меня сзади.

Ремо обошел Чжиуна, обвил рукой его грудь, прижимая руки к бокам.

В дзюдо существовало много приемов против такой атаки, все они были жестокими. Можно было разбить лицо атакующего затылком; повернуть тело и ударить локтем в глотку, ударить соперника по ноге, нагнуться вниз и опрокинуть соперника, схватив его за лодыжки. Чжиун не воспользовался ни одним из них.

Почувствовав напряжение мышц Чжиуна, Ремо усилил давление. Чжиун положил свою руку на запястье Ремо. Легким нажатием он просто раздвинул руки Ремо... на дюйм... на два... Взяв Ремо под локоть, Чжиун отшвырнул его на маты. Ремо сел, вытаращив глаза.

Чжиун сказал:

— Ты забыл перекатиться.

Ремо медленно поднялся.

— Как, черт возьми, ты сделал это? Я ведь сильнее тебя.

— Да, сильнее, но ты не можешь правильно пользоваться силой. Ты понапрасну тратишь ее, распыляешь свою энергию. Я же просто сконцентрировал свои жалкие силы на сайка танден, нервном центре. Таким образом я смог бы разжать руки десяти человек, а ты сможешь справиться с двадцатью, если научишься.

Тренировки продолжались. Через три дня Чжиун сказал:

— Айкидо достаточно. Это искусство защиты, а тебе не нужно защищаться. Ты должен научиться атаковать. Мне сказали, что у нас осталось мало времени, и мы должны поторопиться.

Он подвел Ремо к столбам для ударов, которые стояли в конце гимнастического зала. Пока они шли, он объяснял:

— На Востоке существует множество боевых искусств. И все они совершенны. Мы должны сконцентрироваться на каратэ, которое является многосторонним военным искусством.

Они стояли внутри прямоугольника, образованного четырьмя столбами в форме буквы «Y». Чжиун продолжал:

— История рассказывает о том, что каратэ появилось много лет назад, когда китайские крестьяне были разоружены своими жестокими правителями. В то время жил Бодхи Дхарма, который основал религию Дзен. Он знал, что люди должны научиться защищать себя сами. Поэтому он собрал их.

Рассказывая, Чжиун устанавливал четырехдюймовые сосновые бруски в развилках столбов.

Бодхи Дхарма сказал людям, что они должны защищать себя сами. Он сказал: «Мы потеряли наши ножи, но должны превратить каждый наш палец в нож...» — Кончиками

пальцев Чжиун ткнул одну из досок. Две ее половинки упали на пол.

Бодхи Дхарма сказал: «У нас нет булав, поэтому наши кулаки должны стать ими...» — Ударом кулака Чжиун расколол брусок на втором столбе.

Теперь Чжиун стоял напротив третьего столба.

— «У нас нет копий, и каждая рука должна стать копьем...» — сказал Чжиун и разнес третий брусок на три части. На мгновение он замолчал и посмотрел на куски бруска, упавшие на пол.

Он глубоко вздохнул.

Бодхи Дхарма сказал: «Пусть наши ладони станут мечами!» — Последние слова он почти выкрикнул, с шумом выпуская воздух из легких. Открытая ладонь Чжиуна резанула воздух. Столб содрогнулся и упал, начисто срезанный у основания.

Чжиун повернулся к Ремо.

— Это искусство безоружной руки, которое известно как каратэ. Ты научишься этому.

Ремо поднял куски толстой доски. Чжиун был бесподобен. Что остановит этого маленького старика, если он захочет убить? Кто сможет устоять перед этими ужасающими руками?

Глава 10

Во время тренировки по айкидо Ремо узнал наиболее уязвимые точки тела. Их было несколько сотен, как сказал ему Чжиун, но только шестьдесят из них имели практическое значение, и лишь восемь из шестидесяти были смертельными.

— На этих восьми ты и должен сконцентрироваться, — сказал Чжиун.

После ланча Ремо обнаружил два манекена в человеческий рост, установленные на пружинах в гимнастическом зале. На них была нацеплена белая гимнастическая форма, а красные точки обозначали виски, адамово яблоко, солнечное сплетение, почки, основание черепа и место, которое, как он узнал позже, обозначало седьмой главный позвонок.

— Это основное положение руки в каратэ, «Хиракен». Оно является основным для остальных, — начал Чжиун, когда они сели на маты перед манекенами. Он разжал пальцы и вытянул руку ладонью кверху. — Большой палец должен быть согнут, — сказал он, — как курок пистолета. Благодаря этому ты будешь чувствовать усилие в предплечье. Мизинец должен быть вытянут, три остальные пальца согнуты в кончиках, а сама рука чуть наклонена.

Он показал все на своей руке.

— Потрогай мое предплечье, — сказал Чжиун. Ремо потрогал. Оно напоминало плетеный канат.

— Не усилие, а напряжение порождает эту твердость, — сказал Чжиун. — И не сила, а это напряжение делает руку настоящим оружием.

Он подвел Ремо к манекенам и начал обучать ударам руками... правой, левой; вниз, вверх; снова и снова.

Хотя манекены были плотно набиты веревочными волокнами, Ремо обнаружил, что абсолютно не чувствовал боли в руках от ударов.

Один раз Чжиун остановил его.

— Ты все время тянешься за своими ударами. Это не для каратэ. Удары должны быть резкими.

Он достал из кармана коробок с бумажными спичками.

— Зажги одну, Ремо, — сказал он.

Ремо зажег спичку и держал ее в вытянутой руке. Чжиун повернулся к ней, поднял руку на уровень плеча и ударил с шумным выдохом. Прежде, чем его рука достигла пламени, он так же быстро отдернул ее. Пламя словно подпрыгнуло в вакууме, созданном движением руки Чжиуна, и погасло.

— К такому движению ты и должен стремиться, — сказал Чжиун.

— Я не хочу гасить огонь. Я хочу ломать доски, — сказал Ремо. — Когда я смогу делать это?

— Ты уже можешь, — сказал Чжиун. — Но сначала упражнения.

Несколько часов он заставлял Ремо работать на манекенах. Ближе к вечеру он показал ему другое положение руки в каратэ. Это положение руки, похожей на лезвие меча, называлось «шутто». Его можно было сохранять целый день без усилий.

— Рука чуть согнута назад в запястье. Такое положение использовалось для удара в подбородок или горло. «Хиракен» было очень похоже, но только средние пальцы были согнуты чуть больше. Это «весло»... очень хорошо для удара по ушам, после которого лопаются барабанные перепонки, — объяснял Чжиун.

Булава, — рука, сжатая в кулак.

— Есть много других положений рук, но эти ты должен знать, — сказал Чжиун.

— Когда ты научишься владеть мощью своих рук и ног, ты научишься владеть и неодушевленными предметами. В руках специалиста все вещи становятся смертельным оружием. — Он показал Ремо, как делать ножи из бумаги и смертоносные

стрелы из бумажных обрезков. Сколько он еще мог показать подобных вещей, осталось неизвестным.

Охранник вошел в апартаменты Чжиуна в три часа утра. Он тихо разговаривал с Чжиуном несколько минут.

Старик нагнул голову, потом кивнул Ремо, который проснулся, но лежал неподвижно.

— Иди за ним, — сказал он своему ученику.

Ремо поднялся с толстого соломенного матраца и сунул ноги в сандалии.

Сквозняк продувал белую тунику Ремо, когда он шел за охранником по одному из каменных переходов. Ноябрьская луна мрачно освещала темные здания. Ремо сдерживал дыхание, чтобы меньше глотать холодный воздух.

На охраннике был толстый шерстяной жакет, который он не расстегнул даже тогда, когда они вошли в здание и поднялись на второй этаж в служебном лифте. Их остановили двое других охранников, и сопровождающему пришлось дважды предъявить пропуск, прежде чем они подошли к дубовой двери с медной ручкой. К своему удовольствию, Ремо заметил неустойчивые позы охранников. Они держали свои руки так, словно напрашивались на бросок.

На двери была прикреплена табличка с надписью: Смит.

Охранник остановился:

— Я не могу войти сюда, сэр.

Ремо понимающе хмыкнул и повернул медную ручку. Дверь открылась наружу, а не во внутрь. По инерции, Ремо оценил, что ее нельзя было пробить выстрелом из пистолета, разве что из «Магнума-357».

Худощавый мужчина в голубом банном халате облокотился на стол из красного дерева и что-то попивал из белой дымящейся чашки. Он смотрел в темноту на залитый лунным светом залив.

— Я Смит, — сказал мужчина, не поворачиваясь, — ваш начальник. Хотите чаю?

Ремо отказался.

Смит продолжал пялиться в темноту.

— Теперь вы знаете большую часть своего задания. У вас есть доступ к оружию. Места и средства связи узнаете у служащего 307-й комнаты этого здания. Все письменные материалы вы, конечно, должны уничтожить. Одежду с ярлыками Калифорнии вы найдете в 102-й комнате. Там же получите деньги. Документы выписаны на имя Ремо Кабелла. Имя сохранено на случай неожиданного оклика.

Смит говорил так, как будто читал по списку.

— Вы писатель из Лос-Анджелеса, специализирующийся на критических статьях. Это самое оптимальное. Вы можете изменить легенду. Действуйте по своему усмотрению. Вы прошли соответствующую тренировку. Мы бы рады дать вам больше времени, но...

Ремо стоял возле стола. Он не ожидал, что его первое задание будет таким. Но тогда чего он ждал?

Смит продолжал:

— В ваше задание входит убийство. Жертва находится в госпитале Восточного Гудзона в Джерси. Он выпал из окна, дома сегодня. Возможно, это было не случайно. Вы должны допросить его, а затем уничтожить. Для допроса вам не понадобятся наркотики. Если он еще жив, он сам все расскажет.

— Сэр, — перебил Ремо. — Где я должен встретиться с Мак Клири? Он должен сопровождать меня в первом задании.

Смит опустил взгляд на чашку.

— Вы встретите его в госпитале. Он и есть жертва.

У Ремо перехватило дыхание. Он отшатнулся и не мог ничего ответить.

— Мак Клири должен быть убит. Он близок к смерти, страдает от боли и находится под действием наркотиков. Кто знает, что он может рассказать?

Ремо выдавил из себя слова.

— Разве нельзя его вывезти?

— Куда мы его поместим?

— Куда и меня.

— Слишком опасно. Он опознан, как пациент Фолкрафта. К нам уже поступил звонок из полиции. От него к нам ведет прямая связь. Один из наших врачей сказал полиции, что пациент психически нездоров, и, насколько мы знаем, полиция закрыла дело, как попытку самоубийства. — Вы должны, если он еще жив, спросить его о Максвелле. Это вторая часть вашего задания.

— Кто этот Максвелл?

— Мы не знаем. Он возглавляет Нью-Йоркский синдикат, который, по нашему мнению, занимается наемными убийствами. Как, где и когда — мы не знаем. Вы должны выйти на Максвелла как можно быстрее. Если это не удастся сделать за неделю, не ищите связи с нами. Нам придется свернуться и реорганизоваться.

— Что же мне делать?

— Вы можете сделать две вещи. Вы можете продолжать искать Максвелла. Это наиболее оптимальный вариант. Или можете просто поселиться в Нью-Йорке. Читайте частные объявления в «Нью-Йорк таймс». Когда мы закончим с реорганизацией, то выйдем на связь. Мы будем подписывать наши послания инициалами «Р-Х» — это будет предписание от «Кью».

— А если мне удастся выполнить задание раньше?

Смит поставил чашку на стол, не оборачиваясь.

— Если вы выполните задание в течение недели, поступайте так же. Отдыхайте и просматривайте «Тайма». Мы найдем вас.

— А как насчет денег?

— Вы получите достаточно. Когда мы снова войдем в контакт с вами, получите еще. — Он быстро произнес телефонный номер. — Запомните этот номер. В исключительных случаях — только в исключительных случаях

— вы можете выйти по этому телефону непосредственно на меня между 14.55 и 15.05 каждый день. И ни в какое другое время.

— Почему мне нужно затаиться, если я даже не покончу с Максвеллом: — Ремо должен был задать этот вопрос. Слишком уж быстро развивались события.

— Нам не надо, чтобы вы появлялись в Фолкрафте. Поэтому Максвелл может подождать. Одно задание, один тренировочный центр не имеют особого значения. Но организация не должна быть раскрыта. Вот почему ваше главное задание — устранение Мак Клири. Это цепочка к нам, и мы должны оборвать ее. Если вы потерпите неудачу в этом... — голос Смита затих. — Если вы потерпите неудачу в этом задании, мы будем вынуждены устранить вас. Это касается только нас. Вы также знаете, что будете убиты в случае, если проговоритесь кому-нибудь. Я обещаю это. Я сам этим займусь. Мак Клири находится в госпитале под именем Фрэнка Джексона. Все. До свидания.

Смит обернулся, чтобы пожать руку, но, очевидно, передумал и не протянул руки.

— В таком деле не стоит заводить друзей. Поторопитесь с Мак Клири. — Ремо увидел, как покраснели глаза Смита. Он повернулся и направился в комнату 507.

Глава 11

Два детектива из Восточного Гудзона молча поднимались в лифте «Ламоника Тауэрс» на двенадцатый этаж, находившийся под навесом.

Тихо поднимающийся лифт, казалось, удерживал их от разговоров. Детектив Гровер, круглолицый толстяк, пожевал кончик погасшей сигары и посмотрел на загорающиеся цифры этажей. Детектив Рид, «Долговязый Рид», как его звали в отделе по расследованию убийств, пробежал кончиком карандаша по отметкам в маленькой черной записной книжке.

— Он упал с восьмого этажа, — сказал Рид.

Гровер согласно хмыкнул.

— Он не будет говорить.

— Если бы ты свалился с восьмого этажа, тебе бы хотелось говорить? — спросил Гровер. Он дотронулся до тщательно отполированной панели с кнопками пухлым волосатым пальцем.

— Нет, он не собирается что-либо говорить. Он не хочет говорить даже с медицинским персоналом.

Гровер потер пятно на отполированной панели с кнопками. Они работали в бюро уже восемь лет, и оба знали об опасности «Ламоника Тауэрс».

Это было роскошное здание, которое с достоинством могло бы занять место в дорогих районах Нью-Йорка, но оно находилось в Восточном Гудзоне. Строительство этого двенадцатиэтажного здания стоило владельцу четыре с половиной миллиона долларов. «Ламоника Тауэрс» сбалансировал медицинский бюджет и снизил налоги с жителей города. Благодаря этому политическому достоинству одна из партий находилась у власти почти десять лет. Здание возвышалось, белое и огромное, среди серых трехэтажных домов, окружавших его основание.

Полицейские инструкции предписывали: патрульная машина должна патрулировать здание в течение двадцати

четырех часов. Ни один полицейский не может войти в здание без разрешения начальства. Все чрезвычайные звонки отсюда должны рассматриваться в первую очередь.

Если мистер Норман Фелтон, владелец, который жил в двадцатитрехкомнатных апартаментах на двенадцатом этаже, позвонит в департамент, полиция Восточного Гудзона поступает в его распоряжение — после уведомления начальника департамента полиции, который, возможно, может сделать что-то персонально для мистера Фелтона.

Гровер вышел из лифта и шагнул на темно-зеленый ковер вестибюля. Когда двери лифта закрылись, он понял, что возле них не было кнопки обратного вызова. Он подтолкнул Рида. Они могли идти только вперед к единственной белой двери с большим металлическим глазком в центре. Дверь была абсолютно гладкой и без дверной ручки.

— Мы даже не поставили в известность шефа, — пробормотал Рид.

— Ты заткнешься наконец? — спросил Гровер. — А? Заткнешься?

— Нас сотрут в порошок.

Гровер схватил Рида за отворот куртки и зло прошептал:

— Мы должны сделать это. Из этого здания выпал человек. Я знаю этих богатых людей. Не беспокойся. С нами все будет в порядке. Шеф нам ничем бы не помог. За нами закон. Все о'кей.

Рид покачал головой, когда Гровер постучал в белую дверь. Стук был глухим, как будто плоть столкнулась с твердой сталью. Гровер снял шляпу и подтолкнул Рида, чтобы тот сделал то же самое. Рид снял шляпу.

Дверь открылась быстро, но тихо, скользя влево, за ней стоял чернокожий дворецкий, высокий и внушительный.

Они просят извинения за то, что потревожили мистера Фелтона, сказал Гровер дворецкому, но они должны увидеть его. Человек был обнаружен на тротуаре перед фасадом «Ламоника Тауэрс». Существует подозрение, что он выпал из окна.

Гровер и Рид несколько замешкались под взглядом дворецкого. Потом тот сказал:

— Входите, пожалуйста.

Он пригласил их в огромную комнату размером с банкетный зал. Детективы даже не заметили, как дверь тихо закрылась за ними. Они изумленно смотрели на дорогие белые шторы, частично закрывавшие обзорное окно. Темная кушетка, стояла во всю длину стены. Комната была освещена белым светом, напоминая выставочный зал. Современные картины в дорогих рамах висели по стенам, напоминая об отличии этого мира от Восточного Гудзона. Черный массивный стол занимал дальний угол комнаты. Стулья были настоящими произведениями искусства, прекрасно сочетавшимися с отделкой комнаты. Через длинное окно можно было видеть красные всполохи заходящего солнца на высоких бортах пассажирских судов, стоявших у пристаней Нью-Йорка.

Наконец дворецкий вернулся.

— Мистер Фелтон встретится с вами, джентльмены. Следуйте за мной и не курите, пожалуйста.

Фелтон сидел на высоком стуле из вишневого дерева, скрестив ноги под кашемировым халатом, с тонкой и циничной улыбкой на лице. Его седеющие волосы были тщательно уложены, лицо казалось сильным и волевым. Светло-голубые глаза были неподвижны.

Дуновение величия и изящества исходило от этого человека, как будто своим присутствием здесь он делал большое одолжение.

— Мистер Фелтон, — сказал дворецкий, — вот двое полицейских, которые хотели вас видеть.

Мистер Фелтон кивнул, и дворецкий пригласил их в кабинет. Слуга поставил два стула возле Фелтона. Справа от него стоял полированный дубовый стол. Мистер Фелтон кивнул. Дворецкий ушел. Гровер робко сел на предложенный стул. Рид последовал за ним.

— Просим прощения за беспокойство, — сказал Гровер.

— Не знаю, как и начать, мистер Фелтон.

Седовласый мужчина наклонился вперед и благожелательно улыбнулся.

— Смелее, — сказал он тихо.

Гровер взглянул на Рида и кивнул.

— Час назад перед фасадом здания был найден человек. Осмотрев его повреждения, мы подумали, что он выпал из окна.

— Вы хотите сказать, что кто-то видел, как он выпал, — спросил Фелтон тоном, который звучал скорее утвердительно, чем вопросительно.

Гровер наклонил голову, как человек, неожиданно увидевший дверь там, где ее раньше не было.

— Нет, нет, — сказал он. — Никто не видел, как он выпал. Но мы видели много подобных случаев, и я почти уверен, прошу прощения, что он выпал из этого здания.

— Но я в этом не уверен, — сказал благородный владелец.

Рид достал блокнот и нервно вертел его в руках. Гровер сглотнул, в его глотке стало так же сухо, как на летнем тротуаре. Он хотел что-то сказать, но Фелтон жестом остановил его.

Два детектива сидели неподвижно. Фелтон продолжал:

— В здании живут несколько семей, которые... как бы это сказать... несколько необычные люди. Мы тщательно проверили их, прежде чем сдать в аренду здание, но, как вы знаете, никогда нельзя быть ни в чем полностью уверенным. Я могу поверить, что этот человек выпрыгнул или... — Фелтон наклонил голову, как будто набирая сил на окончание фразы. Он посмотрел в моргающие глаза Гровера и сказал: — Бог простит меня, я думаю, что его могли выбросить.

Фелтон продолжал: — Я был на балконе своей комнаты час назад и смотрел на улицу вниз, когда увидел падающего человека. Он выпал с балкона восьмого этажа. Мой дворецкий и я спустились в эту квартиру, но она была пуста.

Уже некоторое время она свободна. Там никого не было. Если этого человека толкнули, то убийце удалось бежать. Я собирался сам позвонить в полицию и все рассказать, но я был так потрясен, что мне понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя.

— Ужасно и страшно, — продолжал Фелтон, — думать о том, что тот, кто толкнул этого человека, — если его толкнули, — может быть, живет сейчас в этом здании.

Фелтон посмотрел в глаза двух детективов.

— Боюсь, что мне придется попросить вас о большом одолжении. — Этот человек, которого нашли на улице. Этот мертвец...

— Он не мертв, — сказал Гровер. — Он скоро умрет, но пока жив. Ему сейчас очень плохо, сэр.

— О, как ужасно. Но это может помочь нам. Я хочу, чтобы вы узнали, кто он и откуда, и как можно быстрее. У нас есть все справки и сведения о людях, проживающих здесь. Если здесь есть какая-то связь, мы сможем ее найти.

Детективы кивнули.

— Постарайтесь, и, я думаю, вы будете щедро вознаграждены.

Фелтон быстро достал два конверта.

— Моя карточка внутри, джентльмены, — сказал он. — Пожалуйста, позвоните, как только что-нибудь узнаете.

Когда дворецкий вернулся, проводив полицейских, он сказал:

— Вы могли сблефовать. Не стоило их покупать.

— Я и не покупал их, глупец, — сказал Фелтон. Он встал со стула и потер ладони.

Дворецкий пожал плечами.

— Что я должен говорить, босс? Что я должен говорить?

— Ничего, Джимми. Я все контролирую.

Фелтон холодно взглянул на Джимми. Потом повернулся к нему спиной и подошел к занавескам, закрывающим балкон.

— Откуда он появился?

— Что?

— Ничего, Джимми... Принеси мне выпить.

Фелтон раздвинул занавески и вышел на вечерний воздух, окружавший его двенадцатиэтажное здание в Восточном Гудзоне. Он подошел к краю, положил руки на алюминиевые перила и вдохнул свежий воздух, приносимый ветром с Гудзона.

Воздух здесь был чистым. Он заплатил за каждый кирпич, который поднял его на эту высоту, где дул прохладный освежающий ветерок. Здесь не было сажи, как на другом берегу реки в Ист-Сайде — с толпами людей, продавцами, фабриками и матерями, орущими на своих детей, — когда матери были дома. Мать Фелтона не часто бывала дома.

Конечно, кроме ночей. Он все еще чувствовал шлепки по плечу и алкогольный запах от матери. Позади нее часто в дверном проеме стоял мужчина. Больше ему негде было стоять. Квартира была очень маленькой. Одна комната. Одна кровать, в которой он спал.

Мать подталкивала его, и он выходил в коридор.

— Эй, оставь подушку, — кричала она. Он оставлял ее, выходил в коридор и сворачивался калачиком возле двери. Зимой он накрывался своим пальто.

Тоща он тоже жил на последнем этаже. Но на улице Деланси в Ист-Сайде последний этаж был дном социальной лестницы, где жили такие же проститутки, как его мать. В Ист-Сайде никогда не было лифтов. На последний этаж нужно было подниматься пешком.

Иногда мать запирала дверь в комнату. И тогда он не мог проскользнуть в комнату утром, чтобы одеть свитер, почистить зубы и причесаться. В таких случаях ему приходилось идти в школу с коридорной пылью на взлохмаченных волосах. Но никто из учеников не смеялся.

Один однажды попытался. Норман Фелтон расправился с ним на глухой улочке горлышком от разбитой бутылки. Тот парень был выше его на целых пол-фута, но размер противника никогда не волновал Нормана. Каждый человек имеет слабые места, и у больших людей их больше. Их легче ударить палкой, камнем или горлышком от разбитой бутылки.

Когда Норману исполнилось четырнадцать лет, он уже дважды побывал в исправительных заведениях для малолетних преступников. Он попал бы туда и в третий раз, если бы не нашел в кармане брюк одного из клиентов матери бумажник. Норман похитил бумажник и вышел из комнаты. Не в первый раз он находил бумажник возле постели матери, но никогда раньше он не был таким полным — двести долларов.

Этого было слишком много, чтобы делиться с матерью, поэтому Норман Фелтон спустился по лестнице многоквартирного дома в последний раз. Теперь он принадлежал самому себе.

Успех не пришел к нему сразу. Двести долларов он растратил за две недели. Ни одна фирма не взяла бы на работу четырнадцатилетнего мальчика, даже если он говорил, что ему семнадцать. Он пытался устроиться продавцом газет, но даже там не хотели связываться с беглым ребенком.

Он истратил последние деньги на хот-дог, и, жуя его, шел по Пятой Авеню, когда огромный детина выскочил из дверей здания, врезался в него и выбил остатки его последней еды на мостовую.

Не раздумывая, Норман бросился на верзилу. Но не успел он нанести второй удар, как двое подскочивших парней принялись избивать его.

Когда он пришел в себя, то увидел, что находится в большой кухне, по которой сновали слуги. Женщина средних лет, привлекательная и вся в жемчугах гладила его руку.

— Ты, конечно, знаешь, на кого нападать, малыш, — сказала она.

Норман моргнул.

— Это было настоящее шоу прямо перед моим домом. — Норман осмотрелся. Вокруг было полно красивых женщин, подобных которым он никогда не видел.

— Что вы думаете, девочки? — спросила женщина средних лет. — Он знает, на кого напал? — Девушки рассмеялись.

Женщина сказала:

— Малыш, ты ведь никому не собираешься рассказывать об этом?

— Мне некому рассказывать, — сказал Норман.

Женщина покачала головой, недоверчиво улыбаясь.

— Так уж и некому?

— Некому, — повторил Фелтон.

Так Норман Фелтон начал свою карьеру в самом фешенебельном публичном доме Нью-Йорка. Он добросовестно выполнял поручения хозяйки и других женщин. Он держал рот закрытым и был достаточно ловок.

Позже он узнал, кто выбил его хот-дог на мостовую. Это был Альфонс Дегенерат, глава рэкетиров Бронкса.

Глава 12

Вито Морокко состоял в рэжете, как говорили девушки. Но был не из главарей. Он не имел больших денег. Он лишь перемещал деньги из одного места в другое и держал рот закрытым. Он был казначейским мешком. Все его достоинство было в том, что он никогда не терял ни цента и никогда не говорил ни слова о своем бизнесе. Морокко работал на Альфонса Дегенерата, который возглавлял рэкет Бронкса. Иногда при нем было, как говорили девушки, до сотни тысяч долларов.

Норман выполнял поручения по дому и держал ухо востро. Он наблюдал за людьми. Он понял, что мужчинами правит то, что сильнее жизни, еды и секса — гордость. В мужчине нет гордости только тогда, когда ее выбьют из него. Люди сначала слуги у своей гордости, а потом у своего тела. Все остальное исходит из гордости.

Люди были слабыми созданиями. В этом была слабость и Миссус. Он доказал это. Норману Фелтону исполнилось семнадцать лет, и он служил в доме Миссус уже три года, когда она спросила:

— У тебя когда-нибудь была женщина?

— Да.

— Одна из наших девушек?

— Нет. Посторонняя.

— Почему?

— Ваши девушки грязны. Это все равно, что бассейн, в который прорвало канализационную трубу..

Миссус рассмеялась. Она задрала голову и разразилась хриплым смехом, который заставил ее чуть нагнуться к одной из ламп кухни, в которой они разговаривали.

Но когда она увидела, что Норман ни смущен, ни растерян, она прекратила смеяться и начала кричать:

— Убирайся к дьяволу отсюда! Убирайся отсюда, крысиный подонок! Я вытащила тебя из грязи, ублюдок! Убирайся!

Повариха отшатнулась к полкам с банками. Одна из девушек вбежала в кухню и замерла в ужасе. Миссус впервые, насколько они помнили, плакала. А перед ней стоял и ухмылялся Норман, мальчик на побегушках.

Значит, он победил, но у него не было ни работы, ни образования, ни денег. Так что же он выиграл?

Норман Фелтон вышел в дождливый полдень с сорока пятью долларами в кармане и с планом в голове. Человек должен бороться за жизнь. Если он не будет бороться, он умрет.

Поэтому Вито Морроко, который никогда в жизни не терял денег, здоровяк с пистолетом и накачанными мускулами, вышел этой ночью из дома Миссус и встретился с бывшим мальчиком на побегушках. Он встретил его в проходе, ведущем от выхода на улицу.

Норман Фелтон стоял в проходе.

— Привет, мистер Морроко, — сказал он. — Рад увидеть вас. Я в отчаянном положении.

— Я слышал, тебя выгнали, малыш, — сказал Морроко. При слове «отчаянном» он слегка покачнулся на пятках. Норман неожиданно понял, как огромен был Вито. Его рука всегда была в кармане. Взгляд холодных карих глаз, казалось, пронизывал Нормана насквозь. Рассеченные шрамом губы растянулись в усмешке.

— И что же ты хочешь, малыш? Доллар?

Холодный воздух в проходе, казалось, неожиданно утратил всю свежесть. Норман нащупал стальное лезвие в своем кармане. Оно было чертовски мало. Он заметил, как глаза Вито метнулись к его карману. Сейчас или никогда.

— Нет, мистер Морроко. Мне нужно больше.

— О! — сказал Морроко. В своем кармане он тоже сжимал оружие.

— Да. У меня есть план, благодаря которому мы оба можем сделать деньги.

— Мы, малыш? Мы? При чем здесь ты?

— Дело вот в чем. Я видел многих парней, приходящих в дом Миссус. Но никого похожего на вас, мистер Морроко. Я имею в виду, что знаю сотни шлюх, которые очень хотят, но я не знаю парня, настоящего парня, который мог бы удовлетворить их. Я слышал, как шлюхи Миссус говорили, что с удовольствием бы сами заплатили вам, если вы не заплатите им.

Вито неожиданно улыбнулся. Взгляд его холодных глаз потеплел. Его рука в кармане расслабилась.

— Да? — Вито, казалось, не верил своим ушам.

— Да, вот я и подумал, что если я буду приводить к вам девушек, готовых заплатить, то, может быть, получу двадцать процентов.

Вито ухмылялся. Шрам комично обезображивал его губы. Золотые зубы сверкали в тусклом освещении прохода. Он вынул руку из кармана и сдвинул на затылок шляпу.

— Недурно, — сказал Вито. — Ты ловкий малый, и ты мне нравишься, но у меня есть другое... — Вито Морроко, тридцатисемилетний казначейский мешок синдиката, так и не закончил своего предложения. Острое стальное лезвие пронзило его горло.

Из горла хлынула кровь. Вито рухнул на пол и начал корчиться, оставляя красные пятна на сером бетоне. Норман тщетно пытался достать бумажник, пояс с деньгами и пистолет. Вито корчился и брыкался. Даже умирающий он был слишком силен для молодого Нормана Фелтона. Подпрыгнув, Норман приземлился обоими ногами на окровавленную грудь Вито, когда тот перевернулся на спину. Воздух и кровь с хлопотанием вырвались изо рта Вито, и он затих.

За свое первое убийство Норман получил три тысячи долларов. Это был первый и последний раз, когда он взял деньги у своей жертвы. Во всех остальных случаях ему платил кто-то другой. На эти деньги он купил одежду, дом и

место в светском обществе. Он женился на респектабельной женщине с хорошим происхождением. Вскоре он понял, что происхождение было лишь внешним лоском. Когда миссис Фелтон раздевалась, она ничем не отличалась от любой девчонки, которая могла залезть в постель с мужчиной.

И Фелтон убил ее без платы. Ни за цент.

* * *

Фелтон отошел от перил балкона и снова шумно вдохнул свежий воздух Гудзона. Сегодня он снова убил без платы, на этот раз чтобы выжить.

Откуда, черт возьми, появились эти люди? За последние годы у него были неприятные встречи с людьми, вынюхивающими подноготную его контрактов, но сегодня этот человек подобрался так близко, так чертовски близко, что Фелтону с двумя подручными пришлось выкинуть его с балкона на улицу. Теперь этим заинтересовалась полиция.

Фелтону стало тяжело дышать. Он больше не замечал чистоты воздуха. Синие вены вздулись на его лбу, и он сжал кулаки.

Кто-то стоял за этим человеком, он не был дилетантом. Они вывели на чистую воду лучших его людей.

— Он не дилетант, — пробормотал Фелтон. Его мысли прервал Джимми, дворецкий и телохранитель, вышедший на террасу со скотчем и содовой.

— Пришел Тони Бонелли.

— Сам, Джимми?

— Да, босс, сам. Мне кажется, он напуган.

Фелтон посмотрел на светлую жидкость в своем стакане.

— Виаселли послал его?

— Точно. Мистер Биг собственной персоной.

Фелтон повернулся и вошел в кабинет, держа в руках стакан с виски.

Худой мужчина с жирными волосами и впалыми щеками сидел на краю стула возле стола. На нем был голубой в клеточку костюм и желтоватый галстук. Он мял в руке носовой платок. Его лоб покрылся испариной, несмотря на работающий кондиционер.

Фелтон подошел к стулу и встал над Тони, который съежился на стуле.

— Что происходит, что происходит? — быстро сказал Тони. — Мистер Биг послал меня сюда. Он сказал, что вы хотите о чем-то поговорить.

— Не с тобой, Тони. С ним, — проговорил Фелтон и медленно вылил остатки из своего стакана на блестящие волосы Тони.

Когда Тони попытался вытереть голову носовым платком, Фелтон отвесил ему тяжелую пощечину.

— Вот теперь поговорим, — процедил Фелтон и показал Джимми знаком, чтобы тот остался.

Глава 13

Дежурная регистратуры госпиталя Восточного Гудзона невольно выпрямилась и выпятила вперед грудь, увидев красивого мужчину, направлявшегося к ее столу.

Он шел так, как ни один мужчина из тех, которых она знала, с грацией танцора и уверенными, сильными движениями атлета. Каждое движение было подчинено прекрасному мускулистому телу, которое она могла представить в постели. На нем был дорогой серый костюм с тремя пуговицами, белая рубашка и коричневый галстук, который подчеркивал глубину его глаз. Она не знала, не слишком ли она широко улыбнулась, когда он положил свои сильные руки на край ее стола.

— Здравствуйте. Я Дональд Мак Кан, — сказал он.

— Чем могу вам помочь? — спросила она. Его портной был великолепен.

— Я страховой агент и пришел по обязательству.

Он чувствовал, что она поможет ему.

— Послушайте, — сказал он, наклонившись к ней. — Я отвечаю за страховой полис здания. И я слышал, что кто-то выпал из него.

Девушка кивнула.

— Ах да, Джексон. Он в реанимации в 411-й палате.

— Могу я увидеть его?

— Боюсь, что нет. Вы должны дождаться времени для посетителей и получить разрешение в охране. Он попытался покончить жизнь самоубийством. Они не хотят, чтобы он сделал это во второй раз.

Мужчина показался разочарованным.

— Хорошо, кажется, мне придется подождать. — Он задержался, как будто ожидая чего-то. Может быть, он уйдет. Она не хотела, чтобы он уходил.

— Это очень важно? — спросила она.

Теперь его губы были так близки к ее губам.

— Да.

— Может быть, я смогу вызвать охранника сюда, и вам удастся зайти в палату на минуту.

Он так мило улыбнулся.

— Вам это подойдет? — спросила девушка.

— Прекрасно, — ответил он.

— Я позвоню охраннику. Зайдите в один из лифтов и держите двери открытыми, чтобы ему пришлось спускаться в другом. У ночных сиделок сейчас перерыв. Я задержу охранника сколько смогу... около двадцати минут. Потом я позвоню на этаж, и вы снова войдете в лифт. Когда другой лифт поднимется, спускайтесь вниз. Но никому ни слова. Обещаете?

— Обещаю. — У него были такие прекрасные глаза.

Ремо нажал кнопку четвертого этажа и посмотрел на закрывающиеся двери лифта. Итак, Чжиун был прав. Некоторые женщины клевали на его владение телом. Их привлекало то, что он называл очарованием хиа чу. Внутри мужчины скрывался тот ритм и высокоразвитые чувства, которые могли возбуждать женщин.

«Мужчины могут любить. Женщины — жить. Они как скот, который питается телом. Их волнует только их безопасность, пища и счастье. Преданность в любви — это лишь женский инстинкт самозащиты. Она получает эту защиту, симулируя любовь. Она, а не мужчину отвечает за жизнь человеческой расы. Это самый мудрый выбор», — говорил Чжиун. Но откуда он все это знает? Сначала Ремо не намеревался пользоваться методом Чжиуна. Но все переменялось с той встречи со Смитом в кабинете Фолкрафта, наполненном ароматом чая.

Ремо не понимал, как могли люди из «Кью» быть столь невежественными. Сначала они хотели всучить ему громоздкий револьвер. Потом служащий, отвечающий за

арсенал, предлагал ему стреляющие трубки и ручки, перстни с ядом, как в фильмах про шпионов.

Его обучали обращению со всеми этими устройствами. Но таскать с собой этот арсенал — это все равно, что носить на себе рекламу. Он отказался от всего, и служащий лишь пожал плечами. Если возникнет жгучая необходимость, он может позже воспользоваться одним из этих инструментов. Но про себя Ремо знал, что его руки могут сделать всю необходимую работу, не утруждая себя приспособлениями для убийств.

Он взял документы на имя Ремо Кабелла и попросил только одно дополнение: деньги. Ему было выделено три тысячи долларов. Он попросил семь с половиной и получил их. Тысячу в мелких купюрах, а остальные в сотенных банкнотах. Это слишком много для задания, сказали ему. Это лишь привлечет к нему лишнее внимание. Но потом они поверили, что он проработает на «Кью» всю свою оставшуюся жизнь.

— Спрашивайте только то, что вам необходимо.

Если бы он захотел остаться незамеченным, он мог бы не обращаться к дежурной. Он мог пройти прямо в реанимационную с таким видом, будто был частью госпиталя. Это была еще одна вещь, которой его научили в Фолкрафте. Ремо улыбнулся, вспомнив курс, в котором его обучали этому: способу задавать вопросы, манерам, походке. Инструкторы говорили ему: «Научись этому, и можешь забыть все остальное, чему тебя учили».

Он действительно мог забыть большую часть того, чему его учили. Он не собирался больше попадать в камеру смертников за свою работу или ждать, как Мак Клири, когда один из его собственных коллег прикончит его. Ремо прошел через все это. Сам мир научил его убивать прежде, чем он узнал, что это такое.

Через пару дней он потребует еще наличных денег, сказав, что напал на след Максвелла, потом оставит записку, что не смог подойти к нему ближе, и затем до конца жизни последует последнему приказу организации: «Исчезни».

Но сначала Мак Клири. Если не будет Мак Клири, никто больше не сможет потревожить его снова. Двери лифта открылись медленно и почти бесшумно.

В тускло освещенном коридоре стояла тишина. Настольная лампа горела на пустом столе ночной сиделки. Ремо пошел по коридору. Мягкие подошвы его ботинок ступали бесшумно. 407, 409, 411... Охраны не было. Не замедляя шага, он вошел в палату. Ремо уже осмотрел коридор, но если кто-то затаился в тени, его быстрый маневр смутит их, и они не будут уверены, в какую палату он вошел.

Ремо осторожно прикрыл за собой дверь. Он решил, что Мак Клири переломал ребра при падении. Нужно было лишь вдавить одно из них в сердце, и никто не подумает об убийстве. В комнате было темно, только над головой Мак Клири горела ночная лампа. Свет отражался от металлического предмета, лежавшего на кровати. Это был крюк. В комнате пахло эфиром. Подойдя ближе, Ремо заметил несколько трубок, уходящих в темноту. Они были похожи на длинные спагетти.

Одна нога была подвешена. Ремо пошарил рукой по теплому влажному телу и почувствовал гипс вокруг грудной клетки. Он не хотел ломать его. Это оставит следы. Нужно чуть сместить его, осторожно, осторожно, обнажить грудную клетку и...

— Эй, приятель, — раздался слабый голос, это был голос Мак Клири. — Это не лучший способ устанавливать личность. Ты даже не посмотрел на лицо.

— Заткнись, — прошипел Ремо.

— У меня есть цепочка к Максвеллу.

— Да, конечно. Конечно, Одну минуту.

— О'кей. Ты хочешь прикончить меня, не спрашивая о Максвелле. Что ж, это твое дело. Но мне кажется, ты собираешься сломать гипс. Ненужный след.

Почему он не заткнулся? Почему он не заткнулся? Как убить его, если он говорит и знает, что происходит? Рука Ремо оставила гипс нетронутым.

— Подойди ко мне, — сказал Мак Клири.

Ремо взглянул на руку с крюком. Она была свободна. Другая рука находилась в гипсе. Значит, Мак Клири хотел ударить крюком сзади, когда Ремо нагнется к нему. Хорошо. Пусть. Тогда он ударит его в горло, вырвет трубки, и пошел он к дьяволу. Он будет свободен.

— О'кей, — сказал Ремо. Он нагнулся вперед, готовый отразить удар крюка локтем правой руки.

Лицо Мак Клири было полностью забинтовано. Шевелились только его губы.

— Я не смог проникнуть, — прошептал Мак Клири. — Но добрался до человека по имени Норман Фелтон. Он владеет тем домом, из которого меня выбросили вчера. Он человек Максвелла. Синдикат знает его, но многие из них считают его обыкновенным ликвидатором. Только по-настоящему высокопоставленные ребята знают о Максвелле. Неудивительно, что мы не могли выйти на него раньше.

Крюк продолжал лежать неподвижно. Ремо сконцентрировался на нем уголком глаза.

— Я видел Фелтона всего минуту. Я был выброшен из его апартаментов. Этот проклятый крюк зацепился за кушетку, и он с двумя верзилами оказался на мне раньше, чем я успел сообразить, что к чему. Одного из них я, кажется, прикончил.

Ремо увидел, как крюк поднялся. Он был готов к этому, но крюк снова опустился на кровать.

— Эти верзилы вышли из стен. Присматривай за стенами, они, оказывается, обитаемы. Они расползаются в разные стороны. Прежде, чем верзилы появились, я прижал Фелтона к окну, выходящему на террасу. Он был напуган, но недостаточно, чтобы заговорить. Прибегни к наркотикам, я не думаю, что он расколется от боли. Фелтон профессионал. Он миллионер сейчас и использует это, как прикрытие. У него одно-единственное увлечение. Это его дочь Синти. Она учится в Бриарклиффе, в отличном колледже в Пенсильвании. Сомневаюсь, что она что-то знает о делишках своего отца. Я не знаю, как ты можешь использовать ее, но

это его слабое место. Может быть тебе удастся расколоть его с ее помощью.

Крюк чуть шевельнулся, но слабо. Потом снова замер.

— Кажется, я не очень хорошо поработал. Я знал, что нам никогда не добраться до Максвелла. Недостаточно фактов. Это брешь в нашем деле. Может быть, тебе удастся. Я не знаю, как, но попробуй то, чего не сделал я. Я пытался подобраться к нему напрямую и стал всего лишь очередной жертвой. Удачи тебе, Ремо.

Ремо повернулся и пошел прочь.

— Куда ты идешь? — прошипел Мак Клири. — Ты должен кое-что закончить.

— Нет, — ответил Ремо.

— Бога ради, Ремо, ты должен. Я не могу двигаться, я напичкан наркотиками. Мне их дают постоянно. Я не могу сам, Ремо! У тебя хорошая идея. Стоит лишь нажать на ребро... Ремо!

Но дверь в 411-ю палату госпиталя Восточною Гудзона закрылась, оставив за собой лишь слабые звуки крюка, царапающего по гипсу.

Глава 14

Ремо сидел в баре уже второй час. Дежурная из регистратуры пробормотала что-то о муже, допила свой виски и ушла. Он был единственным пьющим. Бармен доливал его стакан каждый раз, когда Ремо кивал головой. Он потратил на выпивку уже достаточно денег. В баре было темно и душно.

Госпиталь находился в десяти кварталах отсюда. Это было неподходящее место для остановки, как его учили, и это было неподходящее занятие. Но он был здесь и пил, и будет пить, пока не купит бутылку и не принесет ее в отель, где продолжит пить.

Ремо кивнул, и стакан наполнился двойной порцией канадского виски. Он даже не зарегистрировался в отеле. Он будет пить, пока не сможет ни о чем думать и потом несомненно угодит за решетку, где «Кью» найдет его и прикончит.

Они умеют делать это быстро, так же быстро, как электрический стул, может быть, даже быстрее. Потом он предстанет перед высшим судом, и, может быть, Бог простит его душу. Ремо кивнул, и стакан наполнился снова. Светящийся циферблат настенных часов показал час дня, а может быть, это был час ночи? На улице светило солнце, слишком яркое солнце. Люди веселились. Это были живые люди. А виски был хорошим. Он делал свое дело.

— Виски, — пробормотал Ремо, — может содержать без привкуса небольшое количество цианистого калия, любое количество мышьяка и других ядов.

— Что, сэр? — спросил бармен.

— Химические яды, — сказал Ремо.

Бармен, чьи жирные седеющие волосы выдавали примесь итальянской крови, сказал:

— Нет, это хорошая марка. Мы не разбавляем ее. Вы пьете лучший виски.

Ремо поднял стакан.

— За все самое лучшее. За Чжиуна.

— За что, сэр?

— Возьми деньги, — Ремо махнул в сторону пачки банкнот, лежавшей рядом с ним на стойке.

Бармен отсчитал несколько банкнот. Он так никогда и не узнает, что это были деньги «Кью».

— Еще виски.

— Вы еще не выпили это.

— Я выпью. Шевелись... Шевелись. Шевелись! — Может быть, убить бармена, и тогда он будет в безопасности в тюрьме. Может быть, он будет жить. Жить. Жить. Но тюремные стены не остановят «Кью». О, нет. Только не их. Он будет угрожать безопасности, которая для них превыше всего.

У бармена было дьявольски итальянское лицо. Итальянцы: они пристрастны к преступлениям, и потому их нет среди членов «Кью». Преступные синдикаты большей частью состояли из сицилийцев, народа, которому пришлось пережить многочисленных иностранных оккупантов. Итальянская преступность носила дерзкий характер. Другими словами, это в их крови. Ремо помнил лекцию почти слово в слово. Он многое помнил. Стакан снова наполнился.

— Минуту, — сказал он, схватив бармена за руку. — Это было сделано очень неважно. — Он хлопнул по руке бармена, из которой вывалились три мокрые банкноты. — Ты зря не вытираешь стойку, видишь, банкноты промокли и слиплись. Держи ее сухой. В этом весь секрет. С сухими банкнотами легче манипулировать. Вот смотри.

Ремо достал из кармана несколько сухих десятидолларовых банкнот. Он показал, как можно ловко выудить у клиента несколько лишних купюр, и затем быстро сунул деньги в карман рубашки бармена. Тот был потрясен.

— Видишь, сухие, — сказал Ремо.

Бармен усмехнулся смущенной улыбкой и пожал плечами, развернув ладони вверх. Типично итальянский жест.

Ремо отвесил ему пощечину. Громкий шлепок эхом прокатился по пустому бару. Бармен откинулся к полкам с бутылками. Они зазвенели, но не упали. Он схватился левой рукой за правую щеку.

— Никогда больше не пытайся проделывать эти штучки со мной, — проговорил Ремо. Бармен тяжело дышал и смотрел на Ремо, который улыбался и кивал. Потом бармен проверил деньги в своем кармане и обнаружил, что они исчезли. Руки посетителя двигались слишком быстро. Даже пьяный он проделал все с ослепительной скоростью.

— Мышцы. Я тренирую твои мышцы. Хочешь попробовать еще? — Ремо предложил сухие купюры, но бармен лишь попятился.

— Я должен вызвать полицию, — пробормотал бармен.

— Ради бога, сделай это, — сказал Ремо. — Но сначала налей еще двойной виски, мой неуклюжий друг с нетренированными мышцами.

— Одну минуту, — сказал бармен, идя к Ремо. Он подошел вплотную к стойке и сунул под нее левую руку в поисках оружия. Когда он приблизился к Ремо, его движения и поза говорили о том, что он собирается обрушить на голову посетителя что-то вроде дубинки.

Бармен остановился и замахнулся дубинкой. Рука Ремо мгновенно взметнулась вверх. Он просто подставил ее под середину деревянной дубинки, которая треснула. Бросив оставшийся конец, бармен прижал руку к груди.

Ремо кивнул, потребовав еще виски. Больше его не беспокоили. Может быть, разъезжать по стране, показывая трюки, тогда «Кью» будет не так легко убить его?

Дьявол со всем этим. Он уже был приговорен к смерти судом и собирался умереть. К Ремо пришла неплохая мысль. Он слез со стула и пошел в мужской туалет. Когда он вернулся, плюхнулся на стул в кабинке и махнул бармену, который принес виски и все его деньги со стойки. Из них не пропало ни цента. Ремо дал бармену десятку.

Кто-то подошел к его столику и потряс за плечо. Бармен закричал: «Не трогай этого парня. Он убийца!» — но кто-то продолжал трясти его.

Ремо поднял голову. В баре стало темнее. Его голову словно сжимали тисками, в животе стояла резкая боль. Трясти за плечо перестали.

Ремо пробормотал «спасибо» и, шатаясь, побрел в туалет, где сунул голову под кран с холодной водой. Увидев открытое окно, он встал на цыпочки и стал вдыхать свежий воздух, словно после пробежки. Его голова все еще гудела, когда он нормализовал свое дыхание. Ремо плеснул воды на лицо, зачесал волосы и вытер шею. Ему нужно прогуляться на свежем воздухе с час, а потом что-нибудь поесть, что-то вроде... риса.

Бармен и незнакомец, который тряс его за плечо, переговаривались у стойки, когда Ремо взял деньги со столика.

— Ты быстро пришел в себя, приятель, — сказал молодой парень, качая головой. — Я думал, ты выползешь на карачках.

Ремо выдавил улыбку.

— Я слышал, ты специалист по трюкам, — сказал молодой парень. — Каратэ? Ремо пожал плечами.

— Ка — что?

Парень улыбнулся.

— Из того, что я слышал, ты показывал здесь приемы каратэ.

— Нет, я не знаю ничего подобного. — Он кивнул бармену, чем доставил тому большое облегчение. — Спокойной ночи, — сказал он и направился к двери.

Он слышал, как бармен пробормотал что-то вроде «дикарь», на что молодой парень ответил:

— Дикарь? А что ты скажешь о парне, который перерезал себе глотку в госпитале? У него была только одна здоровая

рука, да и та с крюком, а он перерезал себе горло. Я хочу сказать, что если человек хочет убить себя...

Ремо вышел из бара.

Глава 15

Местная газета описала все в деталях. «Человек убивает себя во второй раз: прыжок окончился провалом, но крюк сработал».

«Мужчина, который являлся безнадежным пациентом частной лечебницы, выпрыгнул вчера из двенадцатиэтажного здания на Восточной Авеню», — сообщала полиция.

Они говорили о том, что он круглосуточно охранялся, и никто не допускался в его палату. «Чудовищно», — говорили доктора о том, как он разорвал себе глотку крюком на ампутированной руке.

— Удивительно, как он сделал это, — говорили в госпитале. — Он был в гипсе, и нужно было немало усилий, чтобы надавить на крюк. Где есть желание, там есть силы, — говорили они.

Ремо не спал этой ночью. Он бродил весь день по улицам, пока не вошел в телефонную будку на пересечении 232-й улицы и Бродвея. Сильный холодный ветер раскачивал деревья в парке Ван-Кортленд. Дети играли на сухой траве. Оранжевое солнце садилось. Было пятнадцать часов. Неподалеку группа черных подростков в пестрой униформе затеяла потасовку. Они яростно избивали друг друга.

Ремо медленно набрал специальный номер. В течение десяти минут в это время он мог позвонить в Фолкрафт. Смит поднимет трубку.

— 7-4-4, — голос Смита прервал размышления Ремо.

— Здравствуйте, сэр. Уильямс. Я имею в виду 9—1.

Голос Смита был твердым.

— В госпитале проделана отличная работа. Все концы обрублены. Отлично.

— Вам действительно это нравится?

— И да, и нет. Я не хотел бы оказаться на его месте. Я знал этого человека, но это не важно. У нас только три

минуты. Что-нибудь еще?

— Да. Я принесу вам голову Максвелла в корзине через пять дней.

— Что? Кажется, ты взбешен.

— Вы слышали, что я сказал. У вас будет его голова, или я потеряю свою.

— Я не хочу, чтобы ты потерял свою. Будь осторожен.

В трубке послышались гудки. Ремо вышел из телефонной будки.

Глава 16

Фелтон знал, что страх имеет различные формы. Он мог и пальцем не трогать итальянца, а тот все равно бы дрожал на стуле в его кабинете.

— Мы собираемся задержать тебя ненадолго, — сказал Фелтон.

Бонелли застонал.

— Почему меня? Почему меня?

— Очень просто. Ты кровный брат Кармина Виаселли. Твой народ чтит семейные узы.

Бонелли сполз со стула на колени.

— Но пожалуйста, ради моей покойной матери, пожалуйста.

Джимми, дворецкий, стоящий позади пустого стула Тони, ухмыльнулся. Фелтон бросил на него мрачный взгляд. Улыбка исчезла, но Джимми потер свои огромные ладони, как будто в предвкушении мяса.

— Ты будешь в безопасности, — сказал Фелтон, наклонившись на стуле. — Пока я в безопасности, ты тоже будешь в безопасности.

— Но я пришел сам. Никто не приводил меня. Почему же вы делаете это? Почему?

Фелтон посмотрел на мокрую от виски голову Бонелли и закричал:

— Потому что ты не отвечаешь мне!

— Что вы хотите узнать? Если я знаю, я скажу. Честно. Клянусь могилой моей матери! — он вынул из-за ворота серебряный медальон и поцеловал его.

— Хорошо. Кто следует у меня по пятам и почему? Откуда это давление? Кто может быть заинтересован в этом, кроме твоего брата?

— Может, какой-нибудь другой синдикат?

— Какой? Все было улажено. Ты скажешь мне, Тони. Ты скажешь мне все, что было решено на ваших собраниях и вонючих сходках. Ты скажешь мне, а?

Тони пожал плечами.

— Скажи мне, что это полицейские. Расскажи мне об одноруком полицейском, который приходит убивать. Расскажи мне о чиновнике из департамента налогов и сборов, крутившемся у моей виллы в Джерси. Расскажи мне о буфетчиках, которым вдруг приходит в голову посетить «Ламоника Тауэрс». Скажи мне, что этот полицейский приходил снимать комнату, а потом вдруг решил вогнать свой крюк в мою глотку. Скажи это мне, Тони.

— Кармин не посылал их. Я клянусь.

— Я знаю, что вы не посылали их.

Рот Бонелли раскрылся. Он недоверчиво вздохнул.

— Я знаю, что вы не посылали их, — закричал Фелтон. — Это-то меня и беспокоит. Кто? Кто?

— Фелти, я не знаю.

Махнув рукой, Фелтон распрощался со своим гостем.

— Джимми, отведи его в цех. Ему не надо причинять вреда. Пока.

— Нет! Пожалуйста, только не цех, только не цех. Пожалуйста. — Тони сорвал медальон с шеи, моля о пощаде. Огромные руки Джимми схватили гостя за согнутые плечи и подняли его на ноги.

— Убери его отсюда, — сказал Фелтон, словно говорил о скорлупе моллюсков, которую нужно было убрать тарелки. — Убери его отсюда.

— Хорошо, босс, — засмеялся Джимми. — Пойдем, Тони, малыш, нам предстоит небольшое путешествие. Да-да.

Когда дверь закрылась, Фелтон подошел к бару и налил себе целый стакан виски. В его крепости образовалась брешь. В «Тауэрс» появились дыры. В первый раз Норман Фелтон не атаковал, а защищался.

Он опустошил стакан, скорчил гримасу человека, не привыкшего к выпивке, налил другой стакан, посмотрел на него и поставил. Хорошо, теперь он будет атаковать. Он не знал где, но чувствовал, как чувствуют звери в джунглях, что пришло время убить или быть убитым, время, когда промедление грозит смертью.

Он вышел снова на балкон и посмотрел на огни моста Джорджа Вашингтона, соединяющего два великих штата. Фелтон управлял этими штатами уже почти двадцать лет. Он создал совершенную систему с четырьмя приближенными, которые нанимали боевиков и избавлялись от трупов.

Но один из его четверки, О'Хара, распрощался с жизнью прямо в этой комнате. Один удар, удар крюком, и его голова почти отделилась от тела и совсем отделилась от системы Фелтона.

Фелтон посмотрел на свои руки. Теперь их осталось трое: Скотти в Филадельфии, Джимми здесь и Мошер в Нью-Йорке. Система с оборотом в десятки миллионов долларов находилась под угрозой невидимого врага. Кто он? Кто?

Руки Фелтона сжались в кулаки. Что ж, будет снова, как в сороковые годы, когда ничто не могло остановить его, ничто, ни этот зажиточный вонючий мир, ни полицейские, ни ФБР, ни синдикат. Благодаря своим рукам и мозгам, он сделал тогда Виаселли королем Востока из мелкого банковского служащего. Фелтон глубоко вдохнул ночной прохладный воздух и впервые за эти сутки на его лице появилась улыбка. Телефонный звонок нарушил тишину.

Фелтон вернулся в кабинет и поднял трубку черного телефона, стоявшего на столе из красного дерева.

— Да?

— Привет, Норм, — раздался голос. — Это Билл.

— А, привет, майор.

— Послушай, Норм, я звоню насчет этого самоубийства. Его идентифицировали как пациента санатория Фолкрафта в Ри, в Нью-Йорке.

— Итак, это был обреченный на смерть пациент?

— Да. Похоже на то. Я лично разговаривал с директором, доктором Смитом. Норм, я предупредил его, что он отвечает за своих душевнобольных пациентов. Гровер и Рид, кажется, навещали тебя? Это они узнали о Фолкрафте.

— Они вели себя прекрасно, Билл, — сказал Фелтон.

— Хорошо, если я понадобится тебе, позвони.

Фелтон дождался гудков и набрал номер.

— Привет, Марв. Вас маста ид?

— Да, — раздался голос Марвина Мошера. — Ничего... как у тебя?

— У нас неприятности.

— Что? Одну минуту. Я только закрою дверь. На всякий случай. Некоторое время в трубке было тихо. Потом снова раздался голос Мошера.

— Я считал, что мы очистили рынок.

— Появился новый рынок.

— Виаселли расширяется?

— Нет, — сказал Фелтон.

— Расширяется кто-то другой?

— Не думаю.

— Что говорит О'Хара?

— Он ушел из жизни сегодня утром.

— О Боже...

— Нанимать пока никого не будем. Нужно сначала кое-что узнать.

— Говорил с мистером Виаселли?

— Нет пока. Он послал своего представителя на первоначальные переговоры.

— И?

— Он говорит, что все по-прежнему?

— Так значит, это Виаселли?..

— Не думаю. Не уверен.

— Хорошо. Как мы будем это делать?

— Сначала черновая работа. Есть место, которое называется Ф-о-л-к-р-а-ф-т. Фолкрафт. Это санаторий в Ри.

— Разузнай, что это такое. Попробуй снять комнату.

— О'кей, Норм. Я позвоню.

— Привет семье.

— Зай гезунт.

Фелтон положил трубку и хлопнул в ладоши. Частный санаторий. Никакой правительственный офис не стоит за ним. Он сделал этой ночью еще два телефонных звонка. Один — Анджело Скоттичио в Филадельфию; второй — Кармину Виаселли.

Глава 17

Поезд шел по старой железной дороге через Пенсильванию. Ремо Уильямс смотрел сквозь грязное окно на пригороды Филадельфии, которые были истинно американскими до мозга костей. Это был фешенебельный район Мэйн-Лайн, окружавший гетто, которым стала сама Филадельфия. Аристократы нации отступили на последний рубеж перед бедностью. Они сдали Филадельфию еще поколение назад.

Был мрачный и сырой полдень, заставлявший человека когда-то сидеть в своей пещере возле теплого огня. Это напомнило Ремо о школьных днях, о его учителях и о провале после двух лет учебы в колледже. Он никогда не любил учиться. Но сейчас он собирался посетить самую лучшую женскую школу в стране — Бриарклифф.

Ремо закурил сигарету, увидев, что другие игнорируют знак, запрещающий курение. Он курил осторожно, чтобы не оставлять дыма в своих дыхательных путях. Чжиун был прав. Стоит надавить на него посильнее, и он вернется к прежнему. Это все та же старая история. Ремо опять курил.

Дома, большинство из которых были кирпичными и двухэтажными, имели свои особенности, но от всех веяло деньгами. Он вспомнил слова Мак Клири: Никакого дома, никакой семьи, ничего постороннего. И ты всегда будешь оглядываться через плечо.

Сигарета была хорошей. Ремо стряхнул пепел и пересмотрел свои ошибки. Он не должен был оставаться поблизости после визита к Мак Клири, не должен был затевать игры с барменом, не должен был подходить к дежурной в регистратуре госпиталя. Белый халат мог бы помочь ему пройти в любую палату госпиталя анонимно. Но что сделано, то сделано. Может быть, последствия не будут губительными.

Теперь он должен убить Максвелла, кем бы он, черт возьми, ни был. Фелтон был ключом, но его убежище казалось недоступным. Дочь Фелтона послужит ему

пропуском. Несомненно, его дочь не имеет никакого отношения к организации Максвелла. Фелтон не послал бы ее в колледж Бриарклифф, если бы это было не так. «Возможно, она даже не имеет понятия, чем занимается ее отец», — сказал Мак Клири.

Бриарклифф. Должно быть, она обладает настоящим умом. О чем он будет говорить с ней? К чему она проявляет интерес? К ядерной физике, к социальной демократии, Флоберу, к новым направлениям в литературе? А он всего лишь Ремо Уильямс, бывший полицейский, бывший морской пехотинец и наемный убийца в настоящее время. Не мог же он говорить с ней о приемах против ударов ножом и обсуждать удары локтями? С чего он начнет разговор с ученицей Бриарклиффа? Это не дежурная регистратуры и не официантка.

Мысли Ремо были прерваны. Кто-то смотрел на него. Это была девушка, которая сидела слева от него. Ее глаза снова уткнулись в книгу, когда он поднял взгляд. Ремо улыбнулся. Женщины есть женщины.

Кондуктор выкрикнул:

— Бриарклифф. Город и школа. Бриарклифф.

* * *

Фелтон медленно одевался в своей спальне. Он натянул черные носки, надел темно-синие брюки и завязал шнурки на своих черных лакированных ботинках. Он разогнулся и посмотрел в большое зеркало. Его грудь упруго выпирала через майку. Неплохо для пятидесятилетнего мужчины. Он посмотрел на свою массивную шею, сильные руки и широкие плечи. Он мог по-прежнему гнуть гвозди пальцами и ломать кирпичи руками.

Джимми молча вошел в комнату, неся перед собой шкатулку из красного дерева. Фелтон заметил его в зеркале, он был на целых двадцать сантиметров выше хозяина.

— Разве я говорил тебе принести шкатулку?

Джимми широко улыбнулся.

— Нет.

— Тогда зачем ты принес ее? — Фелтон развернулся, чтобы посмотреть на свой профиль. Он напряг руки. Его трицепсы были большими и мощными. Он взялся левой рукой за правую и напрягся. В зеркале отразилось великолепное сплетение напряженных мышц. — Так зачем ты принес шкатулку?

— Она вам понадобится.

Фелтон вскинул руки перед собой и нагнул голову, как будто встречая противника. Это был другой Фелтон, великий и победоносный.

— Понадобится?

Джимми пожал плечами.

— Самое время, босс.

Фелтон засмеялся, обнажив зубы, которые всегда были безукоризненными.

— А ну, — закричал Фелтон, — нападай!

Джимми попятился, положив сверкающую шкатулку из красного дерева на кровать.

— Прошло десять лет, босс. Десять лет.

— Давай, — сказал Фелтон, бросив последний взгляд в зеркало.

Джимми напряг свою мощную фигуру, как пружину. Фелтон сунул правую руку за спину и вытянул перед собой левую руку, широко растопыбив пальцы. Он снова глянул в зеркало, и в этот момент Джимми прыгнул. Фелтон перехватил удар, выбросив вперед левое плечо. Никакой хитрости. Никакой системы. Лишь дикая сила. Огромная фигура, казалось, сметет Фелтона, но Джимми лишь хрюкнул, наткнувшись словно на стену. Сильная рука Фелтона уткнулась ему в грудь. Джимми взмахнул руками и вскрикнул, когда его тело отшатнулось назад. Как дикий кот, Фелтон

бросился вперед, хватая руку Джимми, чтобы предотвратить его падение на пол. Он зарычал:

— Ну как?

— Вы по-прежнему сильны, босс. Вам бы играть в футбол.

Фелтон кивнул, чтобы шкатулка была открыта. Джимми осторожно поднял крышку. Три револьвера лежали на белом бархате.

— О'Харе это больше не понадобится, — сказал Джимми. — Могу я взять два?

— Нет, — сказал Фелтон. — Тело О'Хары в гараже?

— Да. В упаковке. Ребята приглядывают за ним.

— Когда мы вернемся сегодня, избавимся от тела О'Хары и его револьвера и отпустим Тони.

— Может, проще, босс, заявить, что О'Хара был убит? Я хочу сказать, что странно избавляться от его тела таким образом.

— Я должен заявить, что моему шоферу оторвали голову? Я не хочу, чтобы в этом здании появился еще один однорукий с крюком. Нет, мы сами должны избавиться от тела.

Фелтон надел наплечную кобуру. Джимми пожал плечами и достал из конверта, лежащего в крышке шкатулки, шесть официальных карточек в пластиковых обертках. Это были разрешения на оружие. Одно для Нью-Джерси, одно для Нью-Йорка; для каждого человека предназначалось по две карточки, но одному они больше не понадобятся. На каждой карточке в углу была фотография владельца. Джимми — твердое и угрюмое лицо. Фелтон — гладкое лицо с глазами, которые сияли даже на черно-белой фотографии. О'Хара — широкое улыбающееся лицо, которое теперь было обезображено крюком.

Это были специальные разрешения, сделанные для финансового и промышленного магната Нормана Фелтона и его телохранителей Джеймса Робертса и Тимоти О'Хара. Они были особыми потому, что пистолеты тоже были особыми.

Каждое разрешение означало, что пистолеты были зарегистрированы в Вашингтоне. Пуля, выстреленная из каждого ствола, давала баллистические данные, по которым идентифицировали оружие так же, как по отпечаткам пальцев идентифицировали человека. Эти три револьвера выстрелили только по разу, когда проводилась баллистическая экспертиза.

Фелтон взял свой револьвер, и Джимми освободил пружину, которая открывала потайное дно шкатулки. Там лежало еще шесть револьверных стволов и специальный гаечный ключ. Они заменили стволы своих револьверов на новые, чьи баллистические данные были известны только трупам.

Позже Фелтон разговорился. Джимми сидел за рулем серого перламутрового «роллс-ройса», занимая место О'Хара. Он вел машину по мосту Джорджа Вашингтона, сверкающему огнями.

— Да, босс. Я находился прямо позади него.

— Ты когда-нибудь видел, чтобы кто-нибудь так двигался? Я говорю о его движениях. Он двигался так, что невозможно было предугадать его действия.

— Ну и что?

— Можно ли предугадать удар настоящего бойца?

— Нет, если он хороший боец.

— Почему?

— Потому, что он знает свое дело, — предположил Джимми.

— Ты прав.

— Ну и?

— Кто его научил?

— Таких мест множество, — сказал Джимми. Фелтон некоторое время молчал, наконец он спросил:

— Кажется, в последнее время нам не всегда сопутствует успех?

— Да, не всегда.

— Это ошибки наших помощников? Они стали хуже?

— Они говорят, что жертвы стали умнее.

— Что еще?

— Я не знаю больше ничего.

— Есть еще что-то, Джимми.

— Вы загнали меня в тупик, босс.

— Они не умеют наносить удар. Они никогда не ждут отпора. Ни один из тех простаков, которых мы нанимали, никогда не был застрелен или хотя бы ранен.

Джимми пожал плечами и посмотрел на выезд с 42-й улицы. Он не улавливал нити разговора. Босс обдумывал свою очередную идею.

— Почему те семеро парней не были вооружены? — спросил Фелтон.

— Многие люди не носят оружия, — сказал Джимми, свернув из основного потока на боковую улицу.

— Эти люди интересуются делами Виаселли или моими делами?

— Значит, они глупцы.

— Глупцы? Нет, у них есть свой почерк, а это несовместимо с глупостью. Но этот парень с крюком вышел за все рамки. Чего же ждать дальше? Я чувствую, что-то будет.

— Вы хотите сказать, что появится кто-то лучше?

— Я не думаю, что есть кто-то лучше. Но мы должны ждать целой команды. Команды убийц.

— Как в сороковые годы?

— Как в сороковые. — Фелтон откинулся на заднее сиденье.

Глава 18

Швейцар «Роял-Плаза» на 59-й улице рядом с Центральным парком был удивлен, когда хорошо одетый пассажир из «роллс-ройса» стал настаивать на том, чтобы швейцар припарковал его машину для того, чтобы его шофер мог пойти с ним. Швейцар быстро согласился. Он был не из тех, кто спорит с пассажирами из «роллс-ройсов».

Револьверы были надежно укрыты под дорогими костюмами, так что Фелтон и его шофер привлекли мало внимания, когда вошли в лифт.

— Четырнадцатый этаж, — сказал Фелтон.

Сверкающие позолотой двери лифта открылись в небольшом вестибюле. На других этажах двери лифта открывались в коридоры с комнатами. Но Фелтон посоветовал Виаселли, когда тот занял этаж в «Роял-Плаза», переоборудовать вход, сделав что-то вроде отдельного вестибюля.

Фелтон ждал в вестибюле и подмигивал Джимми, который улыбался в ответ. Они оба знали о том, что один из телохранителей Виаселли смотрит сейчас на них сквозь одностороннее зеркало, висевшее слева от них. Фелтон поправил галстук, посмотрев в зеркало, а Джимми показал своему отражению непристойный знак средним пальцем руки. Дверь открылась. Мужчина в темном полосатом костюме и синем галстуке пригласил их войти.

Они вошли спокойной походкой, не проявляя эмоций и не изменяя шага, в огромную светлую комнату, заполненную клубами сизого дыма и людьми в строгих костюмах.

Щеголеватый невысокий мужчина с черной итальянской сигарой, зажатой в темных тонких губах, подошел к Фелтону и Джимми, протягивая тонкую правую руку и широко улыбаясь.

— О? Вы пришли, мистер Фелтон?

Фелтон пытался вспомнить имя этого человека.

— Мне неудобно об этом говорить, но, — мужчина чуть поклонился в сторону Джимми, — здесь не место для водителей. — Он должен уйти.

— Он останется.

Невысокий мужчина поднял руки ладонями вверх.

— Но он не имеет права.

— Он останется, — повторил Фелтон без всякого выражения.

Улыбка, которая никогда и не была настоящей, исчезла с лица. Правая рука поднялась к лицу в типичном латинском жесте.

— Мистер Биг сам скажет свое слово об этом.

Неожиданно по комнате прокатился шорох, когда все сидевшие вскочили со своих мест, а стоявшие выпрямились. Они смотрели на большие двери, которые только что распахнулись. В дверях появился человек в сером строгом костюме и полосатом галстуке и выкрикнул:

— Мистер Фелтон.

Фелтон и Джимми направились к дверям, чувствуя на себе взгляды всех присутствующих. Джимми остановился возле дверей, когда Фелтон вошел. Джимми стоял как часовой и обводил холодным взглядом серых глаз всех присутствующих в комнате. Фелтон шел к концу длинного стола из красного дерева, за которым сидел франтоватый джентльмен перед шахматной доской. Его дружелюбные карие глаза были глубоко посажены на твердом и величественном римском лице. На его руках был прекрасный маникюр. Длинные, сидящие на висках волосы были зачесаны на левый пробор. У него были полные чувственные губы, хотя во всем облике не было ничего женоподобного. Позади него, на стене, висела фотография дородной женщины и восьми детей, его семьи.

Фелтон искал признаков старости на лице, дрожи в руках или немощности в движениях тела. Ничего этого не было. Виаселли был по-прежнему сильным человеком.

— Какой ход ты бы сделал, Норман? — спросил Виаселли. Его голос был обычным, все с тем же великолепным оксфордским произношением.

— Если бы я понимал в шахматах, я бы сказал тебе, Кармин.

— Ты был бы стоящим противником, если бы умел играть.

— У меня есть другие игры.

— Тебе нужно было родиться итальянцем.

— А тебе нужно было быть евреем.

— Это не самое худшее. — Теплая улыбка появилась на лице Виаселли. — Я никогда не мог понять твоей любви к южанам.

— Какой любви?

— К этому Джимми из Техаса.

— Это просто мой человек.

— Просто? Мне так никогда не казалось.

Фелтон положил руку на стол.

— Так с кем мы сражаемся?

— Я рад, что ты сказал «мы», Норман. — Виаселли тихо хлопнул в ладоши. — Я рад, но пока ничего не знаю. Комиссия из Сената приезжает в наш район через две недели. Мы находимся под наблюдением уже на протяжении пяти лет. Методы изменились. Ты сам заметил. Расследования ФБР закончились бы в суде. Но эти пять лет со снующими повсюду людьми не закончатся в суде.

— Ты хочешь сказать, что Сенат проводит расследование?

— Да. Сенат сейчас работает на Востоке и скоро будет здесь. К тому времени вокруг нас появится еще больше людей, сующих нос в наши дела.

— Они подбираются все ближе.

— Думаю, да. Но в этом есть что-то странное.

Щеки Виаселли покраснели.

— У нас появился новый противник, — сказал он. — Я не знаю, кто он. А ты?

— Я смогу узнать за пару дней.

— Хорошо. Я тоже хочу это узнать. Теперь ты можешь вернуть Тони.

— Может быть.

Кармин замолчал. Это было то молчание, которое выразительнее слов. Так было и двадцать лет назад, только тогда у Виаселли не было штаб-квартиры в отеле «Роял-Плаза».

Глава 19

Это было на задворках бакалейной лавки, которой управлял отец Виаселли. Вместо шахматной доски с фигурами из слоновой кости, Виаселли сидел тогда за обыкновенной деревянной доской и передвигал деревянные фигуры, когда вошел Фелтон. В комнате жужжали мухи. Виаселли поднял взгляд.

— Садись, — сказал он. — Я хочу поговорить о деньгах.

Фелтон остался стоять.

— Что может знать о деньгах жалкий служащий банка?

Виаселли передвинул пешку.

— Я знаю, что идет война. Я знаю, что их надо много. Я знаю, что у тебя их не так много.

— У меня их достаточно.

— Две тысячи долларов? Разве это достаточно для ловкого еврея?

— Это больше, чем может сделать глупый итальянец.

Виаселли передвинул слона.

— Сегодня — да. А завтра?

— Альфонс не позволит тебе делать больше. Одной крови вы или нет, он не доверяет тебе. Я слышал это.

— А если Альфонс умрет?

— Его место займет Глакомо.

— А если умрет Глакомо?

— Луис.

— А если умрет Луис?

Фелтон пожал плечами.

— Не так просто убить стольких.

— А если умрет Луис?

— Придет кто-нибудь другой.

— Кто?

— У кого есть деньги.

— Флаерти может сменить его?

— Нет, он не дорос.

— А как насчет меня?

— То, что твоя фамилия заканчивается на «и» не значит, что тебе удастся прибрать все к рукам.

Виаселли передвинул коня.

— Хорошее начало, — сказал он и поднял глаза от доски. — Послушай, что же ты за еврей, если все время работаешь на кого-то?

— Ты хочешь, чтобы я работал на тебя?

Виаселли передвинул королеву. Дело близилось к мату. Он продекламировал:

— Ты убиваешь Альфонса. Ты убиваешь Глакомо. Ты убиваешь Луиса. Потом...

— И что же потом? — спросил Фелтон.

— Кто потом решится убить тебя?

— Ты.

— Как? У тебя единственного есть сила. Только у тебя есть мозги. Весь синдикат будет дезорганизован.

— Тогда почему бы мне не прикончить и тебя и не взять власть в свои руки? — спросил Фелтон.

— Потому, что ты не дурак. Вся мафия будет против тебя. Они не верят никому, кроме себя. Ты будешь в опасности.

— А ты нет?

— Я один из них. Они научатся жить со мной. Конечно, если мне удастся наладить дело снова.

Он продолжительно и тяжело посмотрел на Фелтона.

— Какое тебя ждет будущее? Две тысячи долларов и в конце концов смерть за эти деньги. За вонючую пару тысяч? Разве такая смерть достойна еврея?

— Смерть есть смерть.

— Но ты можешь жить. И быть на вершине столпа.

— И ты не будешь переходить мне дорогу?

— Ты будешь моей королевой. Самой мощной моей фигурой. Зачем мне переходить дорогу своей королеве?

— А что с твоими приспешниками?

— Мне они не нужны.

— Ты их унаследуешь.

— Я отошлю их в Чикаго, Сан-Франциско, Нью-Орлеан. Ты будешь моей армией. Единственный способ повернуть это дело без проблем, — разъединить банкиров и боевиков. Никто из тех, кто будет работать на меня, не будет носить оружие. Ты будешь выполнять всю эту работу. Ты будешь иметь постоянную зарплату плюс проценты с оборота. Избавься от Альфонса, Глакомо и Луиса и начинай работать за миллион долларов.

С Ист-Сайда Фелтон отправился к Мошеру, который целыми днями стрелял по мишеням. Анджело Скоттичио он нашел в баре, где тот планировал небольшой налет, который принес бы ему всего тысячу долларов. Тимоти О'Хара ошивался в порту, где занимался жалким воровством армейского оборудования. Джимми Робертс был удачливым ковбоем с большим ртом, раскрыв который, он слушал молодого парня, который нанимал его в качестве убийцы.

— Вы будете моими генералами, — сказал Фелтон этим четверым.

— Пока мы будем действовать как военная машина, мы будем вне опасности, мы будем побеждать. Мы будем по-настоящему богатыми.

Первой жертвой стал Альфонс Дегенерат, глава рэкета Бронкса. Наемный убийца Норман Фелтон с четырьмя людьми появился тогда, когда Альфонс лежал в постели с

девушкой в ее квартире на Ист-Сайд, окна которой выходили на реку Ист. Он знал, что находится в безопасности, потому что только его племянник Кармин Виаселли знал, где он. Позже он нашел воды реки Ист слишком холодными, когда был брошен туда в компании со своей полуживой возлюбленной.

Глакомо Гианини был тихим человеком и никогда не увлекался девушками. Он занимался бизнесом. По хорошей рекомендации Кармина Виаселли, племянника Альфонса, он секретно встретился с наемным убийцей, чтобы спланировать месть за Альфонса. Он встретился с убийцей на крыше дома. Убийца привел еще четверых молодых людей, которые не смогли отговорить Глакомо от прыжка с крыши.

Фелтону позвонил Виаселли.

— Они знают, что это ты, Норман, — сказал он.

— Значит, они скоро узнают и о тебе, малыш.

— Все не так плохо, — сказал Виаселли. — Остался только Луис. Но он ждет тебя. На этот раз сюрприза не выйдет.

Луис жил на яхте и никогда не покидал ее. У него была телефонная связь и скоростные катера, чтобы вести дела прямо с яхты.

У Фелтона не было таких возможностей. Он мог только ждать, когда его убьют, ждать, когда Луис пошлет убийц, которые прикончат его. Но Луис сделал ошибку. Его яхта стояла у берега реки Хакенсак в Джерси, рядом с автомобильным прессом. Шла Вторая мировая война. Сырье, сталь и металл были в дефиците. Фелтон купил пресс для сырья за цену, которая в четыре раза превышала его стоимость. Он отдал все свои деньги до цента. Но что хорошего в деньгах без жизни?

Когда Фелтон увидел этот пресс, он долго смеялся.

— Джентльмены, — сказал он своим четырем генералам, — наше будущее ждет нас.

Этой ночью яхта была повреждена взрывом взрывчатки. На следующий день Джимми позвонил на яхту и предложил

услуги по ремонту.

— Мы не можем оставить судно, — сказали в ответ.

— Вам не нужно этого делать. Мы вытянем вас на берег и проведем ремонтные работы в короткий срок.

После десятиминутного раздумья люди на яхте согласились.

Краны пресса были приведены в готовность. Стальные тросы зацепили за нос и корму яхты. Когда судно поднялось над водой, кран быстро перетащил его на вершину трамплина, с которого спускались подержанные автомобили. Тросы были отцеплены и взлетевшая в воздух яхта врезалась в большое бетонное здание. Она проделала брешь в стене дома, из которого никто из команды яхты больше не появился.

На следующий день Виаселли снова позвонил Фелтону.

— Прекрасно. Я говорил тебе о миллионе долларов? Можешь рассчитывать на два. Как тебе это удалось? Команда, яхта и все остальное.

— Я не трачу свое время на шахматы, — ответил Фелтон.

Следующие несколько лет были спокойными. Мошер, любитель пострелять, делал большую часть работы, убирая противников Виаселли. Их тела исчезали. О'Хара нанимал людей, которые способствовали становлению власти Виаселли. Он нанимал их только однажды, а потом убивал. Скоттичио занимался строительством главной штаб-квартиры в Филадельфии под присмотром Фелтона. Джимми выполнял приказы босса. Они больше касались его безопасности. Остальные вопросы решал сам Фелтон. Его имя не всплыло ни в одном расследовании; он был на передней линии действий и создавал себе репутацию уважаемого человека.

Только четверо его помощников знали все об операциях Фелтона. Но они молчали. Тайнственность была их главным оружием. Это было прибыльным делом для всех. И сейчас Фелтон глядел на великолепные шахматные фигуры из слоновой кости в отеле «Роял-Плаза» и думал о том, как долго еще оно будет прибыльным.

— Ты все еще моя белая королева, Норман, — сказал Виаселли, положив руки на стол из красного дерева. — Больше у меня никого нет.

— Прекрасно, — сказал Фелтон, глядя, как Виаселли сделал последний ход, после которого последовал мат. — Тогда кто этот Максвелл?

Виаселли поднял насмешливые глаза.

— Максвелл?

Фелтон кивнул.

— Кто бы ни охотился за нами, он что-то имеет против Максвелла. Я убил человека, который проявлял интерес только к Максвеллу.

— Максвеллу? — Виаселли недоуменно уставился на шахматную доску. — Кто-то новый вступает в игру?

— Максвелл, — повторил Фелтон.

Виаселли пожал плечами. Фелтон вздернул брови.

Глава 20

Проникнуть в комнату студентки Бриарклиффа оказалось проще простого. Ремо только сказал декану, что пишет статью для журнала, посвященную метафизике сознания. Он сам не знал, что это значило, но декан, похожая на корову дородная матрона с большим носом и волосатым подбородком, пустила его на территорию колледжа до двадцати трех часов. До этого времени, как сказала она, крутя в пальцах карандаш, Ремо может найти ее в своей комнате, и она поможет ему с заметками для статьи.

Таким образом, Ремо оказался в зале колледжа, царапая в блокноте заметки, которые потом собирался выбросить, в то время, как дюжина молодых, противных, громкоголосых, возбужденных молодых девиц выкрикивали свои мнения по поводу «как относятся женщины к космосу?»

У них у всех были свои мнения. Они окружили кресло, в котором сидел Ремо. Руки, улыбки, голоса атаковали его. И каждой девушке он задавал один и тот же вопрос: «А ваше имя?» И каждый раз он не получал того ответа, которого ждал. В конце концов он сказал:

— Кроме вас есть еще девушки?

Они покачали головами. Потом одна сказала:

— Есть еще Синти.

Ремо насторожился.

— Синти? Какая Синти?

— Синти Фелтон, — засмеялась девушка. — Зубрила.

— А где она? — спросил Ремо.

— В своей комнате, где же еще?

— Я думаю, что ее мнение тоже стоит выслушать. Извините меня, леди. Где ее комната?

— На втором этаже, первая справа, — объяснила одна из девушек.

Он поднялся по ступенькам. Первая дверь направо была открыта. Он увидел стол, освещенный светом настольной лампы, и довольно милую ножку под ним. Он видел еще руку с длинными ухоженными ногтями, хозяйку которой скрывали книжные полки, стоявшие позади стола.

— Привет, — сказал Ремо. — Я пишу статью для журнала. Это было не совсем подходящее начало знакомства с девушкой, через которую он собирался проникнуть к ее отцу.

Она развернула стул, чтобы видеть Ремо. В дверном проеме она увидела высокого, широкоплечего, симпатичного мужчину. А он увидел еще одну представительницу поколения современных феминисток: девушку в голубой юбке, коричневом свитере и белых теннисных туфлях. Ее лицо было привлекательным, вернее могло быть привлекательным, если бы на нем была косметика. Но ее не было. Ее волосы были растрепаны, как после бури. Она жевала кончик карандаша. На ее свитере был приколот значок «За свободу».

— Я беру интервью у студенток.

— Да?

— Я бы хотел взять интервью у вас.

— Хорошо.

Ремо занервничал. Ему захотелось пошаркать ногой. Он намеревался воздействовать на ее чувства своим мужским обаянием, как учил Чжиун, но его сознание восстало, как будто перед ним была не совсем женщина. У нее были груди, бедра, глаза, рот, уши, нос, но отсутствовала женственность, что сразу бросалось в глаза.

— Садитесь на кровать. — Из уст другой женщины это прозвучало бы, как приглашение. Из уст этой девушки это звучало, как логичное предложение сесть на кровать потому, что в комнате был единственный стул, на котором сидела она.

— Как вас зовут? — спросил Ремо, раскрывая блокнот.

— Синти Фелтон.

— Сколько вам лет?

— Двадцать.

— Где вы живете?

— В Восточном Гудзоне, Нью-Джерси. Ужасный город, но папе он нравится.

— Что вы думаете об отношении женщины к космосу?

— Вы имеет в виду метафизику?

— Конечно.

— В сущности, женщина — всего лишь производитель детей в человекоподобном обществе... вы это записываете?

— Конечно, конечно, — сказал Ремо, быстро записывая непостижимые ученые глупости своей собеседницы. В конце интервью он пришел к выводу, что не понял ни слова из того, что она сказала.

Синти было очень жаль, но она должна подготовиться к завтрашним занятиям. Писатель заверил ее, что только она могла помочь ему развязать этот метафизический узел.

— Нет, — был ее ответ, — определенно нет.

Тогда он предложил ей позавтракать с ним.

Нет, снова был ее ответ, у нее твердое расписание дня.

Тогда, может быть, она даст ему фотографию своих голубых глаз?

Зачем, был вопрос, ему нужна фотография ее голубых глаз?

Потому что, был ответ, они такие голубые, каких писатель никогда не встречал прежде.

— Чепуха, — ответила она.

Глава 21

Синти должна была появиться в ресторане в 9.15. Для любой другой женщины опоздание было бы обычным делом. Но подобные ей девицы были пунктуальными и деловитыми.

Если Мак Клири не мог проникнуть в здание Фелтона, значит, там были ловушки. Как; черт возьми, он сам сделает это? Ремо вертел в руках стакан с водой. Во Вьетнаме все было по-другому. Там ты всегда мог вернуться в свое подразделение. Ночью кто-то другой стоял на часах, если там не стоял ты. Там ты чувствовал защиту.

Ремо отпил глоток воды, которая отдавала какими-то химикатами. Сейчас он не чувствовал себя защищенным. Ему некуда было отступать. У него не было отряда. До конца своих дней он будет теперь либо атаковать, либо отступать. Он поставил стакан и посмотрел на дверь. Он мог уйти сейчас, он мог просто выйти из ресторана и исчезнуть навсегда.

Ремо с трудом отвел глаза от двери. «Я прочту газету, — сказал он себе. — Я прочту газету с первого листа до последнего, а потом выйду из ресторана, поеду в Нью-Джерси, найду Фелтона и попробую узнать что-нибудь о Максвелле».

Ремо читал слова, не понимая значения написанного. Он сбивался и терял абзац, который читал. Прежде, чем он дочитал первую статью, кто-то вытянул газету из его рук.

— Сколько можно читать газету? — это была Синти, в блузке и юбке.

Она села и положила на стол две толстые книги.

— Я проголодалась, — объявила она.

— Тогда нужно поесть, — сказал Ремо.

Синти наклонила голову в притворном удивлении.

— Я никогда не видела, чтобы кто-нибудь был так рад увидеть меня. У вас такая улыбка на лице, словно я только

что обещала вам сто лет здоровой жизни.

Ремо кивнул и откинулся на стуле. Он протянул ей меню. Изысканная студентка Бриарклиффа, чье сознание было способно только на эстетические удовольствия, заказала апельсиновый сок, мясо, вафли, шоколадное мороженое, два стакана молока и чашку кофе с двумя сладкими булочками с корицей.

Ремо заказал жареный рис.

— Забавно! — воскликнула Синти. — Вы из Вьетнама?

— Нет. Просто диета.

Кусая последнюю булочку с корицей, она начала говорить:

— Я думаю, что ваша статья должна быть о сексе.

— Почему?

— Потому, что секс важнее всего. Секс реален.

— О, — сказал Ремо.

— В этом смысл жизни. — Синти нагнулась вперед, размахивая булочкой, как гранатой. Любовь не имеет никакого отношения к сексу. А секс не имеет никакого отношения к любви. Замужество это фарс, придуманный для масс структурой власти.

— Ими?

— Да. Ими.

Она зло хлопнула по булочке.

— Они заходят слишком далеко, говоря, что секс служит для размножения. Такое мнение, слава Богу, сейчас отмирает. Секс — это секс, — говорила она, разбрызгивая крошки. — Синти вытерла рот. — Это самый важный опыт, приобретенный человечеством, не так ли?

Ремо кивнул.

— И в замужестве мы лишь развиваем этот опыт, — сказал он.

— Чушь, — небрежно сказала Синти. — Замужество — это чушь.

— А вы разве не хотите выйти замуж?

— Зачем?

— Чтобы развивать свой опыт.

— Оно ведет только к появлению потомства.

— Но ваш отец... Разве вы не хотите сделать своего отца счастливым?

— Почему вы не упомянули о моей матери? — спросила Синти голосом, который вдруг стал прохладным.

Ответить нужно было мгновенно. Ремо выпалил:

— Потому, что я не верю, что она существует. Если бы она была, она была бы женщиной. А в мире есть только одна женщина. Ты. Я люблю тебя. — Ремо схватил ее за руки раньше, чем она осознала смысл его слов.

Это был рискованный шаг, но он сработал. Краска бросилась ей в лицо, она опустила глаза.

— Это довольно неожиданно, не так ли? — Синти оглянулась по сторонам, словно тайные агенты наблюдали за ее любовной жизнью. — Я не знаю, что сказать.

— Скажи, «пойдем, погуляем»!

Ее голос был едва слышен.

— Пойдем, погуляем.

Прогулка оказалась удачной. Синти разговаривалась. Она не могла остановиться и каждый раз разговор возвращался к ее отцу, его занятиям и его апартаментам.

— Я не знаю, что он делает со своими акциями, но безусловно он делает большие деньги, — сказала она, когда они проходили мимо ювелирного магазина на улице Валнут. — Ты не придаешь значения деньгам, Ремо. Это мне нравится в тебе.

— Твой отец заслуживает похвалы. Для тех, кто имеет много денег, существует много соблазнов.

— Но не для отца. Он все время сидит в своих апартаментах. Он как будто боится появляться в этом безжалостном и жестоком мире.

Неподалеку от них какой-то мужчина рассматривал витрину магазина. Он был высокий и широкоплечий. Он прошел мимо Ремо и Синти дважды с тех пор, как они вышли из ресторана.

— Идем, — сказал Ремо, беря Синти под руку. — Идем сюда. — Через четыре квартала Ремо уже знал, что Синти редко жила дома, что стены их дома были очень гладкими, что она никогда не знала своей матери, и что ее дорогой папа был мягким и добрым со своими слугами. Ремо также понял, что за ними увязался хвост.

Они прогуливались и разговаривали. Они останавливались под деревьями, сидели на камнях и говорили о жизни и о любви. Когда стало темно и довольно прохладно, они направились в отель Ремо.

— Что ты хочешь на ужин? — спросил Ремо.

Синти включила телевизор и удобно устроилась в массивном кресле.

— Мясо. Жаркое. И пиво.

— Хорошо, — сказал Ремо, поднимая трубку белого телефонного аппарата. Пока он диктовал заказ, Синти разглядывала комнату, меблированную в модном стиле. Эта комната предназначалась для людей со средним достатком. Ремо продиктовал заказ и посмотрел на Синти, которая обхватила руками ноги и положила подбородок на колени. Ей нужно было что-то делать со своими редкими волосами.

Как только Ремо положил трубку, телефон тут же зазвенел в ответ. Ремо пожал плечами и улыбнулся Синти. Она улыбнулась в ответ.

— Вероятно, у них кончилось мясо, — сказал он и поднял трубку. Низкий голос сказал:

— Мистер Кабелл?

— Да, — ответил Ремо. Он пытался представить себе лицо говорившего. Возможно, это был тот человек, который следил за ними. Неужели Фелтон поставил охрану к своей дочери?

— Мистер Кабелл. Это очень важно. Вы можете сейчас спуститься в вестибюль?

— Нет, — ответил Ремо. Он хотел посмотреть, как далеко зайдет тот, кто звонил.

— Это касается ваших денег.

— Каких денег?

— Когда вы расплачивались вчера в баре, вы случайно уронили двести долларов. Я управляющий. Деньги находятся в моем кабинете.

— Я зайду утром.

— Мне бы хотелось, чтобы вы сделали это сейчас. Мы не любим нести ответственности.

Ремо знал, что был ловко приперт к стене. Он находился в комнате, снаружи которой были враги. Они знали, где найти его. Может быть, Мак Клири прав в том, что с ними нельзя совладать. В любом случае, он теперь не мог атаковать неожиданно. Всего два дня работы, а он уже потерял свое главное преимущество.

Он заметил, что его рука, сжимавшая трубку, вспотела. Его лоб покрылся испариной. Он глубоко дышал, заполняя свои легкие кислородом. Он должен был решиться. Сейчас или никогда. Он был номером один для «Кью». Ремо вытер взмокшую ладонь о брюки. Веселое настроение вернулось к нему.

— О'кей. Я сейчас спущусь.

Он повесил трубку, подошел к шкафу и достал чемодан. В нем лежало свернутое пальто, которое он надевал за день до этого. Он провел рукой по левому рукаву, пока не нащупал длинный, тонкий, металлический предмет. Повернувшись к Синти спиной, Ремо достал его и сунул за пояс. Специальный

раствор натрия. Если он окажется не очень проворным, это поможет ему.

— Я должен выйти на несколько минут, — сказал он. — Звонили насчет моей статьи.

— О, — произнесла Синти с раздражением в голосе. — Должно быть, это очень важный звонок, раз ты так торопишься.

— Да, моя дорогая, важный. — Ремо поцеловал ее, но Синти зло отпрянула. — Я скоро вернусь, — сказал он.

— Когда ты вернешься, меня может здесь не оказаться.

Ремо пожал плечами и открыл дверь.

— Такова жизнь.

— Иди к дьяволу, — сказала она. — Если ты не вернешься, пока я ужинаю, я уйду.

Ремо послал ей воздушный поцелуй и закрыл дверь. Когда он это сделал, ослепительная вспышка света пронзила мозг и зеленый ковер фойе стремительно приблизился к его глазам.

Глава 22

Он пришел в себя на заднем сиденье темного салона автомобиля, Человек, который следил за ним, сидел слева, держа в руке револьвер. На нем была шляпа. Под ней было типичное лицо немецкого мясника.

На переднем сиденье улыбался худощавый мужчина. Рядом с ним маячила массивная шея водителя. Очевидно, они остановились в пригородном районе. Ремо видел деревья, но не видел света окон. Ремо встряхнул голову, не столько для того, чтобы прояснить свое сознание, сколько для того, чтобы его похитители заметили, что он пришел в себя.

— Ага, — сказал худощавый. — Наш гость пришел в себя. Мистер Кабелл, мы ужасно извиняемся за этот несчастный случай в отеле. Но вы знаете, какие там скользкие полы. Вы чувствуете себя лучше?

Худощавый продолжал:

— Мы не скажем вам, почему мы привезли вас сюда. Мы лишь объясним вам некоторые факты. — Он сунул в рот сигарету. В его правой руке не было оружия. — Мы похитили вас, мистер Кабелл.

Ремо моргнул.

— И если бы мы убили вас, то могли бы отправиться на электрический стул. Но разве мы хотим убить вас?

Ремо оставался неподвижным.

— Нет, — ответил худощавый на свой вопрос. — Мы не хотим убивать вас. В этом нет необходимости. Мы хотим предложить вам две тысячи долларов.

Огонек сигареты осветил улыбающееся лицо худощавого.

— Вы возьмете их?

Ремо заговорил:

— Раз вы так настаиваете, я не против.

— Хорошо, — сказал художавый. — Мы хотим, чтобы вы вернулись в Лос-Анджелес, откуда и приехали.

Он поднял свою левую руку — в ней тоже не было оружия — и вытащил изо рта сигарету.

— Мы хотим, чтобы вы вернулись в Лос-Анджелес немедленно, — сказал он. Его голос вдруг стал резким. — Если вы не сделаете этого, мы убьем вас. Если вы расскажете об этом кому-либо, мы убьем вас. Если вы вернетесь сюда, мы убьем вас. Мы будем долго-долго наблюдать за вами, чтобы убедиться, что вы выполняете условия нашей сделки. Если вы не выполните их, мы убьем вас. Понятно?

Ремо пожал плечами. Он почувствовал, как дуло револьвера уперлось в его ребра. Он как бы случайно поднял локоть над револьвером.

— Все ясно и понятно, — сказал он, — за исключением одной вещи.

— Какой? — спросил художавый.

— Это я собираюсь убить вас всех.

Левый локоть Ремо опустил на запястье немецкого мясника, выбивая револьвер из руки. Его правая рука выстрелила вперед, нанося удар художавому между глазом и ухом.левой рукой он схватил револьвер и нанес рукояткой удар по носу мясника. Шофер повернулся как раз вовремя, чтобы получить удар ребром ладони в основание черепа. Его кости хрустнули, Ремо почувствовал это. Хруст был похож на треск деревянных досок в Фолкрафте.

Он мог слышать ворчание Чжиуна. Мягче и точнее, точнее, точнее. Ремо отпихнул мясника и нагнулся к переднему сиденью. Голова водителя свешивалась на руль, из его рта текла струйка крови. Он уже никогда не придет в себя. Ремо посмотрел на художавого. Может быть, удар не достиг цели? Он ощупал его висок, почувствовал расщепление кости и увидел вязкую жидкость, вытекавшую из его глаз. Черт возьми, художавый был тоже мертв. Он повернулся к мяснику, пытавшемуся вылезти из машины. Ремо схватил его за руку и подождал несколько секунд. Потом

вывернул руку за спину мясника и поднимал ее, пока не раздался первый болезненный стон.

— Фелтон, — прошептал Ремо в ухо, похожее на цветную капусту, с пучком волос, торчащих из него, — Фелтон. Ты когда-нибудь слышал о таком?

— О-о-о, — воскликнул мясник.

Ремо поднял руку выше.

— Да, да, да!

— Кто он?

— Я никогда не видел его. Он босс Скотти.

— Кто такой Скотти?

— Это тот парень, с которым вы разговаривали. Анджело Скоттичио.

— Худощавый?

— Да, да. Это он.

— Это Фелтон сказал ему приехать сюда? — спросил Ремо, продолжая выкручивать руку.

— Господи, — простонал мясник. — Да. Так сказал Скотти. Этот Фелтон сказал ему, что боится, что кто-нибудь попытается побеспокоить его дочь. Это та девушка, с которой вы были. Мы должны были следить за ней.

Рука мясника была поднята еще выше.

— А теперь ради своей жизни. Кто такой Максвелл?

— Что?

Рука поднялась выше, плечевые мышцы и сухожилия начали разрываться.

— Максвелл.

— Я не знаю его. Не знаю! Не знаю! Господи!

Раздался чудовищный треск. Рука мясника задралась выше головы, и он рухнул вперед. Ремо посмотрел на часы. Прошло сорок минут с тех пор, как он вышел из номера. Он не мог находиться далеко.

Он перебрался на заднее сидение, подхватил худощавого под мышки и перевалил назад. То же самое проделал с водителем. Сделать это было труднее, чем убить их. Он вытащил ключи из замка зажигания и вылез из машины. В багажнике машины, которая оказалась черным «кадиллаком», он нашел брезент, вытащил его, закрыл багажник, вернулся в машину и накинул его на два трупa, отвернув конец для еще одного. Убив лежащую без сознания мясника, сунул его под брезент и завел машину.

Ремо обнаружил, что находится на боковой улочке и быстро отыскал дорогу в город. Он припарковал машину на главной дороге. Полиции повезло этой ночью. Никто из них не остановил его машину. Ремо запер дверцы и сунул ключи в карман. Кто знает, что еще можно ими отпереть?

Глава 23

— Ты ублюдок, — закричала Синти, когда Ремо открыл дверь. — Ты вонючий грязный ублюдок!

Ее девичье лицо побагровело от гнева. Редкие волосы переплелись на голове, как прутья плетеной корзины. Она стояла, уперев руки в бедра, позади кровати, на которой стояли тарелки с мясом, салатом и картошкой. Зеркало трельяжа было испачкано пятнами от помады. Очевидно, она написала несколько посланий, стирая их, когда придумывала более подходящие слова, потом все же решила высказать их сама.

— Ты свинья. Ты оставил меня здесь и отправился пьянствовать.

Ремо не смог сдержаться. Его широкая улыбка сменилась громким смехом.

Студентка Бриарклиффа замахнулась правой рукой, целясь в смеющееся лицо Ремо. Прежде, чем Ремо смог остановиться, его левая рука поднялась навстречу удару, а правая метнулась вперед, к ее солнечному сплетению.

— Нет, — закричал он отчаянно, но отшатнувшись назад и опустив руку, он не смог предотвратить это. — Нет, — воскликнул он снова, когда Синти бросилась к нему, закатив глаза и открыв рот.

Она пошевелила губами, словно хотела что-то сказать, и опустилась на колени. Ремо схватил ее под руки и удержал. Он хотел отнести ее на кровать, но там не было места, и он опустил ее на пол. Удар прошел мимо ее ребер и солнечного сплетения, он только сбил дыхание. Ремо опустился на колени и приподнял ее голову. Он раздвинул пальцами ее губы и медленно вдохнул воздух ей в рот, нажимая на ее живот. Синти начала корчиться. Ремо поднял голову и прекратил делать искусственное дыхание. Его проклятые руки, проклятые рефлексy.

— Дорогая, ты в порядке? — тихо спросил он.

Она открыла глаза, прекрасные, голубые и ищущие. Пошевелив губами, она тяжело вздохнула. Синти подняла руки и обняла Ремо. Приподнимая голову, она привлекла его к себе. Ремо страстно поцеловал ее. Синти взяла его руку, положила себе на живот и направила к своим грудям. Когда Ремо мягко прикоснулся губами к ее уху, она застонала. Потом она прошептала:

— Милый, я хочу, чтобы ты был первым.

Ремо стал первым. В объятиях, слезах и столах, Ремо сделал это прямо на ковре.

— Я никогда не думала, что это будет так, — сказала Синти. Ее блузка лежала под ее головой, лифчик свешивался с кровати. Ремо лежал на своей рубашке, обнимая ее юное тело.

— Да, дорогая, — сказал Ремо. Он поцеловал ее розовые щеки, по которым текли слезы.

— Это было прекрасно, — всхлипнула она.

— Да, да, — согласился Ремо.

— Я никогда не думала, что это будет так. Ты воспользовался мной. — Синти вдохнула воздух трясущимися губами, готовая разрыдаться.

— Прости, дорогая. Я просто люблю тебя, — проговорил Ремо низким убедительным голосом.

— Тебе нужен был от меня лишь секс.

— Нет. Мне нужны ты. Мне нужна вся твоя метафизика и космология.

— Секс. Вот что тебе было нужно.

— Нет. Я хочу жениться на тебе.

— Тебе придется это сделать, — твердо сказала Синти.

— Я хочу этого.

— Я забеременею?

— А разве ты не знаешь? — недоверчиво спросил Ремо. — Я думал, что ты много знаешь о таких вещах.

— Нет, я ничего не знаю.

— Но наш разговор за завтраком?..

— Каждая ученица колледжа говорит так... — Ее тело вздрогнуло, верхняя губа затряслась, глаза закрылись, из них брызнули слезы, и Синти Фелтон, знаток секса, прошептала: — Я больше не девственница.

До самого рассвета Ремо говорил ей о том, как любит ее. До самого рассвета она требовала все больше и больше его заверений. Когда солнце поднялось, Ремо сказал:

— Хорошо. Этого достаточно.

Синти заморгала.

— Я устал, — проворчал Ремо. — Утром я куплю тебе обручальное кольцо. Ты оденешься и мы отправимся в Нью-Джерси, где я попрошу твоей руки. Сегодня.

Синти покачала головой. Ее спутанные волосы метнулись из стороны в сторону.

— Нет, я не могу.

— Почему?

— Мне нечего надеть. — Она опустила голову и посмотрела на ковер.

— Мне казалось, что тебя не беспокоит одежда.

— В колледже.

— Мы зайдем в любой магазин, который ты захочешь.

Юный философ задумалась на короткое время, как будто пересматривая свой взгляд на любовь и ее значение, а потом сказала:

— Давай сначала купим кольцо.

Глава 24

— Что ты имеешь в виду, говоря о трех тысячах долларов? — Голос Смита был резким и злым.

Ремо зажал телефонную трубку между подбородком и плечом, растирая замерзшие руки в телефонной будке на вокзале Пенсильвания в Нью-Йорке.

— Все верно, три куска. Мне они нужны на кольцо. Я в Нью-Йорке. Мы приехали сюда, потому что она настаивала на ювелирном магазине Тиффани.

— Она настаивала на магазине Тиффани?

— Да.

— Почему именно на нем?

— Потому, что она этого хотела.

— Три тысячи... — удивился Смит.

— Послушайте, — сказал Ремо, говоря тихо, чтобы его голос не был слышен за пределами телефонной будки. — Мы уже потратили три тысячи долларов и до сих пор не проникли в это здание. С таким кольцом я смогу вальсировать там, а вы зажали какие-то жалкие три тысячи?

— Три тысячи не жалкие. Одну секунду, я хочу проверить кое-что. Тиффани. Тиффани. Тиффани. Х-м-м. Да, мы можем.

— Что?

— Ты получишь чек на три тысячи.

— Почему не наличные?

— Ты хочешь купить кольцо сегодня?

— Да.

— Расплатись чеком. И помни, у тебя в запасе еще два дня.

Впервые Ремо ехал по мосту Джорджа Вашингтона в такси. Когда будучи совсем мальчишкой он жил в приюте Святой Марии в Неварке, у него никогда не было денег. Когда он стал полицейским, у него никогда не было желания. Но всего двадцать минут назад на Пятой Авеню в Нью-Йорке он остановил такси и произнес: «Восточный Гудзон, Нью-Джерси».

Синти не переставала разглядывать свое обручальное кольцо в два с половиной карата, то отведя руку в сторону, то приближая к своим глазам кольцо, которое убеждало ее в том, что она заполучила самое главное в жизни, — она заполучила своего мужчину.

Ее редкие волосы были собраны в узел на затылке, что делало ее похожей на скульптуру. Косметика скрывала следы бессонной ночи и делала ее более взрослой и зрелой. Ее губы были накрашены помадой модного оттенка. Кружевной ворот блузки окутывал ее грациозную шею. На ней был новый коричневый твидовый костюм. Ее ноги, красивые, когда были обнажены, стали только привлекательнее в нейлоновых чулках. В своем наряде с иголочки она была прекрасна.

Синти положила руку с кольцом на ладонь Ремо и нагнулась, шепча ему на ухо. Ноздри Ремо уловили изысканный аромат, когда Синти сказала:

— Я люблю тебя. Я потеряла свою невинность, но выиграла своего мужчину.

Потом она снова посмотрела на кольцо с алмазом. Ремо продолжал смотреть на мелькнувшие за окном опоры моста. Мрачные, зловещие облака без проблеска солнца нависли над Гудзоном.

— Если присмотреться, то в солнечные дни он виден отсюда, — сказала Синти.

— Кто?

— «Ламоника Тауэрс». В нем всего двенадцать этажей, но его можно иногда увидеть с моста. — Она со страстью сжала его руку.

— Милый?

— Да, — сказал Ремо.

— Почему твои руки такие грубые? На них мозоли. — Синти перевернула его ладонь. — И на костяшках пальцев тоже.

— Я не всегда был писателем. Мне приходилось работать руками. — Он быстро сменил тему разговора, но его мысли были далеко отсюда. Он думал о трех трупах, лежащих на заднем сиденье припаркованного «кадиллака». Это были люди Фелтона, и если Фелтон узнает, что они мертвы, он поймет, что это сделал Ремо. Ремо надеялся на то, что тела еще не найдены. Его мысли были прерваны восклицанием Синти.

— Разве он не прекрасен?

В полумиле впереди возвышалось двенадцатизэтажное белое здание «Ламоника Тауэрс».

Ремо хмыкнул. Прекрасно? Он работал меньше недели, а сделал уже достаточно ошибок, которые могли провалить всю операцию. Это прекрасное здание может стать его надгробием. Он убил троих. Торопливо и глупо. Убил, как ребенок, обрадовавшийся новой игрушке. Неожиданность, его главное оружие, была утрачена. После Мак Клири Фелтон должен был ожидать, что кто-то попытается выйти на него через его дочь. Он послал этих троих предотвратить эту возможность. И Ремо убил их. Даже если их тела еще не найдены, пропажа троих людей должна обеспокоить Фелтона.

Ремо нужно было взять деньги от этих троих и отправиться прямо в «Ламоника Тауэрс», не занимаясь любовью с Синти. Он мог спросить Фелтона об этой троице. Это послужило бы ему пропуском, и Фелтон не был бы готов к атаке.

Ремо посмотрел налево, на темный туман, окутывающий пристань Нью-Йорка. Фелтон уже, вероятно, готовится к защите. Стоит Ремо оставить дочь Фелтона хоть на минуту, чтобы купить сигарет в лавке, и Фелтон убьет его. Человек, который так защищает свою дочь, не задумываясь прикончит ее возлюбленного. Пока он с Синти, Ремо в безопасности.

— Я люблю тебя. — Ремо снова сжал ее нежную руку. Если он воспользуется Синти как щитом, пока не останется наедине с Фелтоном, у него есть шанс узнать о Максвелле.

— Милый, — Синти прервала его мысли.

— Да.

— Моя рука, ты раздавишь ее.

— О, прости, дорогая. — Ремо скрестил руки на груди, как это часто делал Чжиун. Он почувствовал, как на его губах появилась тонкая улыбка. В такой ситуации Чжиун сказал бы своим восточным певучим голосом: «Тупиковая ситуация — это ситуация ума. Из нее всегда есть выход для человека, который умеет думать».

Это выглядело глупо, когда Чжиун, сморщив свое лицо, повторял это снова и снова. Но сейчас это пригодилось. Если Фелтон не может убить его в присутствии Синти, Фелтон бессилен, и Ремо сможет действовать первым. И если будет невозможно заставить Фелтона одного без его подручных, защищающих его, они всегда смогут побеседовать, как сын с отцом в присутствии Синти. Ремо сможет сделать это вне «Тауэrsa», где раздвигались стены, и где никто не мог быть уверенным, что находится один в комнате. А Синти сможет помочь ему назначить встречу с Фелтоном без слуг и телохранителей. Ремо мог предложить отобедать в ресторане. Синти дико любила поесть. Конечно, как свидетельницу, ее придется убрать. «Кью» не нужны были свидетели.

Неожиданно Ремо заметил, что Синти внимательно смотрит на него, как будто чувствуя что-то. Затаив дыхание, он приготовился ответить на вопрос, который мог бы разрушить все. Чжиун однажды сказал: «Женщины и коровы чувствуют приближающийся дождь и опасность».

— Ты выглядишь так странно, милый, — сказала Синти. Ее голос был прохладным. Голова была наклонена, словно она увидела что-то новое в старой картине.

— Наверное, я нервничаю перед встречей с твоим отцом, — сказал Ремо, обняв ее за плечи и глядя в голубые

глаза. Он поцеловал ее и прошептал: — Но как бы она ни прошла, я люблю тебя.

— Не будь глупым, — сказала Синти. — Папа сразу полюбит тебя. Ему придется это сделать, когда он увидит, как я счастлива. Я чувствую себя прекрасно и хочу любить. Я никогда не думала, что буду чувствовать такое.

Синти вытерла следы помады с его губ, когда такси остановилось около «Ламоника Тауэрс».

— Ну что ж, дорогая, давай встретимся с твоим отцом, — сказал Ремо.

— Ты полюбишь папу, — сказала Синти. — Он все понимает. Когда я позвонила ему из Филадельфии и сказала, что он скоро встретится со своим будущим зятем, он остался очень доволен. «Привози его быстрее, — сказал он. — Я очень хочу встретиться с ним».

— Неужели он так сказал?

— В точности. — Синти изобразила лицо своего отца. — «Я очень хочу встретиться с ним».

Предостерегающий звонок прозвенел в сознании Ремо. Фелтон уж очень ждал этой встречи.

Они вылезли из такси и Ремо повел Синти ко входу.

Швейцар не узнал ее и был удивлен, когда она сказала:

— Привет, Чарли.

Он моргнул и сказал:

— О, мисс Синти. Я думал, что вы все еще в школе.

— Уже нет, — ответила Синти довольным голосом. Вестибюль был просторным и ошеломляющим, со светлым современным дизайном.

— Нет, не на этом лифте, — сказала Синти. — У нас есть специальный. Он там.

— О, я должен был догадаться, — сказал Ремо.

— Ты не думал, что у нас так много денег, и ты сошел с ума потому, что неожиданно узнал о том, что я чертовски

богата.

— Почему я должен сходить с ума от этого?

— Потому что это компрометирует тебя, делает из тебя такого охотника за счастьем.

Ремо устраивало ее объяснение.

— Хорошо... — сказал он.

— Давай не будем обсуждать это, — предложила Синти, доставая из сумочки ключи. Как многие женщины, она любила все оспаривать, но не любила проигрывать.

Порывшись в сумочке, она наконец достала специальный ключ на серебряной цепочке. Ключ оканчивался круглым стержнем, который она вставила в отверстие рядом с полированными стальными дверями лифта. Ремо видел такой ключ раньше. Он был в связке ключей, которую Ремо вытащил из замка зажигания «кадиллака» с тремя трупами.

Синти повернула ключ вправо секунд на десять, потом влево на то же время и вытащила. Дверь лифта открылась так, как Ремо никогда не видел. Она не выскользнула в сторону, а поднялась вверх.

— Не правда ли, необычный лифт? — спросила она.

— Возможно, — согласился Ремо.

— Папа установил множество причудливых предосторожностей, которые предотвратят появление нежелательных людей в здании и тем более в его апартаментах. Если он не ждет тебя, то тебе придется воспользоваться ключом. Этот лифт поднимается только на наш этаж. Используя его, нам не придется ждать в приемной.

— Приемной? — спросил Ремо.

— Да. Это специальная комната, где Джимми, дворецкий, осматривает людей через одностороннее зеркало. Я наблюдала за ним однажды, когда была маленькой.

— Не думай, пожалуйста, что мой папа чудаков. У него были тяжелые времена после смерти матери.

— Что случилось?

— Мама, — сказала Синти, — ушла с другим человеком. Мне было восемь лет. Мы никогда не были близки, ма и я. Ее больше волновала ее внешность, чем действия. Однажды папа застал ее с другим мужчиной. Я была тогда в гостиной. Он сказал им убираться, и они ушли. Больше я никогда их не видела. С тех пор он изменился. В этом, я думаю, и есть причина его предосторожностей.

— Ты хочешь сказать, что он стал таким после этого?

Синти молчала некоторое время.

— Нет, не совсем. Все это существовало столько, сколько я себя помню. Он всегда был таким чувствительным, и это лишь усугубило. Не думай плохо о нем, я люблю его.

— Я чувствую к нему огромное уважение, — сказал Ремо; вслед за этим он как бы случайно сказал тем же тоном: — Максвелл.

— Что? — Синти недоумевала.

— Мне показалось, что ты сказала «Максвелл», — сказал Ремо. — Ты не говорила этого?

— Нет. Я думала, что ты сказал это.

— Сказал что? — спросил Ремо.

— Максвелл.

— Я никогда не слышал ни о каком Максвелле, а ты?

Синти покачала головой и улыбнулась.

— Это все кофе и машина. Я не знаю, как мы докатились до такого.

— Я тоже, — сказал Ремо, пожимая плечами. Ход сработал, но он ничего не принес.

В классах Фолкрафта инструктор научил его как бы невзначай произносить имя или ключевое слово в конце какой-нибудь безобидной фразы. Ремо тогда сказал инструктору, что это глупейшая вещь, о которой он когда-либо слышал от него. Инструктор ответил, что Ремо стоит попробовать это случайно, словно спрашивая спички, и

посмотреть на результат. «Смотри при этом в глаза собеседнику», — учил инструктор.

Ремо смотрел в глаза Синти, но они оставались голубыми, чистыми, красивыми и простодушными.

Двери лифта снова открылись вверх. Синти пожала плечами, словно говоря: «Ну что поделаешь с папой?», и вошла в большую библиотеку, отделанную великолепным дубом, с видом на Нью-Йорк из большого обзорного окна, возле которого стояла пальма в кадучке.

— Вот, — сияла Синти. — Разве это не прекрасно?

Ремо осмотрел стены, ища глазами трещины, изменение оттенка краски, неровно стоящие книги, любые намеки на открывающиеся стены. Ничего.

— Да, — сказал он. — Очень красиво.

— Папа, — закричала она, — я уже дома, и он со мной.

Ремо вышел на середину комнаты, держась на дистанции от трех стен. Он вдруг пожалел, что при нем не было револьвера. Дверь лифта медленно опустилась. Она слилась с совершенно белой стеной, единственной, вдоль которой не стояли книжные полки. Если бы он не знал, где лифт, то никогда бы не догадался. Мак Клири говорил об открывающихся стенах. Рядом с невидимой дверью лифта была настоящая дверь, которая, вероятно, вела к главному лифту. Она была расположена так, что человек мог спрятаться за нею от того, кто бы вышел из невидимого лифта.

Значит, стены действительно двигались.

— Мы в библиотеке, папа. Мы поднялись на специальном лифте, — крикнула Синти.

— Добро пожаловать, дорогая, — раздался тяжелый голос.

Фелтон вошел в комнату через обычную дверь. Ремо смерил его взглядом. Среднего роста, но очень крепкий, и с массивной шеей. На нем был серый костюм, одна его рука была сунута за полу пиджака. Возможно, это был лучший

способ скрыть наплечную кобуру из тех, что Ремо видел. Рука чуть оттопыривала пиджак, что скрывало выпуклость от кобуры, висевшей слева подмышкой.

Ремо так внимательно разглядывал пистолет, которого не видел, что рот Фелтона открылся от изумления.

— Что? — крикнул Фелтон.

Удивленный, Ремо быстро повернулся, встав в защитную позу на пятки ног. Но Фелтон кричал не на Ремо. Он кричал на Синти, его массивная шея покраснела.

— Что ты сделала с собой? Что ты сделала?

— Но, папа, — поморщилась Синти, обнимая широкие плечи отца, — так я выгляжу красивее.

— Ты выглядишь, как проститутка! Ты красивее без губной помады.

— Я не выгляжу, как проститутка. Я знаю, как они выглядят.

— Что ты знаешь? — взорвался Фелтон. Он поднял руку.

Синти закрыла лицо руками. Ремо отбросил мысль о вмешательстве. Он просто наблюдал, оценивая Фелтона. Это был отличный момент для проверки движений противника и для поиска уязвимых мест, которые были у всех людей, и даже у самых опытных. У Фелтона оно тоже было. Прежде, чем он повысил голос во второй раз, его правая рука нервно дернулась к затылку, чтобы загладить невидимый хохолок. Может, это просто было нервное движение, но оно разоблачало тайну.

Фелтон опустил руку.

— Я не собирался бить тебя, дорогая, — сказал он умоляющим голосом.

Синти задрожала еще больше, и Ремо понял, что она прикидывалась; она знала своего отца и не собиралась спускать его с крючка, пока не добьется, чего хочет.

— Я не собирался бить тебя, — снова сказал Фелтон. — Я никогда не бил тебя с тех пор, когда тебе исполнилось

восемь лет, и ты убежала из дому.

— Ну давай, ударь меня. Ударь меня, если тебе станет от этого легче. Ударь свою собственную дочь.

— Дорогая, я не хотел этого.

Она выпрямилась и опустила руки к бедрам.

— Ты устраиваешь сцену перед моим женихом, когда ты впервые видишь его. Что он может подумать о нас?

— Я прошу прощения, — сказал Фелтон. Он повернулся к Ремо с ненавистью в глазах — ненавистью человека, который не только не боялся врага, но мог даже извиниться перед ним. Ремо было достаточно одного взгляда, чтобы понять, что тела в «кадиллаке» найдены. Фелтон все знал.

— Я так рад увидеть вас, — сказал Фелтон голосом, скрывающим ненависть. — Моя дочь сказала мне, что вас зовут Ремо Кабелл.

— Это так, сэр. Рад встрече с вами. Я много слышал о вас. — Ремо не двинулся с места, чтобы пожать руку.

— Да, я догадываюсь об этом, — сказал Фелтон. — Вы извините мне эту сцену, но я питаю отвращение к губной помаде. — В тоне голоса Фелтона чувствовалось непреодолимое желание закричать.

— Ремо это нравится, папа.

— Я уверен, что мистеру Кабеллу это безразлично, и он присутствовал бы здесь независимо от того, есть на твоём лице косметика или нет. Я уверен, что ты нравишься ему больше без косметики, не правда ли, мистер Кабелл?

Ремо очень хотелось возразить и потребовать больше губной помады, больше туши и больше теней вокруг глаз. Но он поборол свое желание.

— Я думаю, что Синти красивая и с косметикой, и без нее.

Синти вспыхнула. Она сияла и торжествовала, как всякая женщина, услышавшая комплимент.

— Я с удовольствием сотру помаду, папа, если ты снимешь это.

Фелтон опустил взгляд. Он попятился, и как невинный ягненок спросил:

— Что?

— Ты снова это носишь.

— Пожалуйста, дорогая...

— Нет необходимости носить это дома. — Она посмотрела на Ремо, на ее красивой и гладкой шее отражался свет, падающий с потолка. — Он носит его... я ненавижу об этом говорить... потому, что прочитался этих дрянных и таинственных книжек. — Она снова повернулась к отцу.

— Я не носил его десять лет, дорогая.

— А сейчас ты, должно быть, опять прочел одну из этих книг, которые тебя так интересовали. Я думала, что ты переменял свой вкус в литературе. — Синти говорила с притворным гневом и с теплом, когда сунула руку за полу пиджака отца и достала револьвер, который она держала в руке, как вонючую задавленную мышь.

— Я отдам его Джимми и заставлю спрятать пистолет так, чтобы ты его не нашел, — произнесла она властно.

Синти прошла мимо отца к двери, когда Ремо сказал:

— Не уходи сейчас.

Но она ушла, и Ремо остался наедине с Фелтоном, который теперь оставался безоружным, но который мог получить поддержку из-за какой-нибудь открывающейся стены.

Ремо почувствовал вечерний прохладный воздух, дующий из окна в его спину. Он вежливо улыбнулся Фелтону, который теперь мог убить его, пока не видит Синти. Фелтон грубо кивнул. Он начал было говорить, когда из-за стены раздался звонкий голос Синти:

— Дядя Марвин? Дядя Марвин, что вы здесь делаете?

— Я просто собираюсь сказать кое-что твоему отцу. Сказать ему кое-что и уйти.

Фелтон сел на полированный дубовый стол, опершись о него своими сильными руками, и посмотрел на Ремо.

— Это Марвин Мошер, не настоящий ее дядя, но он работает на меня. Он близок Синти. — Тон Фелтона был почти конспиративным.

— А чем вы занимаетесь? — спросил Ремо.

— У меня много интересов. Думаю, что у вас тоже. — Фелтон не отвел взгляда от Ремо, когда толстый и грузный мужчина вошел в комнату.

— Новый наемный? — спросил Мошер.

Фелтон покачал головой, не отводя взгляда.

— Я думаю, мы можем свободно разговаривать при этом молодом человеке. Он очень заинтересован в нашем бизнесе. Ему, наверное, хочется узнать о наших операциях в Джерси. — Фелтон пригладил несуществующий хохолок.

«Это знак», — подумал Ремо.

— Вы хотите об этом узнать? — спросил Фелтон.

— Не сейчас, — ответил Ремо. — Нам всем скоро предстоит обед. Так запланировала Синти.

— Вы вернетесь через полчаса.

Мошер согласился.

— Полчаса так полчаса, — сказал он, пожав плечами, голосом, говорившим о том, что полчаса будет вполне достаточно. — Полчаса, — повторил он.

— Мне бы хотелось сначала пообедать, — сказал Ремо.

Фелтон продолжал смотреть на Ремо своим тяжелым взглядом.

— Мистер Мошер был в отпуске. Он только что вернулся из санатория Фолкрафт в Ри, штат Нью-Йорк.

Никаких движений. Контролируй дыхание. Абсолютное спокойствие. Не выдавай эмоций. Ремо поискал глазами

место, куда сесть. Он выбрал один из стульев возле Фелтона.

— О, — произнес Ремо, — это дом отдыха или что-то в этом роде?

— Нет, — ответил Мошер.

— А что? — спросил Ремо.

— Я думаю, это то, что я думал, — сказал Мошер, и Фелтон кивнул.

— А что вы думали? — поинтересовался Ремо.

— Санаторий, — сказал Мошер. — И там я обнаружил некоторые интересные вещи.

Ремо поднялся со стула.

— Хорошо, — сказал он. — Может быть, мне лучше поинтересоваться вашими операциями в Джерси, мистер Фелтон. За обедом мы поговорим и об этом санатории.

Фелтон сказал Мошеру:

— Я не могу идти прямо сейчас, Марвин. Возьми его с собой. Я послушаю позже о твоём замечательном отдыхе в Фолкрафте.

Правая рука Фелтона потянулась под стол и нажала потайную кнопку.

Невидимая дверь лифта поднялась.

Фелтон быстро крикнул:

— Рад видеть тебя, Джеймс. А мы все думали, когда ты вернешься из лавки. — Это был сигнал для человека в униформе дворецкого, вышедшего из секретного лифта. Он слушал разговор Фелтона, Ремо и Мошера, дожидаясь сигнала. Дворецкий сказал:

— Я уже здесь, сэр, — и прошёл в другой конец комнаты, пытаясь выглядеть занятым.

— Марв. Возьми с собой мистера Кабелла. На этом лифте вы опуститесь прямо в подземный гараж.

Когда Ремо двинулся к лифту вместе с Мошером, он смерил взглядом прошедшего мимо чернокожего дворецкого.

Тот был высоким и крепким, у него тоже был пистолет, спрятанный за поясом.

Ремо был рад зайти в лифт первым. Он мог прислониться спиной к стене, которая, как он надеялся, не двигалась.

На главной панели было всего три кнопки: РН — означавшая главные апартаменты, М — очевидно, главный этаж и В — очевидно, подземные апартаменты, а может, последняя кнопка означала особые апартаменты для таких людей, как Ремо?

Мошер кивнул Фелтону, и дверь лифта опустилась. Мошер был на 10 сантиметров короче Ремо, складки его шеи свисали на воротник пышного, блестящего, коричневого костюма.

Он нажал своим пухлым пальцем на кнопку, обозначенную буквой В, и обернулся.

— Машина стоит в специальном подземном гараже, — сказал он.

— Что это за машина? — спросил Ремо. — Максвелл?

Толстяк протянул руку к отвороту пиджака, самым глупым образом выдавая себя. Ремо видел, как напряглась его толстая шея при упоминании Максвелла.

Мошер медленно обернулся, убирая руку от груди. Рука была пустой. Его пухлые губы растянулись в улыбке. — Нет, — сказал он спокойно, — «кадиллак».

Ремо кивнул.

— Отличная машина. Я ездил в такой прошлой ночью.

Толстяк кивнул, но ничего не сказал. В нем был виден характер человека, которому убить проще, чем прочитать книгу. Его можно было использовать демонстрационной моделью. Он избегал взгляда жертвы, нервно шаркал ногами и с трудом поддерживал разговор. Ремо знал, что должно произойти. Он вытащит револьвер, прицелится и молча выстрелит. Это произойдет скоро. Об этом говорили сверкающие капли пота на лбу Мошера.

И Ремо должен был оставаться с ним, по крайней мере, пока они не выйдут из этого проклятого лифта, в котором мог стоять микрофон или встроенная телевизионная камера, или к которому мог быть подведен ядовитый газ. Он должен пойти с Мошером, пока они не останутся одни, только тогда он попытается узнать что-нибудь о Максвелле.

Ремо смерил Мошера взглядом. «С этой жирной курицей, — подумал он, — справиться просто».

Двери лифта открылись, они оказались в подземном гараже. В нем не было окон, и слабый свет едва освещал серо-перламутровый «роллс-ройс» и черный «кадиллак». Когда глаза Ремо привыкли к полумраку, было слишком поздно, и Ремо понял, что совершил кардинальную ошибку. Он забыл главное правило, которое вбивали в его голову в Фолкрафте: не быть самоуверенным. Нельзя думать о том, что ты неуязвим, что тебя нельзя победить.

Сожаления теперь были бесполезны, когда он увидел пистолет с глушителем в пухлых пальцах Мошера. Карие глаза Мошера смотрели прямо на него, и он не шаркал больше ногами. Его вытянутая рука была тверда. Мошер выбрал правильную дистанцию. Четыре метра — достаточно близко для точного выстрела и довольно далеко для броска.

Ремо уже казалось, что он видит вспышку.

Единственная картина, которая встала сейчас перед его глазами, — это Чжиун, делающий невероятные прыжки и трюки, чтобы избежать смертельного роя пуль, которые выстреливал в него Ремо в гимнастическом зале. Они обсуждали эту технику, но тренировки Ремо были слишком короткими, чтобы дать ему мастерство.

Мошер заговорил:

— О'кей, приятель. Откуда ты? Кто тебя послал?

Ремо мог выдумать ответ, мог выпалить резкое замечание. Он мог бы сделать это и умереть. Но тяжелый и влажный воздух, казалось, заморозил его легкие, его руки словно онемели, а глаза задернулись пеленой, когда он

решил действовать по учебнику. Действовать так, как его учили.

— Зачем этот пистолет? — спросил он удивленно. Он медленно продвинулся вперед на полшага, в то время, как подняв руки к голове, скрывал движение ног.

— Я расскажу об этом мистеру Фелтону, — сказал Ремо, по-прежнему изображая страх. Он снова взмахнул руками над головой, сделав на этот раз полный шаг.

— Еще шаг, и ты умрешь, — проговорил Мошер. Его пистолет не колебался.

— Я пришел от Максвелла, — сказал Ремо.

— Кто этот Максвелл? — улыбнулся Мошер.

— Убей меня и никогда не узнаешь об этом. До тех пор, пока он сам не придет за тобой.

Это был блеф, и Мошер не купился на него. Ремо видел, как сузились карие глаза, и он знал, что выстрел скоро прозвучит. Сейчас. Он быстро умрет.

Раздался тихий хлопок и коренастое тело Ремо рухнуло на пол. Тело лежало неподвижно и Мошер, не совсем уверенный, что Ремо начал падать не до выстрела, подошел ближе, чтобы направить второй выстрел в голову. Он сделал два твердых шага вперед, медленно поднял пистолет и прицелился в левое ухо Ремо. Затем он сделал еще шаг вперед.

Он нажал на курок, но уха уже не было на прежнем месте. Только что тело лежало неподвижно, а в следующий миг оно оказалось в воздухе. Нога Ремо отбила в сторону руку Мошера. Он успел выстрелить еще дважды, но пули лишь осыпали крошки цемента с потолка.

Ремо прыгнул за спину Мошера, обхватив левой рукой толстую шею. Его правая рука сдавливала правую руку противника до тех пор, пока тот не выронил оружие.

Ремо сильно сдавил горло Мошера и прошептал в его ухо:

— Максвелл. Кто такой Максвелл?

Толстяк выругался. Он пытался высвободить свою шею. Ремо удивлялся тому, как это было легко. Когда он был полицейским, ему никогда не удавался такой прочный захват. Но полицейских никогда не обучали правильным действиям за шестинедельный тренировочный курс.

— Максвелл. Где он?

— А-а-а-а-а.

Толстяк продолжал бороться. Ремо усиливал давление левой руки, пока не раздался треск. Позвоночник был сломан. Тело Мошера замерло. Ремо нанес окончательный удар. Голова Мошера беспомощно мотнулась в сторону. Мошер больше ничего не мог сказать. Ремо выпрямился и отпустил тело. Смерть его самого была так близка. Его могла убить его самоуверенность.

Толстые губы Мошаре раскрылись, когда струйка крови потекла по левой щеке. Его распахнутые карие глаза были безжизненны, их заволокла пелена смерти.

Его нельзя оставлять здесь. Ремо осмотрелся и увидел лишь машины, в которых можно было спрятать тело. Нельзя. Как потом объяснить мертвое тело дяди Марвина, если они с Синти поедут в ресторан именно в этой машине. Он заметил дверь в углу гаража и направился к ней. За ней стояла большая стиральная машина, очевидно, предназначенная для обслуживания апартаментов «Ламоника Тауэрс». Ремо посмотрел на сушилку, которая стояла рядом со стиральной машиной. Безжалостная улыбка искривила его губы.

Он протаскил тяжелое тело Мошера по цементному полу гаража и одной рукой распахнул дверь. Тело было большим, но отверстие для белья оказалось около семидесяти сантиметров в диаметре, достаточно широким даже для его грузного тела. Ремо сунул голову и плечи Мошера в это отверстие, а потом запихнул и все остальное. Используя ногти, он вскрыл артерию на шее Мошера, потом вытер руку о его брюки. Закрыв круглую стеклянную дверцу, Ремо искал пусковую кнопку.

— Этот Фелтон — жадный ублюдок, — пробормотал он. — В машину надо опускать монету. И это для людей,

которые живут в его здании.

Он сунул руку в карман, но потом послал все к черту. Он не собирался тратить свои собственные деньги на прачечную Фелтона. Ремо снова открыл дверцу машины и сунул руку в карман брюк Мошера. Он вытащил оттуда всю мелочь. Хорошо. Монет было достаточно. Ремо закрыл дверцу и сунул в щель шесть монет. Машина загудела и барабан начал вращаться. Ремо сунул в карман оставшиеся монеты и стал наблюдать за вихрем из одежды и плоти. Розовая пленка заволокла круглое окошечко. Это была кровь. Центробежная сила вращающегося цилиндра вытянет всю кровь из Мошера через вскрытую артерию. Жар высушит его, и за шестьдесят центов Мошер превратится в мумию.

Насвистывая, Ремо вернулся к лифту. — А теперь обратно, на двенадцатый этаж.

Глава 25

На двери частного лифта был тот же замок. Ремо сунул руку в карман за ключами, которые он вытащил из замка зажигания «кадиллака». Он обернулся назад на гараж и увидел пистолет.

Ремо подошел к тому месту, где опустил Мошера на цементный пол и поднял черный пистолет. Нужен ли он ему? Фелтон не будет иметь сомнений на тот счет, что случилось с Мошером, Теперь нет надобности в этом пистолете. Ремо сжал тяжелую рукоятку пистолета вспотевшей ладонью. Мак Клири всегда говорил: «Не слушай то, что Чжиун говорит тебе об оружии. Оно незаменимо. Носи его и используй».

Но Чжиун, когда Ремо наконец решился сказать ему об этом, продемонстрировал свое превосходство над огнестрельным оружием. Ремо заглянул в черное дуло. Чжиуну было почти семьдесят лет, он был много опытнее Мак Клири. Ремо забросил пистолет в темный угол. Оружие действительно чаще всего бесполезно.

Ключ вправо, потом влево. Ремо нажал кнопку РН. Поднимаясь на лифте, он разгладил свой костюм, поправил галстук, и, глядя в отражение на отполированной стальной панели с тремя кнопками, причесался.

Лифт остановился, но дверь не поднялась, «Конечно, — подумал Ремо, — должна быть еще одна кнопка, чтобы открыть дверь». Он не заметил того, что делала для этого Синти.

Он снова осмотрел панель. Три кнопки. Ничего больше. Его глаза осмотрели дверь, металлическую дверь. Ничего. Снова панель. Он собирался надавить на дверь, чтобы посмотреть, не откроется ли она от этого, когда услышал голоса. Лифт был сконструирован так, что человек, стоящий в нем на уровне двенадцатого этажа, мог слышать все, что происходит в библиотеке. Это был голос Синти. Она протестовала.

— Он совсем не такой. Он любит меня.

Голос Фелтона:

— Тогда почему он взял тысячу долларов, которые я предложил ему?

— Я не знаю. Я не знаю, что ты сказал ему. Может, ты угрожал.

— Не говори глупостей, моя дорогая. Он взял деньги потому, что я сказал, что он ничего не получит, если женится на тебе. Ему нужны были только твои деньги, дорогая. Я защищаю тебя. Ты можешь себе представить, что произойдет, если ты выйдешь за него замуж, а потом узнаешь, кто он на самом деле? Когда он взял деньги, я велел Марвину проводить его до автобуса.

— Меня это не волнует. Я люблю его. — Синти рыдала.

Ремо не хотела обвинять Фелтона во лжи в присутствии Синти. Для этого будет достаточно времени потом. Он достал бумажник и пересчитал деньги. Всего у него осталось тысяча двести долларов. У Смита будет сердечный приступ.

Он отсчитал тысячу долларов и положил бумажник на место. После этого нажал на дверь. Как он и предполагал, она скользнула вверх. Фелтон выглядел так, как будто только что получил удар в живот; Синти — словно избежала электрического стула.

Ремо кинул тысячу долларов на ковер, и едва сдерживая смех, величественно объявил:

— Я люблю Синти, а не ваши грязные деньги.

— Ремо, дорогой, — плачущая Синти бросилась к нему. Она обвила руками его шею и страстно целовала в щеки и губы. Ремо смотрел на Фелтона сквозь этот напор.

Фелтон был явно потрясен. Он посмотрел на Ремо и едва выдавил из себя:

— Мошер? Где Мошер?

— Он собирался проводить меня до автобуса. Потом он сам решил уехать. — Ремо улыбнулся и эта улыбка была немедленно осыпана поцелуями ищущих губ.

Самообладание вернулось к Фелтону за обедом. Они ели при свечах. Джеймс, дворецкий, прислуживал. Фелтон сказал, что прислуга уже отпущена и ему пришлось самому готовить мясо. Ремо пожаловался на слабый желудок и ничего не ел. Предварительные переговоры были завершены, это знали оба. Каждый из них знал, что настало время раскрывать карты. Обед служил кратковременным перемирием перед битвой, и Фелтон играл роль горделивого отца.

— Синти, вероятно, сказала вам, что мы очень богаты, — сказал он Ремо. — Она рассказывала вам, как я сделал свой капитал?

— Нет, не рассказывала. Мне было бы интересно это узнать.

— Я мусорщик.

Ремо вежливо улыбнулся. Синти пробормотала:

— Ну, папа.

— Это правда, моя дорогая. Каждый наш цент сделан из мусора. — Американцы, мистер Кабелл, самые плодотворные в мире производители мусора. Они ежегодно выбрасывают миллионы долларов в виде еще хороших и пригодных для использования товаров, потому что покупка новых вещей их настоящая физиологическая потребность.

— Как для маньяка-убийцы потребность убивать, — помог найти сравнение Ремо.

Фелтон проигнорировал это вмешательство.

— Впервые я заметил это во время войны. Американцы, даже испытывая острую необходимость в чем-то, выбрасывали много продуктов, у которых еще не истек срок годности. Я начал превращать это в капитал. Я экономил каждый доллар, на который потом покупал мусор. Вы когда-нибудь покупали что-нибудь на мусорной свалке, мистер Кабелл? Это удивительно. На ней могут быть сотни нужных вам вещей, но никто не знает, где их найти. Я решил ввести некоторый порядок в мусорный бизнес. Я нанял специалистов для проведения операций. Они всюду скупали старые стиральные машины и машины для сушки белья. Отличные

стиральные машины могли быть куплены, как мусор, за пять долларов. Потом мы приводили их в порядок, делая опять новыми. Но вместо перепродажи частным покупателям, мы заставляли их работать на нас. В сороковые годы я открыл более семидесяти пяти автоматических прачечных на территории города, и все они были снабжены выброшенными на свалку стиральными машинами. Так как я не вкладывал много денег в оборудование, это приносило большую прибыль.

Фелтон улыбнулся.

— Может быть, это прозвучит грубо для вас, мистер Кабелл. Но наш мир порочный и жестокий.

— Я уже заметил это, — сказал Ремо.

Фелтон продолжал:

— Скупая выброшенные на свалку автомобили, я тоже внес некоторый вклад в нашу экономику. Может быть, это глупое заявление, но каждый человек думает о том, что делает, как о самом важном деле на свете.

Автомобильная свалка в Джерси, это самая большая свалка в мире. Она также, благодаря мне, самая организованная. Мы ездили на выброшенных на свалку автомобилях, которые мы скупали всего за несколько долларов. Многие из них были полностью разбиты в дорожных катастрофах, но это удивительно, как много остается даже в таком хламе. Автомобиль проходит этап за этапом. Пригодные детали снимаются; стекла вынимаются; сиденья снимаются; то же происходит с дверями, рулями, фарами и другими деталями. Каждая деталь аккуратно хранится, и я могу заключить пари, что если вы приедете на эту свалку и спросите заднюю дверь или крышку багажника от Плимута 1939.года выпуска, то мои ребята предоставят вам их через пять минут. Конечно, за подобные услуги мы берем больше изначальной цены.

Ремо кивнул и улыбнулся.

— А у вас есть что-нибудь для моего «Максвелла» 1934 года?

Прежде чем Фелтон смог что-нибудь ответить, Синти сказала:

— Опять ты с этим глупым Максвеллом.

Фелтон холодно посмотрел на Синти. Ремо он сказал:

— Я не знаю, есть ли у нас какие-нибудь запчасти к вашему Максвеллу. Может, поедem туда вместе и посмотрим?

Ремо с готовностью согласился, несмотря на заявление Синти, что они должны провести эту первую ночь знакомства все вместе.

— Нет, дорогая, — сказал Фелтон. — Это хорошая возможность для меня и мистера Кабелла переговорить с глазу на глаз.

Фелтон опустил вилку, когда Ремо сказал:

— Он, прав, дорогая, мы должны поговорить. Может быть, после этого разговора мы станем друзьями и я позволю ему называть меня Ремо.

Ремо улыбнулся, как примерный зять, и Фелтон, который поражался аппетиту Синти, решил, что слишком наелся для десерта. Джимми, дворецкий, грубо сказал:

— Могу я убрать тарелки?

Он наблюдал за Ремо на протяжении всего обеда, ненавидя его за убийство Скоттичио и Мошера, и однажды Ремо даже показалось, что он видел слезы в уголках глаз Джимми.

— Жизнь жестокая штука, — прошептал он дворецкому, но не получил ответа.

— Что-то мне не очень хочется десерта, — снова повторил Фелтон.

Синти бросила ложку. Ее красивое лицо исказилось от гнева.

— Зато я хочу, черт возьми.

— Но, дорогая, — сказал Ремо.

— Заткнись, дорогой, — сказала студентка Бриарклиффа.

Фелтон заморгал.

— Как ты разговариваешь!

— Как надо, черт возьми. Вы не оставите меня здесь.

Ремо нагнулся к столу, играя тарелкой с нетронутой едой. Синти настоит на своем. Отлично. Ему нужен щит. Пока она с ним, Фелтон ничего не сделает. Он посмотрел на коренастую фигуру дворецкого. Тогда, может, сделает этот?

Синти добилаь своего. Вчетвером они молча спустились на лифте в гараж, где залезли в «роллс-ройс». Ремо прислушался, но не услышал гудения машины для сушки белья. «Шестьдесят центов в наши дни мало что значат», — подумал он. Джимми вел машину, Фелтон сидел рядом с ним, Синти прильнула к Ремо на заднем сиденье. Прежде, чем залезть в машину, Фелтон заглянул сквозь стекло черного «кадиллака», ища Мошера.

Синти, играючи, целовала Ремо. Ремо мог видеть, как Фелтон наблюдал за ними в зеркало заднего вида, его бровь дергалась каждый раз, когда губы Синти прикасались к щекам Ремо.

— Знаешь, — прошептала она, — я никогда не видела свалку Джерси. Мне это тоже интересно. Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, — сказал Ремо, глядя на затылок ее отца. Он мог сейчас убить их обоих. Легко. Но Максвелл. Они должны привести его к Максвеллу.

Машина мчалась по бульвару Кеннеди, главной дороге города. Они ехали мимо трущоб, мимо низких двухэтажных домов, мимо потока машин, на площадь Джориал, центр Джерси. На Авеню Каммунипау машина свернула направо. Темных домов и машин стало больше. Потом «роллс-ройс» свернул налево, на 440-й маршрут.

— Мы почти приехали, — проговорил Фелтон.

Глава 26

Машина ехала по 440-му маршруту, обочины были пусты. Еще поворот направо, и машина поехала по песчаной темной дороге. Потом она остановилась перед рифлеными стальными воротами. Фары осветили треугольную желтую табличку с надписью: «Защищено Сыскным Агентством».

Фары погасли. Ремо слышал трескотню сверчков.

— Вот мы и приехали, — сказал Фелтон.

Ремо произнес молчаливую молитву одному из тысячи богов Чжиуна: «Вишну, защити меня».

Он открыл дверь и вылез на твердый песчаный грунт. Под ногами раздался хруст. С расположенной поблизости реки дул промозглый ветер. Ночные звезды были скрыты облаками, он уловил в воздухе слабый запах жареных кофейных зерен. Ремо потер руки. Позади он услышал, как Фелтон предупредил свою дочь о том, что вокруг полно крыс. Хочет она выйти? Нет, решила она. Она останется в машине.

— Закрой окна, — предложил он.

Двери машины открылись и снова закрылись.

— Идем, — сказал Ремо, направляясь к воротам. Дворецкий согласно хмыкнул. Ремо знал, что оба они вооружены.

— Да, — повторил Ремо. — Идем.

Фелтон отпер ворота и открыл их. Металлические петли заскрипели. Ремо попытался замешкаться, чтобы войти последним, но они ждали.

— После вас, — сказал Фелтон.

— Спасибо, — ответил Ремо.

Они шли по песчаной дороге, Фелтон впереди, Джимми позади, Ремо в центре. Фелтон объяснял механизм обработки машин, показывая места хранения различных деталей и узлов. Песок под их ногами хрустел так громко, словно шла

целая армия. Ремо не видел Джимми, перед ним маячил только затылок Фелтона; тот не носил шляпы. Когда рука Фелтона поднимется к голове, чтобы пригладить невидимый хохолок, Ремо будет действовать. Только так он мог выйти из затруднительного положения.

Темное и громоздкое строение замаячило впереди, как огромный корабль в море.

— А здесь находится сердце нашей операции, — сказал Фелтон.

Ремо подошел ближе. К строению примыкала небольшая бетонная площадка. Полуразрушенная машина стояла на этой площадке, под ее колесами лежали колодки.

— Когда мы заканчиваем обработку машины, все что остается, поступает под этот пресс, который превращает машину в небольшой металлический куб, который мы отправляем на переплавку. Мы сделали кучу денег во время войны, правда, Джимми?

— Да, — сказал Джимми. Он находился прямо позади Ремо.

— Вот где... — рука Фелтона поднялась к затылку... — наш Максвелл! Сейчас!

Ремо упал вперед, получив медленный удар от дворецкого. Забавляясь, он скорчился на земле.

Больше никакой самоуверенности. Смотри, что они делают. Может быть, Максвелл здесь.

— Прекрасный удар, Джимми. Я думаю, мы покончили с ублюдком. Наконец мы с ним рассчитались.

Ремо увидел лакированный носок черного ботинка Фелтона. Потом он почувствовал резкую боль в подбородке. Фелтон пнул его.

Он не двигался.

— Кажется, ты убил его, — сказал Фелтон. — Чем ты его ударил?

— Рукой, босс. Я не стрелял в него.

— Это он убил Скоттичио и Мошера, — тихо проговорил Фелтон.

— Мне бы хотелось сунуть его под пресс живым.

Фелтон пожал плечами.

— Я устал, Джимми. Мне все равно. Закончи с ним.

Ремо чувствовал, как огромные руки Джимми обхватили его грудную клетку и приподняли. Его потащили по земле, к бетонной площадке. Полураскрытыми глазами он видел, как Фелтон направился к другому концу строения. В полуразрушенной машине не было дверей, и Джимми сначала перекинул тело Ремо через колено, а потом сунул его головой туда, где раньше было водительское сидение. Ремо услышал шум мотора, но это не был шум автомобиля. Джимми запихнул тело Ремо в машину и нанес последний удар. Ремо Уильямс уже давно ждал его. Левой рукой он перехватил толстое запястье и вывернул его, молча и легко. Джимми закричал бы, если бы правая рука Ремо не вдавила его солнечное сплетение мгновением раньше. Ремо нанес ему левой рукой удар в нос, и Джимми отключился.

Ремо выбрался из-под грузного онемевшего тела Джимми, потом затолкал его в машину на место, предназначавшееся Ремо. Так же молча и спокойно Ремо вытащил колодки из-под колес автомобиля.

Шум мотора, который Ремо услышал еще раньше, стал громче, металлическая дверь строения поднялась вверх. За ней находилось что-то вроде стальной коробки, в которой было достаточно места для нескольких машин.

Ремо снял ручной тормоз, подтолкнул машину по наклонной бетонной площадке, сел на голову Джимми и осторожно направил машину вниз с пригорка в гигантскую коробку. Когда машина уткнулась в заднюю стенку коробки, Ремо выскочил из нее. Он чуть не споткнулся перед дверью, которая начала опускаться со зловещим шипением.

Ремо услышал звуки из другого конца строения. Он тихо прокрался туда, как привидение, вышедшее из могилы. Выглянув из-за угла, он увидел Фелтона, раздевшегося до

рубашки, его пальто и пиджак лежали на земле возле панели управления.

Фелтон крикнул:

— Все в порядке, Джимми? Ты все сделал?

Ремо вышел из-за угла.

— Я все сделал, Фелтон. Все.

Фелтон потянулся к пистолету. Одним легким движением Ремо вырвал оружие из его руки. Он заскочил на спину Фелтона, заставляя его кружиться вокруг себя. Удары Фелтона были слепыми и беспомощными. Он был слишком стар для этого, слишком стар. Шаг за шагом они приближались к стальной двери, которая все еще опускалась. Фелтон продолжал кружиться вокруг себя и наносить удары в воздух. Ремо перехватил один из таких ударов левой рукой и слегка ударил Фелтона в висок.

Фелтон упал на бетон. Ремо увидел, как что-то шевелилось в щели под стальной дверью. Это была нога. Джимми пытался выбраться. Ему это не удалось. Стальная дверь прошла сквозь ногу, как горячий стержень сквозь сыр. Носок ботинка продолжал шевелиться, как первобытный организм. Ремо еще раз ударил Фелтона в висок и вернулся к контрольной панели. Ее устройство было простым. На панели был рычаг управления правой стенкой пресса, задней стенкой, потолком и входной дверью, кроме того на ней было несколько автоматических кнопок.

Ремо взялся за рычаг двери. Потом его словно поразило током. Он начал смеяться. Он все еще смеялся, когда услышал шипение поднимающейся двери.

Он поднял пистолет Фелтона и вернулся к стальной двери.

— Максвелл, — повторял он на ходу. — Максвелл. — Фелтон лежал там, где он его оставил, его руки были разбросаны в стороны на бетонной площадке.

Джимми откатился от двери после того, как она отрезала ему ногу. Но шипение открывающейся двери придало ему сил. С одной ногой и обрубком Джимми полз по наклонной

бетонной площадке, как ужасный искалеченный краб, надеявшийся убежать. При слабом лунном свете Ремо мог разглядеть его искривленное от ужаса лицо.

Ремо поднял пистолет Фелтона и хладнокровно выстрелил в здоровую ногу Джимми. Пуля заставила Джимми опрокинуться на спину, и Ремо толкнул огромного техасца обратно в стальную коробку, где лежал обрубок его ноги. Потом Ремо поднял Фелтона и оттащил его туда же. Ремо вернулся к контрольной панели и опустил рычаг входной двери. Тяжелая стальная дверь начала с шипением опускаться, в коробке загорелся свет. Через толстое пластиковое окно Ремо мог видеть, что происходит внутри. Ни Фелтон, ни Джимми не шевелились.

Фелтон должен скоро прийти в себя. Ремо вытащил из кармана рубашки сигареты и закурил. Он посмотрел на контрольную панель, снова пробормотал «Максвелл» и устроился удобнее, чтобы покурить.

После четвертой затяжки он услышал, как кто-то скребется в пластиковое окошко. Он не торопился оборачиваться. Когда Ремо наконец сделал это, он увидел лицо Фелтона, прижатое к окну. Его волосы были всклокочены. Он что-то кричал. Ремо не мог разобрать слов.

Ремо медленно произнес губами: «Максвелл».

Фелтон покачал головой.

— Я знаю, что ты не знаешь, — закричал Ремо.

Фелтон выглядел изумленным. — Но есть еще кое-кто, — крикнул Ремо. — Мак Клири?

Фелтон покачал головой.

— Его ты тоже не знаешь? — крикнул Ремо. — Я так и думал. Он был просто парнем с крюком. Подумай о нем, когда увидишь свою смерть. Подумай о нем, когда ты станешь художественным орнаментом на чьей-нибудь машине. Подумай о нем потому, что он был моим другом.

Ремо отвернулся от Фелтона, который ожесточенно царапал пластик, и посмотрел на эту idiotскую панель. Он пожал плечами, слыша приглушенную мольбу о милосердии.

Но в них не было милосердия к Мак Клири или другим агентам «Кью».

Он должен был это сделать. Он нажал кнопку и гидравлический механизм загудел, толкая стены пресса с усилием в сотни тысяч килограммов. Ремо знал, что не просто делал свою работу, сейчас он оставлял след в жизни, выполняя то, для чего родился.

Это заняло не больше пяти минут. Сначала одна стена сжала содержимое стальной коробки, потом другая, и наконец опустился потолок. Когда все стены вернулись в нормальные позиции, Ремо посмотрел в пластиковое окошко. Он увидел лишь полутораметровый куб металла. Автомобиль и два человеческих существа превратились в один куб металла.

Ремо огляделся в поисках инструмента и увидел толстый лом, прислоненный к одной из внешних стен строения. Он медленно направился к лому, поднял его и вернулся к панели. Он не знал, как выключить свет и отключить пресс. Кто-нибудь найдет куб утром и, вероятно, погрузит его на корабль вместе с остальными.

Ремо оторвал концом лома маленькую металлическую пластинку с контрольной панели. Это была торговая марка. На табличке было написано: «Пресс Максвелл Стил. Максвелл Индастрис, Лима».

* * *

Синти не возражала против того, что папа решил задержаться на свалке. Она хотела остаться наедине с Ремо и была счастлива, что это наконец случилось. Она даже не забеспокоилась, когда папа не вернулся домой к завтраку. Ремо позвонил из «Ламоника Тауэрс» доктору Смиту в Фолкрафт. Он звонил, лежа на кровати рядом со спящей Синти.

— Что? — спросил Смит.

— Это и был Максвелл, — повторил Ремо. — Боссом был Фелтон.

— Невозможно.

— Пусть будет невозможно, — сказал Ремо.

Последовала долгая пауза. Ремо положил трубку.

Едва он улегся на подушку, как телефон зазвонил снова.

— Это Виаселли, — сказал голос на другом конце. — Я просто хотел поблагодарить Нормана за то, что он отпустил моего брата Тони.

— Это Кармин Виаселли? — спросил Ремо.

— Да. А кто вы?

— Я человек мистера Фелтона, и я рад, что вы позвонили. Мистер Фелтон звонил мне сегодня утром и просил, чтобы я позвонил вам. Он хотел встретиться с вами сегодня вечером. Что-то насчет Максвелла.

— Где я должен встретиться с ним?

— У него есть мусорная свалка на 440-м маршруте. Первый поворот направо от Авеню Каммунипау. Он будет там.

— В какое время?

— Около девяти. — Ремо почувствовал, как Синти положила голову ему на грудь. Она проснулась.

— Хорошо, — раздался голос.

Ремо повесил трубку.

— Кто это был, дорогой? — сонно спросила Синти.

— Это насчет бизнеса.

— Какого бизнеса, дорогой? — пробормотала она.

— Моего бизнеса.

Юрий Гаврюченков МЕРТВЫЙ КАРАТИСТ

Человеческие жизни начинаются и заканчиваются по-разному. Но каждый человек совершает ошибки, иногда непоправимые. В жизни Андрея Конева были две таких ошибки: первая — когда он дал необдуманное обещание; вторая — когда решил обратиться за помощью к Яну Гетцу. В свое время они были однокурсниками по гидротехническому факультету, но Андрей ушел с третьего курса в бизнес, а Ян, привыкший доводить все до конца, получил диплом и вплотную занялся частной деятельностью, в которой далеко не последнюю роль играли навыки каратиста. Ян с детства занимался каратэ, уделяя ему от часа до трех часов в день.

Андрей нашел его в парке, где Гетц проводил утренние часы. После окончания института график его занятий стал стабилен. Основная тренировка занимала время с восьми до одиннадцати утра.

Андрей обогнул кусты ежевики и вышел на поляну, где Ян сосредоточенно выполнял ката.

— Привет, — сказал Андрей, дождавшись, когда он закончит.

— Доброе утро, — сказал Ян.

Они были одного роста, но Ян весил килограммов на пять меньше. Казалось, он состоял из одних мускулов, в которых не было ни капли жира. Худое аскетическое лицо с длинным носом гармонично дополняли длинные волосы, завязанные сзади в «конский хвост». Ян был большой любитель позагорать, и в начале мая его кожа уже приобрела золотисто-коричневый оттенок.

— Хорошее утро.

— Прекрасное, — Ян улыбнулся. — Как твои дела?

— Я к тебе по делу, Ян, — произнес Андрей, не зная, с чего начать. Просьба была строго конфиденциальной и

впутывать кого-либо из своих ребят не очень хотелось.

— Слушаю, — сказал Ян.

— Мне тут надо деньги снять. Понадобится твоя помощь.

— Сколько и с кого?

— Есть тут одни, господа... — Андрей вкратце пересказал историю, в которой была замечана семья Лены Бориславской — невесты Андрея, — доверившая неким джентльменам крупную сумму денег, которые отказались ее возвращать, когда пришел срок выплаты. Лена пожаловалась Андрею, а тот обещал разобраться. Слово приходилось держать.

Ян подумал.

— Ладно, — сказал он наконец. — Я бы, честно говоря, из-за такой суммы заморачиваться не стал.

— Ян, выручи, — Андрей умоляюще посмотрел ему в глаза. — Ленке обещал.

— Ладно, ладно, — Ян с сомнением потер подбородок. — Хорошо, сделаю.

— Ну, спасибо. Я твой должник.

— Делай добро и бросай его в воду, — наставительно произнес Ян, думая обратное. Должников всегда приятно было иметь, особенно среди старых институтских друзей, работающих в коммерческой торговле.

На этом они и расстались. Андрей в последний раз видел Яна живым.

* * *

На лестнице было темно. Ян поднялся на третий этаж, нашел нужную дверь и позвонил. Ждать пришлось недолго. Какая-то потаскушка в красном свитере открыла дверь и недовольно посмотрела на него.

— Вы к кому? — спросила она.

— Денис дома? — поинтересовался Ян.

— Заходите, — она отступила вглубь коридора. — Денис, Дени-ис!

Из комнаты появился толстый мужик в черной майке и черных «Ливайс».

— Вы ко мне?

— Да, — сказал Ян. — Я представляю интересы неизвестной вам семьи Бориславских, у которых вы заняли энную сумму денег. Тогда она была несколько меньше, чем вам придется вернуть сейчас. Расчет будем производить по курсу бакса плюс мне двадцать тонн за работу.

— Пошел бы ты к Аллаху, — ответил мужик. — Ира, открой ему дверь.

Из-за его спины показалась голова еще одного человека. Он пристально изучал лицо Яна.

«Как минимум двое, — решил Ян, — это немного осложняет дело».

Ян быстро скользнул вперед и нанес короткий тэйт-цуки^[1] в печень. Денис молча согнулся, хватая ртом воздух. Ян оттолкнул его и двинулся ко второму, который отступил вглубь комнаты, где обнаружился еще один участник застолья.

— Сидеть! — приказал Ян.

— Ты, козлятина, — третий был лысым, маленьким, но весьма плотным. Такие хорошо держат удар и обычно пробиваются с большим трудом. Он вскочил, хватая со стола нож и они вдвоем двинулись к Яну, заходя с обеих сторон.

Сзади захрипел Денис.

«Надо выключать этих, пока он не очухался», — подумал Ян, контролируя своих противников. Он сделал быстрый уход, спасаясь от выпада лысого, левой ногой ударил по запястью, отбрасывая руку с ножом, а правой провел микадзуки^[2] по челюсти. Голова лысого мотнулась в сторону, он отступил, но на ногах удержался. Зато сзади рванулся второй. Его Ян встретил хорошим крепким уширо^[3], попав в бедро и сбив с ног, но лысый перешел в нападение и неожиданно быстро ладонью заехал Яну в лицо. Ян упал. Тут же на него

навалились все трое, молотя кулаками куда попало. Ян захватил чью-то руку, ударил локтем в чей-то твердый лоб, отбросил Дениса и вскочил на ноги.

— Уйди! — крикнул лысый.

Ян развернулся, выбрасывая руку и предвкушая хороший уракен^[4], но тут его ударило так, что он подпрыгнул, дернувшись всем телом, и в глазах поплыло.

— Так его, гада! — проорал кто-то. — Давай еще!

И снова удар. Ян пришел в себя уже на полу. На нем сидел лысый и вязал ему руки чем-то широким.

«Чем это меня?» — подумал он и, вывернув голову, увидел стоящего над ним Дениса. В руке он держал маленький американский шокер. Все стало ясно.

Яна подтащили к дивану и посадили, прислонив спиной к сиденью.

— Ну что, гондон, — спросил Денис, — бабки пришел получать?

Он поднес к лицу Гетца шокер и надавил кнопку. Щелкнул разряд.

— Сука, денег захотел. Ну на! — он ткнул шокер в плечо Яна. Тот дернулся.

— Работает! — не скрывая радости, сказал лысый. — Не зря баксы платили.

Так они развлекались еще часа два, время от времени глуша Яна током и пиная ногами, иногда делая перерывы, чтобы попить пива и покурить. Потом его развязали и выкинули на лестницу. Ян долго лежал, приходя в себя. Его беспокоило сердце. Ранее не дававшее сбоев, теперь оно явно отказывало своему хозяину. Наконец Ян медленно встал, опираясь на стену, и осторожно пошел вниз.

«Ублюдок, — зло подумал он об Андрее, — выставил себя перед бабой, супермен хренов! Я бы сам из-за таких денег заморачиваться не стал». — Он дошел до угла и тут ему стало плохо по-настоящему. — О, нет, — мысленно

закричал Ян, пытаясь сделать глубокий вдох. Он отшатнулся к краю тротуара и поднял руку. Рядом остановилась машина.

* * *

Андрей кончил, когда «Битлы» завели свое «Хэлп!» Лена застонала и в последний раз вцепилась когтями ему в спину. Андрей упал рядом на подушки, тяжело дыша и обливаясь потом. Несколько минут они лежали молча, глядя в потолок.

— Устал? — тихо спросила Лена.

Андрей слабо кивнул. — Ты прелесть! — она поцеловала его в плечо.

В прихожей зазвенел звонок.

— Ну почему сейчас! — простонал Андрей и начал медленно садиться, ища взглядом какую-нибудь одежду. Натянув джинсы, он подошел к кровати.

— Я люблю тебя! — сказал он, принимая теплую влажность ленкиных губ.

— Я тоже люблю тебя, — прошептала Лена. — Иди, открывай.

Андрей поплелся в коридор, возненавидя незваного гостя.

— Кто там? — спросил Андрей, уже открыв дверь, тоном показывая посетителю всю несвоевременность его визита. Он отшатнулся, увидев Яна. Ян побелел, несмотря на свой загар, как-то странно осунулся и вообще выглядел жутко. Он стоял, держась за косяк, глотая воздух и явно ничего не видя широко открытыми глазами.

— Лена, — кричал Андрей. — Лена, иди сюда!

Ленка выпорхнула из комнаты в своем прозрачном халатике и застыла, зажав ладошкой в немом крике рот.

— Быстрее сюда, — Андрей подхватил оползающего по стене Яна, — сделай что-нибудь!

Лена подошла поближе. Глаза у нее были совсем круглыми. Она явно не знала, что надо делать. Андрей несколько раз ударил Яна по щекам.

— Се... р... — простонал Ян и слабо зевнул.

— Дай что-нибудь! — крикнул Андрей. — Воды принеси!

Лена метнулась на кухню и тут же вернулась с кружкой. Андрей попытался напоить Яна, но вода стекала по губам. Ян умирал.

— Господи, что же с ним, — Лена всхлипнула.

— «Скорую помощь» вызывай, давай живо, что стоишь?! — Андрей тряхнул Яна за плечо, но у того уже закатились глаза и он перестал дышать.

— Ян, Ян!!!

— «Скорая»? — спросила Лена.

— «Скорая» по ноль три, — ответили в трубке.

— Ян, да что с тобой?! — Андрей чуть не плакал, бессильный что-либо сделать. Он хлопнул его по щеке. — Ян!

В комнате Лена пыталась связаться со «Скорой помощью».

Пока приехала машина, тело уже успело остыть.

* * *

Пол и стены были выложены белой кафельной плиткой. Новичкам они казались верхом совершенства, но тем, кто работал давно, привычно бросались в глаза знакомые трещины, потеки и сколы в тех местах, куда обычно падал взгляд. Борис Наумович Штекман принадлежал ко второй категории лиц. Он работал в морге не первый год, производя вскрытия и подписывая акты экспертизы, как и положено судебному медэксперту.

Наступал вечер — время работы. Штекман любил работать ночью. Это было самое спокойное время суток, когда никто не мешал и воздух избавлялся от испарений,

свойственных живому человеческому телу. Кроме того, не было любопытных глаз, могущих подглядеть за частными экспериментами Бориса Наумовича, которые заронили бы зерно сомнения в его психической полноценности в душу постороннего наблюдателя. Это могло сильно повлиять на карьеру и ненароком открыть дорогу в сумасшедший дом: маленьким хобби Бориса Наумовича было оживление трупов.

Закрывшись в прозекторской, Штекман приступил к изучению тела. До утра надо было произвести вскрытие и дать заключение о причинах, по которым этот молодой и сильный человек вдруг оказался в столь непрезентабельном месте. Штекман был уверен в себе и знал, что работа не займет много времени. А пока он проведет очередной опыт. Все предыдущие оканчивались неудачей, но это не могло остановить Бориса Наумовича. Он знал, что рано или поздно ему повезет — терпение возьмет свое и он оживит мертвеца. Он станет известным, о нем заговорят, как о Лонго. Если это удавалось кому-то раньше, почему не может получиться теперь? Штекман изучил множество книг по черной магии различных народов мира. Кое-что он использовал для своей практики, но невостребованных методов оставалось много. Сегодня он решил испытать способ маори — древней народности Океании, — которому доверял не больше, чем всем остальным, но больше, чем испробованным, потому что те не принесли желаемого результата. Штекман имел полный текст заклинания и все необходимые ингредиенты. Наступала полночь, пора было начинать.

Натерев руки охрой, смешанной с маслом, он взял в рот три священных листка льна и склонился над трупом. Это был свежий труп здорового и сильного мужчины, умершего от остановки сердца. Штекман верил, что на этот раз, — да, это уж точно, — на этот раз он добьется своего.

— Ао мана рангатира, ваируа рарохенга, — запел он сквозь зубы могущественную каракиа — заклинание, которым (если верить источнику) пользовался тохунга — колдун с Северного острова Новой Зеландии, оживляя павших в бою воинов, что, впрочем, не помешало англичанам при первом удобном случае вздернуть его на виселице.

Заклинание было длинным и Штекман поначалу мрачно думал, что будет, если в прозекторскую кто-нибудь зайдет (например, охрана, у которой есть ключи), но затем монотонный ритм взял свое, заставив сосредоточиться на цели занятия. Борис Наумович допел до конца, чувствуя, как слабеют и становятся ватными ноги и начинает жутко болеть голова.

Где-то за окном завывала собака.

«Все, — мрачно подумал Штекман и выплюнул изо рта листья. — Можно приступать к вскрытию». Сильно захотелось курить. Он подошел к раковине и начал смывать с рук охру. Собака завывала громче, к ней присоединилась еще одна.

— Что они разорались, заразы, — раздраженно пробурчал эксперт, поворачиваясь к столу, чтобы взять сигареты, но тут слова застряли у него в горле. Труп начал шевелиться. По телу Штекмана пробежал холодок.

«Добился-таки своего, добился», — мелькнула мысль. Он осторожно приблизился к столу, стараясь держаться со стороны головы. Труп задвигался сильнее и сел. Штекман остановился. У него вдруг мелькнула мысль, что надо открывать дверь и бежать, но тут же мелькнула встречная, что человек, лежащий на столе, вовсе трупом и не был, а сохранял пусть даже и очень слабые, признаки жизни. Если сейчас убежать, его поступок, пусть даже и оправданный, вызовет иронию у коллег, а если проявить храбрость и остаться, то можно заслужить уважение. Штекман выбрал второе, потому что каждый выбирает то, чего ему не хватает.

Человек между тем слез со стола и сделал несколько шагов. Штекман кашлянул, чтобы обратить на себя внимание, и обратился.

«Господи, какие пустые и холодные глаза», — успел подумать он, прежде чем оживший приблизился к нему и произнес:

— Ты дал мне Силу — ты первый и умрешь.

«Надо было открыть дверь и бежать», — мелькнула мысль. Она была последняя: твердый, словно стальной, кулак

незнакомца взметнулся вперед с нечеловеческой силой и скоростью и раздробил лобные кости черепа. Эксперт покачнулся и рухнул на пол. Из носа и ушей потекла кровь, заливая чистый кафель, и растеклась на нем темной лужицей, красновато поблескивающей в холодном свете люминесцентных ламп. Безучастно наблюдавший за ним зомби дождался, пока душа окончательно покинет остывающее тело, и двинулся к двери. Ключ торчал в замочной скважине, повернуть его, чтобы обрести свободу, ничего не стоило.

Гетц медленно двигался по коридору, бесстрастно осматривая пространство перед собой. Он не думал, он знал. Что из того, что к нему вернулась только темная часть сознания, создающая инстинкт убийцы? Его целью, целью Получившего Силу, является месть, сладострастное упоение которой принесет ему покой. Он должен найти и убить всех, причастных к его смерти: тех, кто убил его, и тех, кто послал на смерть. А также тех, кто помешает ему это сделать. Он выполнит свой план любой ценой, впрочем, цена для него значения не имеет. Срок тоже ничего не значит. Он перестанет двигаться только после того, как закончится месть. Гетц шел вперед.

Он был одет в свою старую рубашку, брюки и куртку с надписью «Додзё Шотокан» на спине. Чтобы найти одежду, пришлось ее поискать. Впрочем, он нашел ее, так что поводов для беспокойства нет. Осталось только выбраться из этого здания и сориентироваться, в какой части города он находится. Дальше все пойдет по заранее намеченному плану: сначала убийцы, затем причина. Он найдет всех. Гетц двигался к цели.

Он вышел из дверей морга. На улице было на два градуса теплее. Его это не заботило: отныне и до конца его температура равна температуре окружающей среды.

На заднем дворе больницы, куда выходили двери морга, в своей будке скорчилась в дальнем углу беспородная собака, которую все звали, как хотели. Она никогда еще не чувствовала так близко присутствие смерти и в ужасе

стремилась забиться в щель между стенками, чтобы ее не было видно.

Гетц остановился и холодно посмотрел на нее. Собака дрожала, еле слышно скуля, елозя лапами и, наконец, описалась. Она даже не обрадовалась, когда неживое существо двинулось дальше. Когда Гетц выходил за ворота больницы, старая сука умерла — животные тоже подвержены воздействию стресса.

* * *

В эту ночь Лена осталась у Андрея. Они лежали рядом и каждый думал о своем. Лена вспоминала Яна, которого знала мало, и думала, что скажут родители по поводу ее отсутствия. Бориславские очень ревностно относились к предстоящему замужеству дочери. «Скажу, что была у Андрея», — наконец решила она. В этот момент Андрей вздохнул и заворочался.

— Не спишь? — спросила она, и по едва слышному шороху поняла, что он в ответ покачал головой. — О чем думаешь?

— Даже не знаю, — соврал Андрей, который думал об очень прозаических вещах: что Ян не получил деньги и теперь придется нанимать еще кого-то, чтобы не сесть в лужу со своим необдуманным обещанием.

— Давай на выходные поедem на дачу, — предложила Лена, которой очень хотелось отвлечь любимого от грустных мыслей. — Мне так надоело в городе.

— Давай, — ответил Андрей.

— Завтра с утра, да?

— Ага, — Андрей расслабился и зевнул.

— Я люблю тебя, милый.

— И я тебя.

Он глубоко вздохнул, наконец стряхнув с себя напряженность неприятного дня. Лена положила голову на

грудь, и они заснули обнявшись, согревая друг друга теплом своих тел.

* * *

Гетц поднялся по лестнице и остановился перед знакомой дверью. Было два часа ночи. Он долго шел пешком, потому что ни одна машина не остановилась, чтобы его подвезти. Впрочем, Гетц не чувствовал усталости. Сила, данная ему, всегда оставалась в равновесии, потому что она была составляющей частью Природы — большой составляющей частью — и ей не было конца. Немногие обладают Силой.

Гетц позвонил.

— Кто там? — спросил сонный женский голос.

— Я к Денису. Можно его на пару слов?

— Два часа ночи уже. Спит он!

— Ну тогда я ему записку оставлю. Можно?

— Ладно, — за дверью зевнули, клацнул замок и образовалась щель на длину натянутой цепочки. — Вы пишете?

Гетц не ответил. Он не стал попусту тратить слова. Быстро подавшись вперед всем телом, он вытянул правую руку и ладонью ударил в дверь. Цепочка лопнула, и он вошел в прихожую.

— Денис! — завизжала женщина. — Дени-ис!

Она повернулась к нему, Гетц увидел расширенные от страха глаза. Не размышляя, он нанес сильный и резкий ой-цуки^[5] точно в середину грудной клетки. Хрустнули ребра. Кулак ощутимо промял плоть. Женщина застыла, пробитая хорошим концентрированным ударом, затем качнулась и завалилась назад, громко стукнувшись затылком о паркет. Гетц медленно прошел в комнату.

Денис был не дурак, по крайней мере он сам так считал. Вместо того, чтобы рвануться на помощь подруге, он

дотянулся до ящика стола, где хранил электрошоковый аппарат, достал его и только после этого осторожно двинулся к двери. Было темно и он ничего не видел, но Гетц, не нуждавшийся в освещении, вырос перед ним, застав врасплох, и нанес сютто-учи^[6] по ключице, сломав ее и выбив шокер, который упал и ударил Дениса по ноге.

— Я вернулся, — без всякого выражения произнес он.

Денис почувствовал боль в расколотой кости и его лицо задрожало.

— Где еще двое? — спросил Гетц.

— У Толика.

— Адрес.

Денис тихонько завыл. Первый шок начал проходить и боль становилась все сильнее. Он хотел было заорать, но тут к его лицу приблизились тусклые глаза незнакомца. Боль куда-то ушла, как пропали внезапно и все прочие чувства. Денис замороженно смотрел в мертвые зрачки, готовый подчиниться первому приказу.

— Назови адрес.

— Проспект Художников, дом девять, квартира пять.

— Кто второй?

— Олег, но я его не знаю.

— Его адрес.

— Не знаю.

Гетц отступил на шаг и произвел серию ударов по корпусу, сломав все нижние ребра, которые проткнули печень и легкие, нанеся тяжелые внутренние повреждения. Толстяк рухнул на пол. И тут почувствовал настоящую боль.

— Сдохни в муках, как я умер, ублюдок! — произнес Гетц и в его голосе впервые послышалось торжество. Он повернулся и пошел к дверям.

На полу в прихожей лежала женщина. Гетц на секунду остановился и поглядел на дело рук своих. Женщина еще

жила. Удар сломал ей грудину и кровь струилась изо рта, тускло поблескивая в темноте. Ей предстояло умереть, но нескоро. Заметив это, убийца покинул квартиру.

* * *

Последние гости ушли в половине второго. Толик проводил их и вернулся за стол, где сидел пьяный виновник торжества — его тесть. Теща, жена и сынишка пошли провожать гостей до лифта и вернулись чуть позже. Мужчины (тримя голосами против двух) решили не покидать стол, пока все не будет допито и съедено. Женщинам, оставшимся в меньшинстве, пришлось подчиниться и присоединиться к ним, чтобы помочь поскорее управиться со всем этим. Через час, когда намеченный план был уже почти выполнен, в коридоре раздался звонок.

— Никак, наши вернулись, — отметил Толик.

— Забыли, наверное, что-нибудь, — предположила теща.

Жена пошла открывать дверь, но ее возвращение почему-то затянулось.

— Ну-ка, сынок, посмотри, что там такое, — сказал Толик, обеспокоенно глядя в сторону прихожей.

Мальчик выбрался из-за стола и исчез в коридоре.

— Папа! — крикнул он. — К тебе пришли!

До проспекта Художников Гетц доехал на такси. Убив женщину, открывшую дверь, он выпихнул тело на лестничную площадку и увидел мальчишку лет тринадцати, удивленно смотревшего на него.

— Где Толик? — спросил Гетц.

— Там, — парень мотнул головой. — Папа, к тебе пришли!

Оттолкнув его, Гетц прошел в комнату и увидел лысого, сидящего за столом. Тот уставился на него, затем, видимо, узнал, потому что начал поспешно выбираться из-за стола, схватив за горлышко винную бутылку.

— Т-ты чего это, а? — спросил он.

Гетц молча приближался к нему.

— Папаша, мочите его, гада! — взвизгнул Толик и запустил бутылкой в голову Гетца. Тот уклонился, бутылка разбилась о стену. Тесть стал вылезать из-за стола, и пришлось отвлечься, чтобы нейтрализовать ненужного противника. Старик упал, хрипя и булькая, обхватив руками перебитую гортань.

— Я пришел за тобой, — холодно произнес Гетц.

Лысый протрезвел и вспомнил, что в кармане есть складной нож. Раскрыв его, он стал боком продвигаться к ненормальному, который неподвижно стоял, положив руки на плечо сидящей тещи, замеревшей от страха.

— Папа! — крикнул сынок, и незнакомец отреагировал на него, повернув голову.

Лысый рванулся к нему, целя в живот. Все произошло очень быстро. Гетц и не думал отвлекаться, он лишь спровоцировал атаку. Вздернув тещу за плечи, он подставил ее под удар ножа, а сам отступил в сторону, ловя встречное движение мальчишки, который замахнулся на него стулом. Короткий мае-гэри^[7] разнес стул в щепки, последовавший за ним маваши^[8] отправил паренька в глубокий нокаут.

Лысый застыл, держа в руке окровавленный нож. Гетц молча шагнул к нему.

— А-а-а! — заорал Толик, прыгнув на него. Гетц не ожидал от коротышки такой резвости и не успел увернуться. Нож вошел в живот по самую рукоятку и остался там, удерживаемый напряженными мышцами. Гетц схватил Толика за горло и отшвырнул к стене. Убивать его было еще рано.

— Я спрашиваю: где Олег? — произнес Гетц. — Он мне нужен.

Толик начал терять сознание, совсем не веря в реальность происходящего. Убийца приблизился к нему, притянул его голову к своему лицу, холодному, словнодохлая рыба.

— Где Олег?

— У себя дома, — послушно ответил Толик, преданно глядя в глаза Гетца. В них он увидел пустоту, и эта пустота завораживала.

— Адрес.

— Улица Звездная, дом сорок, квартира сто пятьдесят три.

Получив необходимую информацию, Гетц развернул лысого и ударил ребром ладони по шее. Послышался хруст. Лысый упал и больше не двигался — седьмой остистый позвонок, вогнанный в позвоночный столб, словно ножом перерезал спинной мозг. Переступая через трупы, Гетц вышел из квартиры, не забыв закрыть за собой дверь.

* * *

Лена проснулась от непонятного чувства тревоги. Ей снилось что-то... Что-то нехорошее. Она открыла глаза, полежала немного в темноте, затем села, нашла тапочки и пошла в ванную. Заперевшись там, она встала у зеркала и принялась разглядывать свое красивое молодое тело. Она нравилась себе. Лена провела рукой по животу и улыбнулась. У нее будет ребенок. Ребенок от Андрея. Результаты анализов, полученные вчера, оказались положительными. Она еще ничего не сказала своему будущему мужу, но не сомневалась, что это обрадует его и еще крепче привяжет к ней. У них будет ребенок, наверное, мальчик. Лена улыбнулась еще раз и тихо вздохнула. Ей предстояли долгие месяцы беременности.

* * *

Гетц потратил достаточно времени, чтобы поймать такси. Удалось это нескоро. Пожилой водитель сухо назвал цену, против которой Гетц несколько не возражал. Он был согласен заплатить любую сумму. Или не заплатить. Ему было все

равно. Он даже не знал, сколько денег у него осталось. Какая разница, кто будет требовать долг — убить его все равно не смогут. Гетц не задумывался над этим. Он шел к своей цели, последовательно выполняя пункты намеченного плана.

— Улица Звездная, дом сорок, — сказал Гетц.

— Пять тысяч, — ответил таксист.

— Поехали.

Гетц уселся на переднее сиденье и захлопнул дверцу. Машина тронулась с места.

Всю дорогу водитель думал, кого же напоминает ему этот странный пассажир. Наконец он вспомнил. Не кого, а что: похороны матери. Она лежала в гробу, густо напудренная розовой пудрой, и от нее исходил такой же запах, как тот, что принес в машину клиент. Запах разлагающегося трупа. «Точно, странный парень, — подумал таксист. — Заторможенный какой-то. Может быть, в морге работает. Они там все шизанутые». Наконец он нашел нужный дом и с некоторым облегчением остановился у парадного.

— Приехали, — сказал он.

Пассажир молча сунул руку в карман, вытащил оттуда несколько купюр, изучил их, но остался недоволен результатом. Он долго шарил в куртке и брюках и наконец извлек еще пару бумажек. Сложив их все вместе, он протянул водителю.

— Э, здесь только четыре пятьсот! — крикнул водитель в спину удаляющемуся пассажиру. Тот даже не обернулся.

«Странный какой-то, — подумал водитель, и ему вдруг расхотелось покидать уютную кабину и гнаться за типом, от которого пахло трупами, — явный псих. Ну его».

Он развернул машину и выехал на Московский проспект. Он ругал себя за то, что смалодушничал и потерял пятьсот рублей, но если бы знал, что сохранил себе жизнь, то досада сразу уступила бы место радости.

Гетц остановился у дверей квартиры сто пятьдесят три. Он ждал. Он мог ждать вечность, но тут жертва сама шла

навстречу охотнику. Гетц слышал шум в прихожей и догадывался, что Олег сейчас выйдет к нему. Так и получилось. Когда на пороге появился человек, они сразу узнали друг друга.

У парня была хорошая реакция. Не успел Гетц ударить, чтобы сбить человека с ног, как тот быстро метнулся в квартиру и укрылся в одной из темных комнат. Укрылся, как показалось ему. Гетц не нуждался в свете. Он шел прямо к цели.

Когда его фигура показалась в проеме, блеснула длинная полоса огня и оглушительный выстрел расколол тишину спящего дома. Сильный толчок в левую ногу развернул Гетца и бросил на пол. Человек, тяжело дыша, перескочил через него и устремился к выходу из квартиры. Гетц поднялся и двинулся за ним.

Олег бегом спускался по лестнице. Ниже, ниже, еще ниже. Он услышал, как загудел лифт и понял, что противник успеет раньше. Тогда он бросился наверх. Там был выход на крышу.

Подъем сильно вымотал его. Он был почти у цели, когда из-за угла взметнулась тень, схватила за руку, развернула и впечатала головой в стену. Олег на мгновение потерял сознание и пришел в себя, когда его уже поднимали и прислоняли к стене.

— Ты меня убил, — мертвым голосом произнес Гетц, — теперь я убью тебя.

Олег не понял, что он говорит, но когда в рот воткнулось дуло его собственного револьвера, слова сразу обрели смысл.

— Я не... — выдохнул он, пытаясь сказать в свое оправдание что-то типа «Я не убивал тебя», чтобы затянуть время и, возможно, спасти жизнь, но не успел. Гетц дважды нажал на спуск и пули с мягким свинцовым концом разнесли Олегу затылок, выбив мозг, который остался додумывать свои мысли частично на стенах, частично на полу.

С убийцами покончено, но еще были люди, пославшие его на смерть. Гетц вызвал лифт, который отправил вниз, чтобы обмануть Олега. Пуля повредила берцовую кость и передвижение на ногах сильно осложнилось. Он не чувствовал боли, но понимал, что будет больше пользы побережь ногу сейчас, чтобы потом использовать ее с максимальной эффективностью. К тому же он начинал разлагаться. Мышцы теряли свою быстроту, медленно превращаясь в бесполезную кашу. Пока он может двигаться — надо действовать. Пока не наступит покой.

* * *

Лена вернулась в постель и долго пыталась заснуть. Чувство тревоги, разбудившее ее, упорно не хотело исчезать. Полежав еще немного, Лена решила применить самое лучшее успокаивающее средство, какое только знала. Она обняла мирно посапывающего Андрея и стала жадно его целовать.

— Проснись же, милый!

— А, что? — Андрей заворочался, открыл глаза и непонимающе посмотрел на нее.

— Андрюша, дорогой, я хочу тебя! — Лена прижалась лбом к его ноге и начала тереться о нее, не переставая покрывать поцелуями лицо, шею и грудь. — Иди же ко мне, любимый!

Андрей уже проснулся и догадался, что нужно Ленке, тем более, что ее рука скользнула между его бедер и достигла желаемого результата.

— Я люблю тебя, милый, — прошептала она и очень быстро оказалась сверху. — О-о! Как хорошо, мм!

Андрей стал совершать встречные движения и Лена застонала, впившись ногтями ему в грудь.

«Что это с ней?» — подумал Андрей, потому что среди ночи Лена такой активности обычно не проявляла, но сейчас она так старалась, что он прогнал прочь все мысли и отдался

чувству, которое затягивало его все глубже и глубже в неопишимо восхитительный водоворот наслаждений.

Когда он кончил, Лена слезла с него и попыталась расслабиться, но беспокойство не прошло, а, наоборот, усилилось. Действуя скорее инстинктивно, чем осознанно, она принялась тормошить засыпающего Андрея.

— Андрюшенька, миленький, ну не спи, — она поцеловала его в плечо. — Андрю-юша!

Андрей молча повернул голову. В этом движении ясно читалось: «Ну чего же тебе еще надо?», однако Лена с упорной настойчивостью добилась, чтобы он открыл глаза.

— Поедем на дачу, любимый, а? Давай прямо сейчас.

— Ты что? — Андрей включил подсветку и посмотрел на часы. — Четыре часа ночи!

— Ну давай, я хочу сейчас!

— Лена, — взмолился Андрей, — серьезно: четыре часа ночи, я устал.

— А я хочу сейчас, — голос Ленки дрогнул и в нем слышались слезы, — давай, пожалуйста. Ну я тебя очень прошу. — Не выдержав, она уткнулась ему в грудь и зарыдала.

— Да что с тобой? — Андрей зажег свет и сел, прижимая к себе плачущую невесту. — Лен, что случилось?

— Я так хочу! — сказала Лена, почувствовав, что он поддается.

— Мы еще хотели к твоим с утра заехать.

— Потом заедем. Мы им со станции позвоним, Андрюша, — Лена подняла на него свои красные от слез глаза, и Андрей сдался.

— Хорошо, — сказал он и стал одеваться. — Поехали.

Ленка радостно вскочила, преданно глядя на него. Андрей в который раз удивился, как меняется в постели его подруга. Из Елены Бориславской, дочери профессора, снисходительно-надменной «королевы», с ним она

становилась Ленкой — преданной рабыней, маленькой и слабой, готовой выполнять любые желания своего господина. «С кем еще она была такой?» — задавал он себе вопрос, неизменно вызывавший в нем ревность и остававшийся без ответа. Но вслух спросить не решался, боясь, что «рабыня» тут же превратится в холодную «королеву» и останется ей навсегда.

— Двадцать минут тебе на все, — сказал он, застегивая штаны, — собирайся, я буду ждать тебя в машине.

— Я люблю тебя! — она обняла его за шею и еще полминуты была почти тишина.

Андрей спустился во двор, где стояла машина, подогнал ее к парадному и стал прогревать мотор. Ленка появилась минут через десять, полностью одетая, с сумкой в руке, что было на нее совсем не похоже. Обычно она опаздывала минут на пятнадцать — это была ее стабильная норма — заставляя себя ждать и потом с гордым видом подставляя щечку для поцелуя, словно оказывая великую честь, одаряя такой наградой. Но Лена была женщиной во всем, настоящей женщиной, и за это Андрей ее любил. Кроме того, она принадлежала к семье Бориславских, связями которой не стоило пренебрегать.

Андрей привычным жестом распахнул дверцу, принял сумку с вещами.

— Поехали, — произнесла Лена, даже не удостоив его поворотом головы, но Андрей понял, что она чем-то напугана, причем напугана очень. Иногда на нее находило, и было трудно понять причины ее странных поступков. Лена была женщиной таинственной и непонятной.

Если бы Андрей знал, что своей оперативностью спасает себя, ее и еще неродившегося ребенка, он остался бы доволен.

* * *

Гетц нажал на кнопку звонка. Потом еще раз. В квартире была тишина. Андрей мог спать, но мог и уйти на работу. Во втором случае ожидание было бы лишь потерей времени. Гетц не стал ждать.

Сокрушительный ой-цуки вынес дверь, расщепив пополам косяк, на котором было укреплено два замка. Гетц прошел в комнату. Пусто. Он посетил ванную и туалет. Тот же результат. Значит, ушел на работу. Самое время, если учесть, что у него могли быть неотложные дела. Гетц пару раз бывал у него в офисе и знал, как туда добираться. Было раннее утро, уже начинал ходить транспорт.

* * *

Дом был большой, двухэтажный. Он достался от отца, и Андрей любил бывать в нем. Небольшая деревня находилась в получасе езды от города, в достаточно уединенном месте, чтобы по ночам не будил шум от проходивших электричек. Андрей отогнал машину в гараж, представлявший собой сарай, оборудованный ямой и прочими полезными для автолюбителя приспособлениями. Лена сняла замки и вступила в пыльную прохладу веранды.

— Как здесь хорошо, — сказала она. — Андрюша, принеси воды, надо убрать.

Пока он ходил к колодцу, Лена нашла тряпки, через тридцать минут гостиная и обе комнаты на первом этаже были приведены в божеский вид. Оставаясь наедине с Андреем, она превращалась в хозяйку. Ей нравилось убирать, нравилось готовить обед и мыть посуду. Она любила его и старалась доказать свою преданность, как могла, но только в его присутствии, чье-либо другое могло оказаться смертельным для имиджа «светской дамы», который она поддерживала изо всех сил.

Андрею очень хотелось спать, но он нашел в себе силы дождаться завтрака, съесть его и помочь вымыть посуду. Затем он добрался до кровати и вырубился с блаженной

улыбкой на лице. Лена улеглась с ним рядом и долго пыталась заснуть. Чувство тревоги не отпускало ее.

* * *

Несмотря на раннее утро, в офисе были люди. Два деловых господина сидели в комнате. Один работал на компьютере, второй разгребал бумаги, пытаясь найти трудовое соглашение, которое они заключили еще в прошлом году. За это время оно успело затеряться в массе поступающих бумаг.

Дверь открылась без стука. Работавший на компьютере поднял голову и увидел незнакомого человека, молча смотревшего на них.

— Здравствуйте, — наконец сказал незнакомец, — могу я видеть Андрея Конева?

— Здравствуйте, его еще нет, — ответил работавший на компьютере. Ему не понравилось это наглое вторжение, которое почему-то вызвало у него страх. И он поспешил избавиться от непрошеного посетителя. — Он, наверное, еще дома. Можете ему позвонить, телефон на первом этаже.

Ничего не сказав, незнакомец вышел, а господа вернулись к своей работе. Тот и другой не обменялись ни репликами, ни даже взглядами, поскольку считали себя очень интеллигентными людьми, но оба составили свое мнение о коллеге, который имеет столь плохо воспитанных приятелей. Их мнения оказались весьма схожи и явно не в пользу Андрея Конева.

Получив отрицательный ответ, Гетц не стал долго раздумывать. Конечно, Андрей мог быть еще в пути, но он также мог быть и у Лены Бориславской. Неизвестно, насколько далеко зашли их отношения. Следовало расправиться также и с ней, потому что из-за нее заварилась вся эта каша. Она-то уж наверняка дома. И если Андрея там нет, он расправится сначала с ней, а его найдет позже. Все равно он никуда не денется.

Гетц дождался автобуса и влез в его переполненное нутро.

* * *

Лена лежала, крепко обняв мирно дышавшего Андрея. Внезапно ей захотелось плакать. Она не могла понять, почему. Слезы сами текли из глаз и скоро подушка под ней стала совсем мокрой.

* * *

Ранний звонок не удивил Лину Яковлевну — жену профессора Бориславского. Она привыкла, что муж устраивает экзамен прямо в квартире, и не возражала, полагая, что он лучше знает, как и что делать.

— Коля, это к тебе? — спросила она, идя к двери.

— Что, Лина? — крикнул из кабинета Бориславский, скорее следуя сложившемуся ритуалу: формальный вопрос подразумевал формальный ответ, может быть даже в виде вопроса.

Лина Яковлевна слишком поздно поняла, что это не студент. Вряд ли Николай Анатольевич допустил к себе столь неряшливо одетого человека, от которого, вдобавок, плохо пахло. Он стоял и не мигая смотрел куда-то поверх ее головы, явно забыв о том, что с хозяевами нужно здороваться.

— Что вам угодно, молодой человек? — неприязненно спросила Лина Яковлевна, потеряв терпение и желая поскорее избавиться от непрошеного гостя.

Взгляд незнакомца наконец переместился на нее, и он соизволил открыть рот.

— Мне нужна Лена, — произнес он. — Она дома?

— Ее нет, — холодно ответила Лина Яковлевна. — Они с Андреем уехали на дачу.

— К кому на дачу? — уточнил незнакомец.

— А вы, собственно, кто?

— Я ее друг.

— Что-то я не припомню таких друзей, — Лина Яковлевна была права, она ни разу не видела Яна, потому что он посещал дом Бориславских всего дважды и оба раза в ее отсутствие. — Как вас зовут?

— Она на даче у кого? — снова спросил незнакомец, и это вывело Лину Яковлевну из себя. Молодой человек был явный хам, и его следовало проучить. Лина Яковлевна быстро отступила вглубь коридора и налегла на дверь, но закрыть ее не удалось. Незнакомец выставил вперед руку, задержав движение двери, и очень самоуверенно вошел в прихожую. Лина Яковлевна обомлела от такой наглости и хотела закричать, но незнакомец первым взял на себя инициативу.

Его реплика была короткой:

— Не спеши, — затем воткнул указательные пальцы в уши с правой и левой стороны и погрузил их, разрывая внутренние ткани, пока не достал до мозга. Это произошло очень быстро.

— Ах! — крикнула Лина Яковлевна, прежде чем умереть.

Гетц прошел в кабинет. Профессор Бориславский сидел в кресле и что-то читал. Он был настолько поглощен книгой, что поднял глаза лишь когда посетитель оказался рядом.

— Здравствуйте, — сказал Гетц, — я к вам.

— Здравствуйте, — ответил Николай Андреевич, — а вы кто?

Гетц улыбнулся, насколько мог.

— Я друг Елены. Говорят, она уехала.

— Да, на дачу. С Андреем. Вы его знаете?

— Конечно, мы с ним учились. А на какую дачу они поехали, к нему или к вам?

— К нему, но не думаю, что им сейчас следует мешать, — Бориславский уже ощутил досаду за то, что назвал место. Он заботился о своей дочери и был уверен, что никакой третий, даже близкий друг, им сейчас там не нужен. Но было поздно.

— Спасибо, я пойду, — сказал Гетц.

— Я вас провожу, — Николай Анатольевич поднялся.

Они вышли в коридор, где Бориславский увидел тело жены. И остолбенел.

— А... — начал он, но договорить ему Гетц не дал. Он развернулся, впечатав мощный уракен по височной впадине справа. В мозгу профессора блеснула вспышка, распавшаяся на тысячи маленьких искр, моментально погасших. Он отлетел к стене, ударился о нее и, уже мертвый, сполз на пол. Череп от удара лопнул и это сильно изуродовало высокий покатый лоб Бориславского. Из его носа и ушей показалась кровь.

Гетц молча вышел.

Он знал, где находится дача Андрея. Теперь надо было туда добраться. Автобус и электричка не подходят — слишком долго. Солнце начинало припекать, и Гетц чувствовал, как миллионы микроорганизмов трудятся, разрушая клетки его тела, расщепляя мышечные волокна, поедая его, превращая в бесформенную массу. Нужно было торопиться, поэтому следовало подыскать машину. Но где ее взять? Гетц простоял полчаса, пытаясь поймать такси, но никто не остановился.

Не знаешь, что делать — делай шаг вперед. Этот принцип он почерпнул из каратэ, а каратэ было для Гетца не просто философией. Это был образ жизни. И Гетц сделал шаг вперед.

На углу Благодатной и Московского проспекта он увидел желтую машину ГАИ. Ее хозяин — тощий усатый лейтенант — стоял рядом и проверял документы у водителя «Таврии», не очень обрадованного этой встречей. Ключ зажигания торчал в замке. Гетц направился к машине.

Лейтенант обернулся, только когда сзади хлопнула дверца. Водитель «Таврии» расплылся в улыбке и его круглая

физиономия прямо-таки засветилась. Вот это да, у мента, в его присутствии, угоняют машину! Лейтенант добавил радости, торопливо сунув ему документы и поспешив к своей «шестерке», на ходу расстегивая кобуру.

Гетц умел водить машину, но плохо. Двигатель заглох, когда он резко отпустил сцепление, и пришлось снова возиться с зажиганием. За это время лейтенант успел приблизиться к машине и разглядеть в окошко, что сидящий за рулем не похож ни на одного из знакомых или коллег по службе.

— Эй ты, — заорал он и распахнул дверцу, — выйти из машины!

Гетц посмотрел на ПМ, нацеленный ему в голову, и просчитал возможные варианты поведения. В любом случае мент успевал нажать на спусковой крючок, а получать в мозг девятимиллиметровую пулю с большой останавливающей силой ему не хотелось. В этом случае могли быть нарушены координационные функции организма, причем очень сильно. Гетц решил подчиниться.

— Выхожу, выхожу, — спокойно сказал он, стараясь не делать резких движений. — Ты в башку не целься, выстрелить может.

Лейтенант медленно отступил, позволяя Гетцу встать из-за руля и поставить ноги на асфальт. Он немного успокоился и опустил ствол, чем совершил большую и непоправимую ошибку. Впрочем, его не в чем было винить — он не мог знать, кто перед ним.

Увидев, что пистолет переменял направление и теперь траектория полета пули пройдет сквозь живот и не причинит особого вреда, Гетц перешел в наступление. Он рванулся к лейтенанту, но мышцы уже утратили свою быстроту. Мент успел среагировать: он дернул рукой и нажал на спуск.

Пуля разорвала мышечные ткани с правой стороны груди и отшвырнула Гетца к машине. Он чуть не влетел в салон, но сильно ударился спиной и начал заваливаться, судорожно пытаясь ухватиться правой рукой за дверцу. Пальцы

соскользнули и он закончил свое движение, замерев на асфальте.

«Все, убил», — подумал лейтенант. Он постоял еще секунды две, глядя на распростертое тело и медленно опускающий дымящийся ПМ. — «Неужели убил? Вот это пролет. Но он сам начал! А кто теперь докажет? Может быть его можно спасти?» — Лейтенант проглотил слюну и склонился над телом.

Гетц ждал, пока мент приблизится вплотную. Он изменил тактику, отбросив силовой способ. В магазине «Макарова» оставалось еще семь патронов — достаточно, чтобы превратить его в месиво. Когда лейтенант склонился над ним, Гетц мгновенно перевернулся, правой рукой заблокировал руку с пистолетом и кулак левой воткнул в пах. Лейтенант скорчился и непроизвольно сделал еще один выстрел. Пуля чиркнула по асфальту. Следующим движением Гетц сломал ему кисть и выбил оружие, которое немедленно отбросил под машину. Когда он встал, несколько человек сразу утратили интерес к происходящему и устремились по своим делам, но Гетц уже послужил объектом пристального внимания со стороны граждан. Медлить было нельзя. Ударив лейтенанта в челюсть, отчего тот превратился в обмякший, не подающий признаков жизни мешок, Гетц прыгнул за руль и со второй скорости рванул машину с места. Быстрее, он и так уже потерял достаточно много времени. Если теперь он столкнется с вооруженным нарядом, то тяжелые повреждения обеспечены. А это никак не входило в его планы. Гетц перешел на четвертую передачу, выжав максимальную скорость и лихо уворачиваясь от возникающих на пути препятствий.

* * *

Устав лежать и плакать, Лена решила отвлечься. Андрей, скорее всего, проснется во второй половине дня и обрадуется, если его будет ждать горячий обед. Она почистила картошку, лук и собиралась заправить

сварившийся мясной бульон, когда снаружи слышался шум подъехавшей машины, скрип калитки и чьи-то шаги.

— Кто там? — шепотом спросила она и вдруг поняла, что ей очень не хочется смотреть в окно. Но она пересилила себя и взглянула. — Андрей! — это был не крик, а, скорее, стон. Господи, лучше бы она не смотрела. По дорожке, сильно припадая на левую ногу, шел Ян. Вся его грудь и руки были залиты кровью, а лицо имело странный неприятный оттенок и было какое-то неживое.

Наружную дверь подергали. Затем постучали.

— Андрей! — крик наконец-то прорвался наружу и перешел в истошный вопль. — Андре-ей!

Андрей проснулся и вскочил, не понимая, что происходит. Лена звала на помощь. Она была одна, но с кем-то. С кем-то, что не было живым. Ментальный вопль о помощи проник в его душу и заглушил все иные чувства.

— Лена, — закричал он, — ты где? Я иду!

— Андрей, Андрюша, посмотри! — Андрей вбежал на кухню и увидел замершую у окна Лену. — Смотри! Там Ян. Гетц!

Андрей оторопел, схватил ее за плечи и глянул в окно. В дверь нанесли еще один удар, от которого затрещали доски, а затем слышались шаркающие спотыкающиеся шаги. Андрей отпрянул от окна. Ян Гетц, мертвый Ян Гетц, залитый кровью, стоял во дворе и, улыбаясь, смотрел на них.

— А-андрюша, — всхлипнула Лена.

Андрей прижал ее к себе и стал отступать вглубь кухни, готовясь к чему-то нехорошему. Ян пришел к нему. Но как? Ведь он же мертвый! И тут Конев понял, что Ян пришел ЗА ним. И, возможно, ЗА Леной. Неотвратимый и страшный, как сама смерть, но он был не смерть, а что-то хуже. Это было трудно понять, но понимание сейчас и не требовалось. Андрей не хотел думать об этом. Он хотел избавиться.

— А ну-ка давай наверх, — приказал он и подтолкнул ее к выходу из кухни. Лена всхлипнула и прижалась к нему. — Наверх, быстро!

В дверь ударили два раза. Она затрещала, слетела с петель и с грохотом легла на пол.

— Наверх!

Они рванулись к холлу, где была лестница на второй этаж, но в холле уже был мертвый Ян. Он шагал к ним и широко улыбался, как умел улыбаться только он. Освобождение приблизилось. Сейчас он получит долгожданный покой! Он рванулся вслед за ними по лестнице. Его вытянутая рука была все ближе, ближе.

Андрей увернулся от протянутой руки Гетца, схватил стул, стоящий в углу площадки, и швырнул в Яна. Ян не держался за перила, и стул сбил его с ног. Гетц скатился по лестнице, и даже Андрей наверху услышал, как что-то противно хрустнуло.

Он сломал ногу. Пуля повредила кость, а падение с лестницы добило ее вконец. Ян тяжело поднялся и на одной ноге, цепляясь за перила, поскакал наверх. Они уже заперлись, но он все равно откроет. Дверь для него не преграда. Мышцы повинуются все хуже и с одного удара не пробиться. Значит, их будет два или три. Несколько секунд ничего не изменят.

Втолкнув Лену в комнату, Андрей крутнул ручку замка и метнулся к шкафу, где хранилась двустволка ИЖ-43 двенадцатого калибра. Ружье было собрано и стояло в дальнем углу, прикрытое матрасом и одеялами. Рядом с ним лежали две коробки с патронами — крупная дробь и картечь. Андрей держал свой маленький арсенал на случай вторжения грабителей или непрошенных гостей. И, кажется, такой случай настал.

Гетц выломал дверь со второго удара. Он распахнул обе створки и шагнул внутрь, предвкушая освобождение. Он успел заметить стоящего у раскрытого шкафа Андрея и Лену Бориславскую, спрятавшуюся за ним. А затем Андрей нажал на спуск.

Первым выстрелом Гетца отшвырнуло к перилам, которые закрипели и прогнулись под тяжестью его тела, он чуть не упал, ухватившись за них обеими руками, но тут же

второй заряд толкнул его в грудь. Старое дерево не выдержало и Гетц полетел вниз. Он гулко упал и застыл под звон катящихся резных планок. Сверху над ним, глядя с площадки, возник Андрей. И его девка.

— Ты убил его? — почему-то шепотом спросила Лена. Она прижалась к своему защитнику и мелко дрожала, отчего Андрей мужественно расправил плечи.

— Наверное, — пробормотал он, сам не очень-то в это веря. Он не знал, куда попал, но был уверен, что падение с высоты трех с половиной метров не могло не сказаться на здоровье преследователя. — Я пойду проверю.

— О, нет, я с тобой, — Лена схватила его за рубашку, и они вместе спустились вниз. На ходу Андрей перезарядил ружье, роняя патроны из разорванной пачки.

Гетц поджидал их, неподвижно лежа на полу. Он уже испробовал этот способ: не подавать признаков жизни. Он мертв. И убит.

Усыпить бдительность врага.

Они приближались, и Гетцу оставалось только ждать. Вряд ли они смогут держать его здесь до полного разложения. Скорее всего, попробуют вынести на улицу, возможно, прямо сейчас. Или уйдут за помощью. Тогда он сможет спрятаться и запастись каким-нибудь оружием. Уничтожить их своими руками становится все труднее. Сломанная нога, ментовская пуля, да еще два выстрела из ружья лишили его надежного оружия — его тела. Дробь повредила мышцы на обеих сторонах плечевого пояса и снизила сократительную способность верхних конечностей. Откровенно силовой метод был теперь ненадежен.

— Ты убил его, — с уверенностью произнесла Лена.

Они стояли рядом с трупом Яна, который казался им безнадежно мертвым. Он не дышал, не двигался, и, вдобавок, от него исходил тяжелый противный запах. Настоящий покойник.

— Что мы будем делать? — спросила она.

— Надо, наверное, вызвать милицию, — неуверенно сказал Андрей. — Они составят протокол...

— Надо вытащить ЭТО из дома, — твердо сказала Лена. — Он не должен здесь оставаться.

— Но следствию...

— Не спорь со мной, — голос Лены снова обрел повелительный тон, теперь она чувствовала себя хозяйкой. — Так будет лучше, вот увидишь.

Андрей посмотрел на тело Яна. Может быть. Лена часто оказывалась права, даже следуя наперекор доводам Андрея, хорошо продуманным и логически обоснованным. Действительно, не валяться же ему здесь. Вдобавок, этот запах. А следствию все равно, ведь они же не будут отрицать, что убили его в доме. Они же оборонялись.

— Ладно, — сказал Андрей. — Я сейчас одеяло принесу.

— Возьми лучше простыню, — сказала Лена, и Андрей поразился ее рассудительности и тому, как быстро она успокоилась.

— Хорошо, — сказал он и направился вверх.

В свою комнату, служившую ему спальней. А девка осталась здесь. Гетц дождался, когда он поднимется и скроется из виду. Он лежал лицом вверх, с неподвижными глазами, но боковое зрение, выработанное на тренировках, сослужило свою службу и он отлично все видел. Лена зачарованно глядела на него, когда глазные яблоки вдруг пришли в движение, а затем крепкая рука ухватила ее ногу чуть повыше лодыжки.

— А-а-а! закричала она, и этот крик, исполненный обреченности и отчаяния, резанул по ушам копавшегося в шкафу Андрея. Он выронил белье и, забыв про ружье, выскочил на площадку перед дверью.

Гетц не спешил убивать Елену. Она еще послужит ему, чтобы заставить ублюдка Конева передать ему ружье, которого он так боялся. Без оружия он не сможет нанести сколь-нибудь ощутимого вреда. Затем он его убьет. Но сначала убьет ее.

— Андрей, — закричала Лена, — Андрей, миленький, помоги!!!

Гетц стоял, опираясь на стену, одной рукой обхватив ее за шею, другой за талию и заслоняясь ее телом от возможных пуль, которые этот придурок может случайно выпустить. Андрей на секунду скрылся в комнате и вернулся с ружьем. Все шло по плану.

— Отпусти ее, — заорал он. — Отпусти ее, Ян. Что тебе надо?

— Мне, — глухой голос Гетца оборвал все звуки и наступила тишина. Даже Лена, дергавшаяся в его руках, перестала сопротивляться и затихла. — Мне нужно твое оружие, Андрей. Дай мне его.

— Нет, — взвизгнула Лена, но Гетц чуть согнул локоть, и крики стихли.

— Дай мне его, и я отпущу Елену.

Андрей начал медленно спускаться по ступеням.

— Ммм, — промычала вдруг Лена, и пришлось еще немного сдавить ей трахею. Она попыталась оттянуть его руку. Бесполезно.

— Я поставлю его в угол. Отпусти ее.

— Нет, — сказал Гетц, — ты поставишь его рядом со мной. Так, чтобы я мог до него дотянуться.

Андрей остановился. Он переломил ружье и вытряхнул на пол патроны.

— Теперь на, — сказал он, подавая ИЖ-43 прикладом вперед, прямо в протянутую руку Гетца, — получай его.

Пока Гетц думал только о том, как лишиться Андрея оружия. Он хотел заполучить его, привести в негодность и после этого закончить дело мести. Первая часть плана, казалось, была выполнена.

— На, — сказал Андрей, — отпусти Лену.

Гетц ухватился за шейку ложа, и тут Андрей рванул ружье на себя. Гетц был неустойчив на одной ноге и пошатнулся,

Лена дернулась вперед.

— Беги, Лена, беги! — Андрей схватил ее за руку и попытался вытащить из рук убийцы. Гетц, теряя равновесие, старался удержать ее, почти повиснув на ней и все сильнее сжимая объятия. Лена начала задыхаться.

— Ах ты... — Андрей перехватил ружье за ствол и обрушил сокрушительный удар на голову Яна. Послышался гадкий тупой хруст, из-под рассеченной кожи брызнул красновато-коричневый гной. Андрей нанес еще один удар, пришедшийся по плечу, и приклад отломился. Гетц качнулся, увлекая за собой Лену в дверь мансарды. Они ввалились внутрь и упали, вслед за ними заскочил Андрей.

Гетц сжимал и сжимал руку, пытаясь задушить жертву, но иссеченные мышцы уже не могли работать в полную силу. Он попытался повернуться, чтобы освободить и пустить в ход вторую руку, но Андрей оттянул его предплечье в сторону, и Лена выскользнула из смертельных объятий.

— А-ах, — вдохнула она, держась за покрасневшую шею. Мимо лица мелькнула чья-то нога, и Лена откатилась к дверям, чтобы не быть задетой.

Гетц отчаянно боролся с Андреем. Он захватил его менее поврежденной левой рукой и выкручивал запястье, пытаясь его сломать. Андрей сопротивлялся и это ему удавалось. Рука медленно поползла назад.

Тяжело дыша, Лена поднялась на ноги и схватила стоящую в углу бутылку из-под «Абсолюта», до половины заполненную керосином. Размахивая ей, словно дубиной, она нанесла удар по локтю Гетца. Бутылка разбилась, и все содержимое вылилось на него.

Гетц дал Андрею отогнуть руку и встал на колени. Заняв более выгодную позицию, он ощутил перевес в силе и Андрей заорал от дикой боли в вывернутой руке. По лицу Гетца расползалась довольная улыбка.

— Ты должен умереть, — произнес он.

Андрей попытался вывернуться, но пальцы скользили по слизи, выделяющейся из гниющих тканей. Гетц улыбался,

глядя, как его глаза наполняются ужасом.

— Ты убил меня, — сказал он, — теперь твоя очередь.

Лена бесцельно металась по мансарде в надежде найти что-нибудь тяжелое, но кроме старых газет и большой пыльной лампы там ничего не было. Тогда она пустила в ход это единственное оружие и обрушила увесистый баллон на голову Гетца. Не выпуская Андрея, тот обернулся.

— Ты тоже умрешь, — сказал он.

Лена ударила его снова и попала в лицо. Край дна рассек плоть на щеке и оттуда показалась жидкость. Гетц никак не отреагировал на это, продолжая целеустремленно душить Андрея, и ничто не могло оторвать его от этого занятия.

И тут Лену осенило. Она увидела зажигалку, выпавшую из кармана Андрея.

— Ублюдок, — прошептала она, — посмотрим, как тебе понравится это.

Она быстро отвинтила крышку и выплеснула бензин, поливая Гетца с головы до ног. Андрей начал хрипеть.

Она чиркнула зажигалкой и поднесла пламя к извивающемуся телу. Гетц вспыхнул.

— На, на, на! — Лена с остервенением наносила удары по его рукам, пытаясь вырвать Андрея, который тоже начал гореть. Наконец, ей это удалось. Они упали, и он тяжелой грудой навалился на нее. Гетц рычал и корчился, стараясь подобраться поближе.

— Нет, о, Боже, нет! — Лена вскочила на ноги и потащила к выходу тяжелое тело. Вслед за ними полз объятый пламенем убийца. Он все еще рычал, когда они стали удаляться, и попытался ускорить движение, отталкиваясь ногой, но тут Лена наконец вытащила Андрея из мансарды и захлопнула тяжелую дверь.

Гетц заорал. Он горел, распространяя черный дым и удушливый запах. Горела плоть, потрескивая брызгами жира, в углу вспыхнула пачка газет.

— Андрей, Андрюша! — Лена потрясла его, но безрезультатно. Тогда она стала хлестать его по щекам, пытаясь таким образом привести в сознание, и, наконец, это помогло.

Андрей застонал и открыл глаза.

Он зашевелился и дернул рукой, рубашка на которой еще тлела. За дверью раздавались крики Гетца.

— Я его подожгла, — сказала Лена. — Андрюша, что теперь будет?

— Он оттуда не вырвется?

— Нет, я заперла дверь.

Андрей сел и, опираясь на ее руку, тяжело поднялся. Он тупо посмотрел на правую кисть. — Наверх, — сказал он. — В аптечке промедол и бинты.

— Ааандррей, — слышалось из-за двери, — открой. Открой! Лена, открой дверь!

Лена на мгновение застыла, затем повернулась и шагнула к мансарде. Она не успела понять, что делает, безвольно подчиняясь приказам, исходившим с той стороны двери.

— Ленка! — Андрей настиг ее, схватил за плечо и развернул. Он долго смотрел ей в глаза, пока они не приобрели осмысленное выражение. — Пошли наверх!

Она молча кивнула, и Гетц, казалось, почувствовал это.

— Ааанндрреей! — завопил он изо всех сил, понимая, что теряет контроль над женщиной. — Ублюдок, я еще доберусь до тебя!!!

— Наверх, — глухо повторил Конев.

Они поднялись на второй этаж, подальше от шума и тяжелого тошнотворного запаха. Лена усадила его на кровать и открыла шкаф, где хранились лекарства.

— Промедол это?

— Да.

Андрей сжался. Шок проходил, и боль становилась невыносимой.

— Больно? — Лена подошла, держа пластиковую ампулу с иглой на конце. — Ой, я дура, правда?

— Коли в руку, — простонал Андрей. Лево́й рукой он поднял распухшую кисть и боль сдавила тело, заглушая даже ноющую резь от ожогов.

— Куда?

— Все равно.

Лена быстро вонзила иглу в запястье и выдавила содержимое. Половина успела всосаться обратно, когда она вытаскивала иглу, но то, что осталось, подействовало. Андрей ощутил блаженство пропадающей боли.

— Теперь вправь кисть, — пробормотал он.

Внизу Гетц заорал особенно громко и затих.

— Все, конец, — сказал Андрей. Стены комнаты начали расплываться. Лена что-то делала с рукой. — Останься со мной, — пробормотал он. — Я люблю тебя.

Лена дергала кисть и та, наконец, встала на место. Андрей выключился, и это было на руку. Быстро сняв с него рубашку, Лена замерла, глядя на покрытое красными пятнами тело. Кое-где уже начали вздуваться пузыри.

— Андрюша, прости, — сказала она, — прости, миленький.

Говорить было больно. К тому же, к горлу подступил комок, и она заплакала.

— Бедненький, прости меня, это я тебя так, прости, — давясь слезами, она достала мазь от ожогов и начала перевязку, утешая себя тем, что Андрей спит и не чувствует боли.

Мансарда погасла, когда огонь сожрал весь кислород. Окна были закрыты и находились достаточно далеко от источника огня, поэтому стекла остались целы, а дверь

плотно прилегала к косяку, не оставляя практически никакого прохода для свежего воздуха.

Андрей мирно дышал, забывшись в наркотическом сне, и Лена поняла, что осталась одна. Наедине с этим чудовищем. Ян звал ее, и несколько раз она вставала, порываясь спуститься вниз, чтобы открыть мансарду. Он хотел войти, и Лена с трудом сдерживалась, чтобы не выполнить его приказ. Всякий раз она вовремя останавливалась и возвращалась назад, потому что за порогом власть сконцентрировавшегося на своей цели Гетца была безгранична. Чтобы как-то удержаться, она села в кресло и заплакала. И плакала долго.

Андрей пришел в себя ночью. Лена сидела рядом и смотрела на него.

— Как ты? — спросила она.

— Нормально, — выдавил Андрей после попытки двинуться. Все было далеко не нормально.

— Воды дать?

— Дай.

Пока она наливала воду, оставшуюся на дне позеленевшего графина, Андрей достал из аптечки анальгин и съел три таблетки. Спустя некоторое время он почувствовал себя способным к работе.

— Как там?..

Лена молча покачала головой. Она боялась идти вниз.

— Нам надо туда.

— Андрюша! Нет!

Теперь он явственно ощутил присутствие зла. Оно было рядом с ним и оно было внизу. И его следовало немедленно убрать.

— Его надо убрать, — сказал Андрей, поднимаясь в кресле. — Так надо.

— Андрюшенька!

Он повернулся и посмотрел ей в глаза. — Так надо!

Они медленно спустились в холл, и Андрей включил свет, озаривший дверь мансарды.

— Что теперь? — шепотом спросила Лена. Рядом с Андреем она чувствовала себя увереннее и сильнее. Голос Гетца, звучавший в ее голове, становился слабее и постепенно исчез.

— Надо открыть дверь, вынести и зарыть... ЭТО. ЭТО.

— А в милицию не будем сообщать?

Андрей покачал головой. — Теперь это НАШЕ дело.

Он подошел к мансарде и повернул замок.

Лена захотела удержать его, потому что когда дверь откроется, из темноты, окутанный дымом, появится обгоревший Ян Гетц, холодный и страшный, нет, он будет горячий, как кусок запеченного мяса, он будет двигаться и схватит Андрея за горло, потому что тот пришел потревожить его покой. Мансарда — обитель Гетца, весь дом — жилище его. Они стали теперь одно целое и любой, пришедший нарушить эту целостность, умрет. Лена была настолько уверена в этом, что вздрогнула, когда щелкнул замок.

Гетц схватит Андрея за шею и будет душить, отвратительно улыбаясь, потом он придет за ней, чтобы забрать.

Жизнь?

Самое дорогое.

Ее ребенка. Она инстинктивно прижала руки к животу, защищая его. Еще неродившееся дитя. Она хотела сказать об этом Андрею, но он уже толкнул дверь и она открылась.

Повалил дым.

И никто не вышел.

Андрей распахнул ее ногой, и широкая полоса света выхватила из темноты шевелящуюся массу, весьма отдаленно напоминающую человеческие останки. Плоть была сильно опалена, местами виднелись обугленные кости, но все же она продолжала слабо шевелиться.

— Тащи лопату и простыню, — сказал Андрей. — И открой окно.

Пока он сгребал останки, Лена пыталась вырыть яму в глубине сада. Это заняло у нее не один час, потом ей пытался помочь Андрей, но он мало что мог сделать своей одной рукой, и вся работа досталась ей. Когда наступило утро, они опустили в могилу пульсирующий комок и стали спихивать на него землю.

— Господи, упокой его душу, — произнес Андрей. Лена заплакала.

Она плакала навзрыд, жалобно, как ребенок. Андрей припал своими сухими потрескавшимися губами к ее нежным от слез губам, успокаивая и утешая ее, — лучшее, что он мог сделать. Внезапно им стало холодно, земля под ногами перестала шевелиться и рядом как будто возник кто-то третий, невидимый и опасный. Андрей обнял Лену здоровой рукой, а она прижалась к нему, и третий исчез. И тотчас взошло солнце.

notes

Примечания

1

Короткий прямой удар кулаком.

2

Круговой удар ступней.

3

Прямой удар пяткой назад.

4

Удар тыльной поверхностью кулака.

5

Прямой удар кулаком.

6

Удар ребром ладони.

7

Прямой удар ногой.

Круговой удар ногой.

